

А. Аршаруни

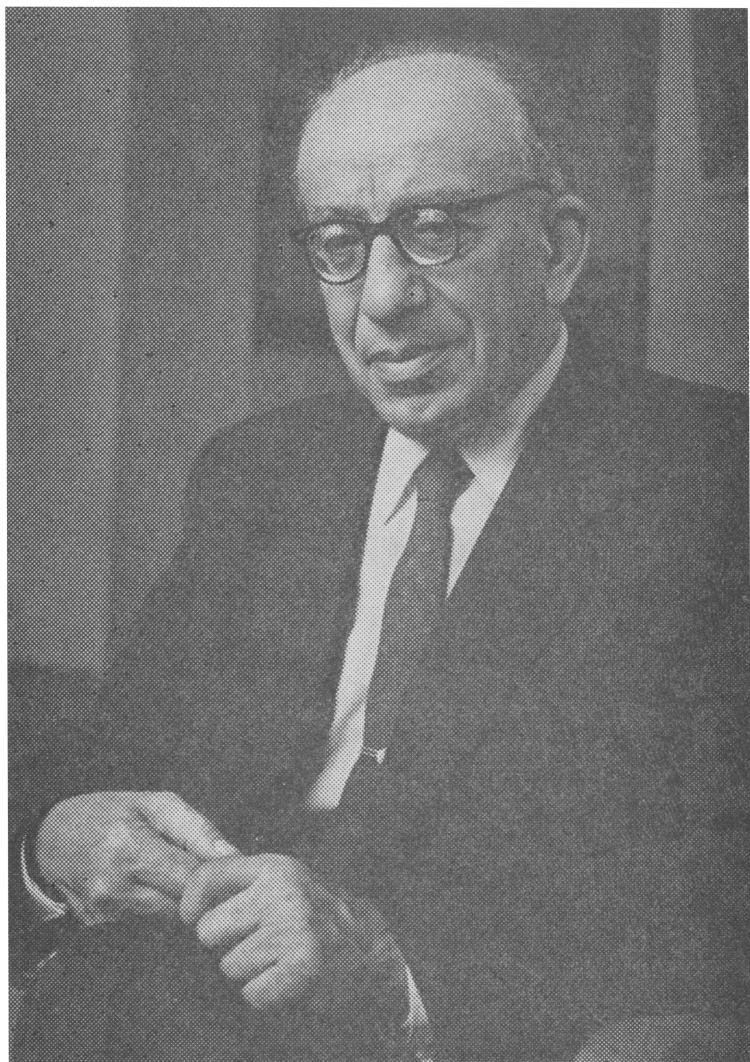
ВСТРЕЧИ
С ПРОШЛЫМ

55 коп.

А.Аршаруни

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

ОЧЕРКИ

МОСКВА · СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · 1979

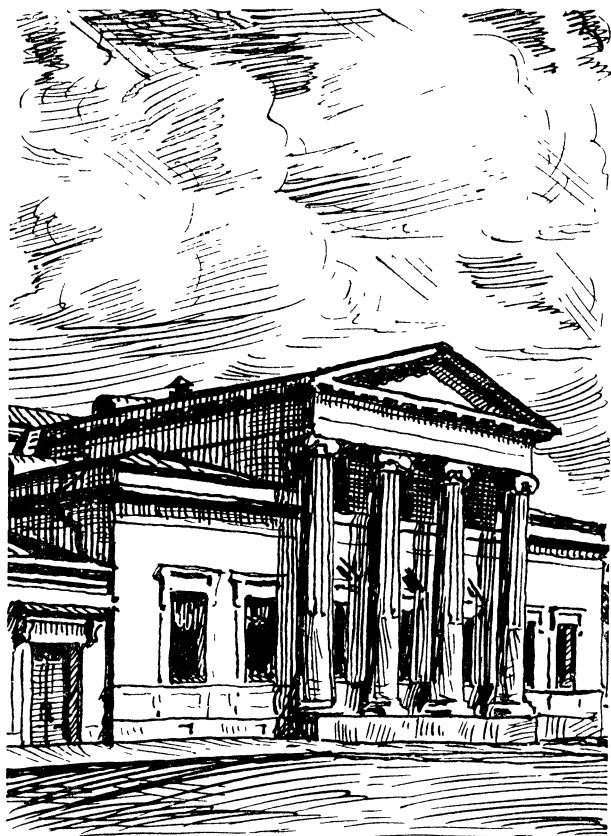
В кругу людей, с которыми жизнь сводила А. М. Аршаруни, старого большевика, были многие из тех, кто занимал значительное место в истории нашего общества, литературы, искусства. Перед читателем проходит несколько десятилетий. В своих очерках автор рассказывает о встречах с А. Луначарским, М. Горьким, Р. Тагором, Г. Лахути, Д. Бедным, М. Сарьяном, К. Цеткин, Е. Стасовой. Непосредственные свидетельства автора, рассказы современников, документы помогают ему воссоздать образы многих замечательных людей нашего времени.

Художник М. Ф. ЛОХМАНОВА

1

ТИЛЬЗИТСКИЙ ДОГОВОР

В. Д. Бонч-Бруевич

1

Владимир Петрович Потемкин, дипломат и академик, народный комиссар просвещения Российской Федерации, поставил меня в весьма затруднительное положение: я должен понравиться Бонч-Бруевичу. Да, именно понравиться.

Вызвал меня к себе нарком весной 1941 года.

— Вы когда-нибудь имели столкновения с Владимиром Дмитриевичем? — обратился ко мне товарищ Потемкин после обычного приветствия.

— Нет, — ответил я.

— Ни в печати, ни на собраниях, ни в каком-нибудь выступлении?

— Нет, Владимир Петрович, никаких столкновений у меня с ним никогда не было.

— Это очень хорошо. Я выяснил это до вашего прихода, хотел еще раз проверить для ясности.

Сажу в кабинете наркома и ничего не понимаю.

Разговор о Владимире Дмитриевиче Бонч-Бруевиче, как мне казалось тогда, никакого отношения не имел к Центральному лекционному бюро, где я работал. В Литературный музей наши лекторы не обращались, и

его мы не обслуживали. Одним словом, увертюра была к совершенно иной опере, но к какой именно, я не мог себе представить.

— Подумайте,— продолжал Владимир Петрович,— вам придется встретиться с Владимиром Дмитриевичем. Надо, чтоб вы ему понравились.

— ?!

— Да, да, понравились! — И сам смеется.— Смотрите,— он поднимает со стола какую-то бумагу,— приказ готов, а подписать не могу. Это состав комиссии по обследованию деятельности Литературного музея. Главный редактор изданий этого музея — Бонч-Бруевич. Состав комиссии авторитетный, деловой, а председателя не можем подобрать. Несколько кандидатур было, но, по договоренности с Владимиром Дмитриевичем, мы должны получить его согласие. А он всех наших кандидатов отводит и отводит. Их было, не помню, четыре или пять. Поймите правильно: мы не хотим ни поссориться с Бонч-Бруевичем, ни обидеть его. Вот и оказались в тупике.

Пауза в кабинете наркома продолжалась недолго. Пока я думал, Владимир Петрович позвонил по телефону Бонч-Бруевичу, поговорил с ним и обратился ко мне:

— Владимир Дмитриевич просит вас сегодня в пять часов зайти к нему в музей. Желаю удачи.

...Перед уходом из Наркомпроса я зашел в Управление музеями, и там меня познакомили с «материалами», имеющимися в распоряжении наркома.

Пухлая папка жалоб, просьб, донесений, заявлений. Некоторые из Наркомата финансов. В них Бонч-Бруевич обвинялся в нарушении финансовой дисциплины, в безнаказанном расходовании безлюдного фонда, в покупке множества предметов: бумаг, писем, автографов, картин, даже лоскутков, никак не обогащающих Литературный музей. Еще Владимир Дмитриевич обвинялся в том, что, пользуясь своим авторитетом, ходил в ЦК и Совнарком и через голову Наркомфина добивался дополнительных

ассигнований на приобретение новых материалов. Иной год эти дополнительные средства составляли полтора-два — двести процентов к тому, что отпускалось по сметам.

Были и другие, менее существенные, претензии.

Самый грозный противник Владимира Дмитриевича — Наркомфин не находил средств борьбы с нарушителем финансовой дисциплины. А тот продолжал свою неутомимую деятельность... Настал наконец момент, когда было решено обследовать эту сторону работы Литературного музея.

...Пять часов дня. Переступаю порог музея, находившегося тогда против Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, на Моховой.

Владимир Дмитриевич встречает меня очень сдержанно. Прежде я с ним никогда не общался, поэтому не могу определить его настроение и отношение ко мне. Тем более что я пришел в роли ревизора.

— Владимир Дмитриевич, — начинаю сразу, не переводя дыхания, — более десяти лет искал случая передать вам одну вещь. Хотя, должен признаться, она для вас большого значения не имеет.

Вижу, Владимир Дмитриевич в какой-то мере смягчается.

— Записка Алексея Максимовича Горького. Несколько строк о вас.

— Где эта записка?

— В моем литературном архиве.

Я не спеша рассказываю Бонч-Бруевичу историю этой записки.

В 1928-м и 1929 годах, когда выходил альманах «Страна Советов», по предложению П. Г. Смидовича, мы пригласили А. М. Горького быть главным редактором этого альманаха. Горький согласился. На квартире Е. П. Пешковой редколлегия альманаха определила функции каждого из нас. Договорились, что я буду посылать Алек-

сею Максимовичу в Сорренто почту с П. П. Крючковым и получать обратно рукописи после его возвращения из Италии.

В очередной почте Горькому я, с согласия П. Г. Смидовича, послал интересный очерк В. И. Татишвили о сектантах. На первой странице рукописи Алексей Максимович написал: «Надо этот очерк показать Вл. Дм. Бонч-Бруевичу, большому знатоку сектантства».

Однако после третьего номера альманах перестал существовать. Надобность в консультации отпала.

Внимательно выслушав, Владимир Дмитриевич сказал:

— Продайте нам эту рукопись с пометкой Горького.

— Владимир Дмитриевич, я из моего архива ничего не продаю. Хочу написать работу. Когда закончу, передам весь материал в музей имени Горького.

— Подарите нам эту рукопись.

— Не могу.

— А посмотреть можно?

— Да, конечно. Завтра же принесу и покажу вам, Владимир Дмитриевич.

— Может быть, эту страницу можно сфотографировать?

— Да, это можно.

Договорились, что на следующий день я захвачу рукопись В. И. Татишвили и дам для фотографирования.

Владимир Дмитриевич поднимает трубку телефона, набирает номер и разговаривает с наркомом. Он согласен с моей кандидатурой на роль председателя комиссии по обследованию деятельности музея...

2

Владимир Дмитриевич начал вводить меня в курс дела. Он знал о многих записках и жалобах Наркомфина, о заявлениях, лежащих в папке наркома просвещения.

Нельзя сказать, что все это его глубоко волновало. Но беспокоился он безусловно.

В первый же день нашего знакомства Владимир Дмитриевич высказал свое огорчение: сидят в различных учреждениях люди, которые понятия не имеют о ценности исторических материалов, уникальных документов.

Я молчал. Во-первых, мне надо было самому познаться с положением дел. Ведь я с этого момента считался ревизором. Во-вторых, подвернулся очень удобный случай выслушать соображения самого «виновника», большого ученого, государственного деятеля.

Неожиданно оборвав свои гневные слова по адресу Наркомфина и его работников, Владимир Дмитриевич спросил у меня:

— Как вы думаете, где может находиться Тильзитский договор?

— Один экземпляр — у нас, в архиве царского МИДа, другой — во Франции, — уверенно сказал я.

— Когда вы приступите к ознакомлению с «материалами», наверно, и об этом важном политическом документе кое-что прочтете. Лучше я сам расскажу вам эту занятную историю.

Расположение духа Владимира Дмитриевича явно доброе, и он начинает свой рассказ:

— Ко мне обращаются самые разные люди и с самыми неожиданными предложениями. Сравнительно недавно, несколько месяцев назад, приходит молодой человек. (За время моей работы в музее я видел разных людей, и, как правило, интересных, увлеченных, ревностно относящихся к памятникам нашей литературы.) Приходит молодой человек и обращается ко мне: «Владимир Дмитриевич, купите у меня Тильзитский договор?» Посмотрел я на молодого человека, — вид у него приличный, вероятно студент, лет двадцати с небольшим, держит в руках какую-то папку.

«Покажите,— говорю я ему,— ваш Тильзитский договор».

Студент (потом он действительно оказался вузовцем) достает из папки пергамент, кладет на мой стол.

Тильзитский договор!

Глазам не верю.

«Я вам могу ответить только через два дня, послезавтра. Если это вас устраивает, прошу оставить Договор у меня, я его положу в сейф, а послезавтра в первой половине дня зайдите за ответом. Согласны?»

«Да, согласен».

«Написать расписку?»

«Что вы, Владимир Дмитриевич, какая расписка! Я же Договор оставляю у вас».

При нем кладу в сейф папку с Договором, запираю на ключ.

Когда молодой человек ушел, я открыл сейф, достал папку и стал рассматривать документ. Уж очень соблазнительный материал!

Проверка показала, что документ подлинный. Даже золотой песок искрится на чернилах.

Позвонил в Наркоминдел, своему старому другу профессору А. Е. Адамову, хранителю архива царского МИДа и нашего наркомата. Договорился с ним о встрече, сказав, что есть неотложный разговор.

Начал я беседу с ним не по существу. Какие-де у вас порядки хранения древних документов, хорошо ли они систематизированы, можно ли сразу и без долгих поисков найти нужный государственный акт?

На мои вопросы старый друг отвечал охотно, степенно, но с каким-то недоумением.

«Владимир Дмитриевич, чувствую, что-то интересное приобрели?»

«Нет, пока ничего не приобрел. Меня волнует такой вопрос: не может ли у вас произойти утечка документов из сейфов?..»

Мой друг обиделся. Я сразу заметил это по его лицу.

«Представьте — некий молодой человек приносит мне старинный акт и говорит: «Купите». Что мне делать? Позвонить вам и спросить, лежит ли этот документ у вас на месте, или...»

«Владимир Дмитриевич, я же вас хорошо знаю, скажите прямо: что произошло?»

Мой друг уже явно нервничал. Тогда я спросил, можно ли мне сейчас посмотреть какой-нибудь царский договор.

«Конечно, можно. Какой бы вы хотели, Владимир Дмитриевич?»

«Хотя бы Тильзитский».

«Пожалуйста. Через несколько минут этот договор будет здесь».

А. Е. Адамов вызывает по телефону сотрудника и просит сейчас же принести ему Тильзитский договор.

Проходит несколько минут, и на столе профессора Адамова появляется папка. Точно такая же, как у меня в портфеле.

Вместе рассматриваем Договор.

Мой собеседник все еще не понимает смысла моего посещения.

«Сколько экземпляров Тильзитского договора было подписано?» — спрашиваю я. Хотя мне, историку, это хорошо известно.

«Два экземпляра. Один — вот этот, что мы с вами держим в руках. Это экземпляр Александра Первого. Другой принадлежал Наполеону».

Тут я не выдерживаю. Достаяю из портфеля свою папку, кладу рядом с мидовским экземпляром, раскрываю и спрашиваю:

«Этот экземпляр подлинный?»

Профессор хладнокровно берет в руки «мой» экзем-

пляр, внимательно рассматривает, сравнивает со «своим» и говорит:

«Подлинный Наполеоновский экземпляр. Сохранность хорошая.—Подумав немного, он добавляет:—Поздравляю вас, Владимир Дмитриевич, с приобретением».

Уходя, я обещал Адамову потом, когда дело будет завершено, рассказать все подробности.

...В назначенный час ко мне явился молодой человек.

Я достал из сейфа документ, положил на стол. Спрашиваю:

«Сколько вы просите за этот документ?»

«Две тысячи рублей, Владимир Дмитриевич»,— отвечает молодой человек и прямо смотрит мне в глаза.

«Вот бумага, пишите заявление и расписку в получении денег. С моей резолюцией пойдете в бухгалтерию, получите деньги, а потом зайдете ко мне. Ясно?»

Процедура оформления бумаг заняла не много времени. Получив деньги, молодой человек тотчас вернулся ко мне.

«Теперь расскажите, как к вам попал этот документ».

Сидя на том же месте, где сейчас сидите вы, молодой человек рассказал любопытную новеллу.

«Экземпляр Тильзитского договора, который вы приобрели у меня, был нашей семейной собственностью. По наследству отец передавал его сыну. Так он дошел и до меня. Я потомок донского атамана Платова, героя Отечественной войны 1812 года. Его конный корпус прошел всю Европу, преследуя армию Наполеона. И в 1814 году вошел в Париж.

После занятия Парижа мой предок атаман Платов задумал сделать сюрприз Александру Первому. Ворвавшись со своими казаками во дворец Тюильри, он перевооружил канцелярию императора, разыскал Тильзитский договор, заключенный между Наполеоном и Александром

ром Первым в 1807 году. Затем явился к Александру Первому и доложил:

«Ваше величество, в моих руках Тильзитский договор, экземпляр Наполеона. Передаю его вашему величеству. С сегодняшнего дня никаких обязательств по этому договору вы больше не несете...»

Александр Первый тепло поблагодарил храброго атамана и сказал:

«В знак нашей победы, нашего совместного пребывания в Париже, я передаю этот Договор на хранение твоему роду, славным сынам атамана Платова. Храните его, передавайте из поколения в поколение».

Сто двадцать семь лет этот пергамент хранился у нас, в семье Платовых. Я унаследовал его последним. Я — студент советского вуза. Живу в Советской стране, гражданин своей родины. Я решил принести этот документ вам, вы будете хранить его лучше меня. К тому же мне очень нужны деньги...»

Вот и вся история, которую я хотел вам рассказать.

— Теперь против этой покупки ополчились наркомфиновцы,— закончил свое повествование Владимир Дмитриевич.

Наступила пауза.

Я задумался. В числе многих других «обвинений» действительно числился и этот случай. Аргументы мне были известны. Бонч-Бруевича обвиняли в том, что он покупает чуть не все, что ему приносят, даже то, что не имеет никакого отношения к истории литературы.

Я задал ему шаблонный вопрос:

— Владимир Дмитриевич, все, что вы рассказали, чрезвычайно интересно. Но какое же отношение имеет Тильзитский договор к Литературному музею?

Владимир Дмитриевич несколько не смутился.

— Прямого отношения не имеет. Но косвенное — несомненно. У Льва Николаевича Толстого встреча Алек-

сандра Первого с Наполеоном в Тильзите упоминается? Это во-первых. А во-вторых, я хотел сохранить этот документ у нас, в нашей стране. Он у нас будет находиться в обменном фонде.

— С кем же вы собираетесь меняться?

— С каким-нибудь нашим институтом или музеем.

— ?!

Видя мое недоумение, Владимир Дмитриевич, улыбаясь, сказал:

— Никто у меня его не получит. Он останется в Литературном музее.

А. В. Луначарский

ПО СЛЕДАМ ЮНОСТИ

Как-то появилось у меня желание совершить небольшую прогулку по Москве, в черте ее старых границ. Вернуться мысленно к двадцатым и тридцатым годам, к хорошо знакомым людям и событиям того времени.

Захотелось постоять перед зданиями, многие из которых являются подлинными памятниками архитектуры.

Это — театры и зрелищные учреждения, Дом Союзов и здания высших учебных заведений, научных организаций и издательств... Есть среди них и большие корпуса заводов и фабрик Москвы. Последние находились обычно не в центре города, а на тогдашних окраинах. Теперь они почти в центре Москвы, разросшейся, раскинувшейся во все стороны.

Хочу сегодня мысленно встретиться с Анатолием Васильевичем Луначарским в зданиях, куда он часто приходил, где выступал и где мне пришлось много раз его встречать.

Итак, идем по местам, где бывал, выступал, работал А. В. Луначарский.

Я любил Луначарского. Давно и искренне. Знал его близко. Казалось, знал хорошо. Учился у него. Изучал

его труды. Всегда с болью читал воспоминания о нем даже любимых мною авторов, если находил в них плоды поверхностных наблюдений...

Но начнем наше небольшое путешествие.

Я всегда волнуюсь, когда поднимаюсь по лестнице Большого театра.

Много тревожных и радостных дней пережили мы в этом храме искусства и культуры. Ленин. Коминтерн. Партийный съезд. Съезд Советов. Встречи. Много встреч с интересными людьми. С прославленными деятелями нашей страны...

Более пятидесяти лет назад, 10 сентября 1928 года, страна отмечала столетие со дня рождения Льва Толстого.

Залитый светом театр. В зале представители почти всех профессий. Много вузовцев, рабфаковцев. Молодые рабочие...

На трибуне Анатолий Васильевич. Его доклад, как всегда, содержательный, эмоциональный. Никаких конспектов. На мой вопрос: как это ему удается? — он ответил:

— Доклад, продиктованный стенографистке, выправленный и перепечатанный, у меня в кармане. Если память изменит, я обращусь к нему...

Как мне известно, память не изменяла ему до последних дней жизни. Но жизнь-то у него была непродолжительная — всего пятьдесят восемь лет...

Доклад Анатолия Васильевича на торжественном заседании в Большом театре в 1928 году был поэтическим трактатом о творчестве великого писателя. Великолепным образцом ораторского искусства...

Сделаем шагов сто, самое большое — двести от Большого театра. Дом Союзов... Теперь, в окружении гигантов, он стал приземистым, невзрачным... Но это же Дом Союзов!..

В двадцатых годах Анатолий Васильевич нередко вы-

ступал здесь на диспутах. Постоянным его оппонентом был архиепископ Введенский, профессор богословия.

Наука и религия — такова была тема этих диспутов. Аудитория — главным образом молодежь с заводов и фабрик, студенты, школьники — бурно реагировала на каждую реплику. Разговоры продолжались и на улице.

Каждый раз мы являлись свидетелями новых приемов полемики, остроумия и находчивости, наступательного задора, использования неотразимых аргументов, умения нанести контрудар там, где противник никак не мог его ожидать.

Нас поражала не эрудиция Анатолия Васильевича. И не то, что оратор он был высшего класса. Все это мы хорошо знали. Нас удивляли его умение использовать свои знания, убедительная сила аргументации, быстрая смена полемического оружия, неожиданность приемов спора, меткость ударов по противнику.

Вот один из эпизодов, оставшийся у меня в памяти.

Очередной диспут подходит к концу. Пора приступить к заключительным словам.

На трибуне профессор богословия, архиепископ Введенский.

Он говорит образно, увлекательно.

Его тезис об ограниченности науки и человеческого познания нам известен. И сейчас, в своем заключительном слове, он говорит о том, что господь бог приходит на помощь человечеству там, где наука беспомощна.

Ко всему этому мы уже привыкли. Но под занавес Введенский начинает новую атаку:

— Религия помогает науке там, где наука беспомощна, неспособна справиться с поставленной задачей. Об этом говорит и тот факт, что люди, защищающие позиции науки, оказавшись в тупике, прибегают к помощи бога, к известному вам богоискательству... Так произошло и с моим уважаемым оппонентом, когда он и его единомышленники растерялись. Наука не смогла их спасти... Да по-

может господь бог моему оппоненту и его единомышленникам найти справедливый путь и выход из тупика...

Мы настораживаемся. Как Луначарский ответит на этот неожиданный выпад?

На трибуне Анатолий Васильевич. Речь его уже идет к концу, но по поводу богоискательства — ни слова. Конечно, в полемике нельзя идти на поводу у противника. Иногда следует сделать вид, что вопрос не заслуживает внимания и нет необходимости отвечать на него, все-де и так ясно.

Но тут?

Заключительное слово А. В. Луначарского нас разочаровало. Мы ждали гневного отпора. Хотелось сказать профессору богословия: не суйся в чужие дела!

Закончив свое заключительное слово, Анатолий Васильевич сошел с трибуны. Мы аплодировали, но в душе сердились на Луначарского... Как-нибудь, в иной обстановке, придется спросить у него: какова была его тактика в данном случае, почему он уклонился от боя со своим противником? Но нас опередил сам Анатолий Васильевич.

Поправляя пенсне, Анатолий Васильевич шел к столу президиума. Шел не спеша. Вдруг, как бы вспомнив что-то, остановился, сказал: «Да-а», вернулся к трибуне, но не поднялся на нее.

— Здесь,— негромко начал он,— напомнили об известных всем вам моих заблуждениях после первой русской революции, получивших наименование богоискательства. В связи с этим я вспомнил один разговор с Владимиром Ильичем Лениным. В те годы он как-то мне сказал: «Анатолий Васильевич! Голубчик, опомнитесь. Что вы делаете? Не забудьте, когда-нибудь паршивый попик вам это припомнит».

И всё. Больше Анатолий Васильевич ничего не сказал. Снова поправил пенсне. Пошел к столу президиума. Опустился на стул.

...Встречи двух противников на диспутах «Наука и религия» потом продолжались в Москве и Петрограде. Если мне не удавалось быть на очередном диспуте, я спрашивал друзей: «Говорил ли Введенский относительно богоискательства Луначарского?» И всегда слышал в ответ одно и то же: нет! Это оружие из арсенала архиепископа Введенского сделало холостой выстрел.

Другой памятный вечер в Доме Союзов, когда тоже выступал Анатолий Васильевич Луначарский.

Приехал к нам впервые в своей жизни Бернад Шои. Демонстративно приехал в Москву, чтоб здесь отметить свое семидесятипятилетие.

Его, этого оригинального мыслителя, драматурга и человека, пугали, предупреждали, передавали, пересказывали ему имевшие хождение в некоторых кругах Запада самые нелепые небылицы о Советском Союзе. Ничто не помогло. Бернад Шои решительно сказал: еду в Москву!

В сопровождении знатных людей Англии, среди которых была и леди Астор, он пересек нашу западную границу. Его друзья собрали ему такой багаж, какой в свое время брал с собой Тартарен из Тараскона, когда ехал в Африку ловить львов... Чего там только не было!

Бернард Шои со свойственным ему юмором говорил: — По дороге из Минска в Москву мы выбрасывали из вагона: подушки, матрацы, одеяла... Все, что наши сердечные друзья дали нам в Англии.

В этот летний вечер, 26 июля 1931 года, Дом Союзов в нарядном одеянии. Отмечается семидесятипятилетие Бернарда Шои. Его торжественно чествуют не в Лондоне, не у себя дома, а у нас в СССР, в Москве.

Колонный зал переполнен. Москвичи умеют встречать своих друзей. Они это показали в тот вечер, когда на сцене появился юбиляр. Тут же был и Анатолий Васильевич Луначарский.

Луначарский и Шоу! Они рядом. Старые знакомые! Знают друг друга около двадцати лет.

В своем слове Бернارد Шоу с признательностью сказал:

— Неделю назад Луначарский был для меня лишь очень известным именем. Но сейчас он для меня живой человек. И я нашел в нем не только партийца-коммуниста, но и нечто такое, что русские, и только русские, могут мне дать: я имею в виду умение понять и оценить мои драматургические произведения с такой глубиной и с такой тонкостью, которых, должен это признать, я никогда не встречал в Западной Европе.

ИМПРОВИЗАЦИЯ ЛИ?

Луначарский исключительно много работал. Об этом говорят все, кто знал его близко.

Могу подтвердить это на основе собственных наблюдений.

Приходил я к нему по пятницам, в восемь часов утра. Не помню исключений. Не помню, чтоб мне пришлось хоть раз ждать его в этот ранний час да еще зимою, когда в Москве поздно светает...

Когда я поднимался по лестнице бывшего Потешного дворца в Кремле, навстречу мне выбежал Толя, сын Анатолия Васильевича. Почему-то запомнились его вечно спадавшие чулки в резиночку. Подтягивая чулки, он говорил:

— А папа уже работает.

Да я и не сомневался, что Анатолий Васильевич уже работает. Работает давно.

Иной раз я слышал из приемной его голос. Нарком диктовал стенографистке очередной доклад, статью, лекцию. Именно в эти часы, когда у других рабочий день еще не начинался.

Иногда он в этот ранний час разбирал книги, наваленные на большом столе в приемной.

Я называю приемной проходную комнату, которая вела в кабинет Анатолия Васильевича. Там стоял большой стол у стены. Наркомовский книжный «паек» складывался на этот стол. Когда «паек» получался, мне неизвестно, но по пятницам книг всегда бывало много, и Анатолий Васильевич обычно разбирал их.

Сначала внимательно рассматривал обложку или переплет, потом непременно проверял титульный лист, оглавление, перелистывал и складывал в одну из стопок. Тут же говорил: «Это — Валерию Яковлевичу». Значит, новая книга по вопросам литературы предназначалась для В. Я. Брюсова, начальника Литературного отдела Наркомпроса. Или: «Это — Михаилу Николаевичу». Значит — историку М. Н. Покровскому.

Не знаю, полагались ли книжные «пайки» заместителям наркома, но Анатолий Васильевич сам отбирал книги, которые, по его мнению, могли понадобиться его помощникам.

И каждый раз, кончая разбор очередных поступлений, Анатолий Васильевич брал несколько новых книг и, как бы оправдываясь, говорил: «Я не считаю преступлением, если человек берет себе книгу, нужную ему и без пользы лежащую у другого».

Многие мемуаристы, писавшие о Луначарском, с восхищением отмечали, что Анатолий Васильевич легко соглашался выступать с докладами, лекциями, юбилейными речами; бывало так, что утром он узнавал о том, что вечером ему предстоит выступать. Времени на подготовку уже не оставалось. И все-таки он выступал, и, конечно, с блеском.

Импровизация? Фантазия на тему?

Так ли?

Анатолий Васильевич слишком дорожил своими слушателями, чтоб прийти к ним с импровизацией, пусть и

блестящей по форме, но недостаточно содержательной.

На торжественном заседании в связи с семидесятилетием со дня рождения Бернарда Шоу его речь продолжалась не больше пятнадцати минут. Но по своему содержанию это была целая монография о творчестве Шоу.

Да и как могло быть иначе: ведь творчеством Бернарда Шоу Анатолий Васильевич заинтересовался давно, лет примерно за двадцать до того дня, когда он выступил о нем в его присутствии.

Еще в 1912 году А. В. Луначарский напечатал в журнале «Театр и искусство» работу под названием «Французский критик об английском комедиографе». В ней речь шла о Бернарде Шоу.

Уже эта работа показала, что ее автор глубоко изучил творчество английского комедиографа.

Потом, на протяжении двух десятилетий, Анатолий Васильевич не раз возвращался к творчеству Бернарда Шоу.

Незадолго до смерти А. В. Луначарского, в начале января 1933 года, в «Вечерней Москве» была опубликована его статья «Бернард Шоу еще раз говорит правду».

Луначарский продолжал следить за творчеством Шоу, за борьбой вокруг него, все глубже проникал в творческую лабораторию английского драматурга. Причем делал это не только как литературовед, но и как политик.

Анатолий Васильевич мог без подготовки выступить в любое время, перед любой аудиторией, потому что обладал поистине энциклопедическими знаниями. Поэтому он и не нуждался во время выступлений ни в каких конспектах.

Над очень многими темами и проблемами Луначарский работал на протяжении многих лет, постоянно к ним возвращался. До последних дней он надеялся осуществ-

вить свою давнюю мечту: завершить исследование об английском философе Фрэнсисе Бэконе.

Луначарский охотно соглашался выступать с докладами, лекциями, речами. Его выступления часто производили впечатление импровизированных, но на самом деле они были подготовлены всей его жизнью. Каждая тема была проработана, продумана, проверена до мельчайших деталей.

Уже тяжело больной, Луначарский строил новые творческие планы, стремился реализовать их не откладывая, сегодня же. Он сознавал, какие богатства накопил за свою жизнь, мечтал передать их подрастающему поколению.

«...Так хотелось оставить молодому поколению мои, в сущности, очень большие знания в области мировой культуры и искусства, как-то собрать их в одной-двух-трех книгах...»¹

Срока, отпущенного жизнью, не хватило.

---

¹ М. К о л ь ц о в. Избранные произведения в трех томах, т. 1. М., Госполитиздат, 1957, стр. 570.

НА БЕСКРОВНОМ ФРОНТЕ

П. Л. Войков

А Я ШАГАЮ ПО МОСКВЕ

Получается как в современной песне:

«А я иду, шагаю по Москве...»

Идти мне порядочно. От Крымской площади, где находится Народный комиссариат просвещения, по Остоженке, потом по Волхонке, по Моховой, мимо университета и Манежа к Охотному ряду, дальше, минуя Большой театр, к Лубянской площади, а там на Большую Лубянку, в Наркомат иностранных дел.

В Москве нет метро, нет такси, нет автобусов и троллейбусов. Мало, очень мало автомашин. Есть трамвай, но, во-первых, он не ходит по Остоженке, а во-вторых, вообще ходит только к началу и концу работы — перевозит рабочих. Есть извозчики, вернее — начали появляться. Их мало. Плата по соглашению, но... Аллах с ними, с этими извозчиками. Самое верное — пешком.

В папке у меня выписка из приказа Наркомата просвещения за подписью замнаркома Е. А. Литкенса. Меня назначают представителем наркома при НКИД в Российско-Украинскую делегацию по реализации Рижского договора.

Я иду представляться Петру Лазаревичу Войкову,

председателю делегации, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. По пятницам, в восемь часов утра, я должен являться в Кремль, в бывший Потешный двор, к А. В. Луначарскому, с отчетом о работе за неделю.

Итак, я иду, шагаю по Москве.

Ноябрь 1921 года. Холодно. Снег лежит на улицах, и было бы грешно сказать, что московские дворники спешат с его уборкой. Допустим, проявили бы энтузиазм или на крайний случай выполнили бы долг службы. Вышли бы на улицу. Сагитировали молодежь на субботник. А куда девать снежные сугробы? Как, куда их вывезти?

На главных улицах, по которым ходят трамваи, снег убирают, конечно. Но на Остоженке этим делом домуправы не занимаются...

А я иду, шагаю по Москве...

Когда шел на Крымскую площадь с направлением из Орготдела ЦК к А. В. Луначарскому, не мог себе представить, что меня сделают дипломатом. Какое мне дело до дипломатии, если я в Москве хотел учиться в Институте красной профессуры! Опоздал к началу занятий. Приняли вольнослушателем философского отделения. Пользовался всеми правами и обязанностями слушателя ИКП. Надо работать и заниматься «без отрыва от производства».

Пришел в Наркомпрос, чтоб не отрываться «от производства». После продолжительной беседы с наркомом, по его рекомендации, меня решили сделать дипломатом.

Этот дипломат в бурке (у меня нет пальто, две зимы я хожу в бурке) верных пять, а может быть, и больше километров шагает по Москве, чтоб дойти до места назначения.

Мой предшественник, профессор Т. В. Оганезов, человек старше меня по возрасту, занятый большой педагогической и общественной работой, отказался выполнять

еще и эти обязанности. Не по душе ему пришлось это дело, призвания к нему не было.

А у меня?

Я пришел на прием к наркому просвещения, надеясь, что он направит меня в одно из учебных заведений. А он, поговорив со мной, сказал:

— Поработайте с Петром Лазаревичем. Потом посмотрим. Времени у нас с вами много.

Дошел до Дома НКВД. Вхожу в кабинет. Навстречу поднимается человек с открытым лицом, атлетического сложения, подвижной, элегантно одетый. Густые волосы, очень приятные, глубокие глаза. Это Войков. С ним мне предстоит работать.

Садимся мы с Петром Лазаревичем не за стол, а в сторонке. От этого наша беседа становится непринужденной.

Сразу же уточняются мои функции.

Я должен своевременно и систематически информировать Луначарского обо всем, что в работе нашей делегации имеет касательство к Наркомпросу; должен следить, чтобы главки Наркомпроса и их местные организации точно выполняли предусмотренные договором решения о выдаче имущества польской стороне.

Могут быть и некоторые отдельные задания.

— Сегодня в письме к полномочному министру пану Ольшевскому,— говорит П. Л. Войков,— поставлю его в известность, что вы назначены членом нашей делегации, уполномоченным А. В. Луначарского. На первом же заседании лично представлю польской стороне. У нас образовалась группа «хронических» дел. Не то чтобы трудные дела, нет, но хлопотливые и затяжные. Хотелось бы с вашей помощью ускорить прохождение их через Наркомпрос и Моссовет. Есть у нас и очень сложные, скандальные дела. Польская сторона отодвигает их на дальний срок. Мы же их не торопим по понятным причинам: они от нас требуют определенное имущество, а мы должны ли-

бо вернуть его, либо мотивировать отказ... Но об этом потом.

Первая наша встреча продолжалась довольно долго. К тому времени я прочел Рижский договор.

Рижский мирный договор 1921 года был заключен между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей с другой. Он предусматривал прекращение советско-польской войны и установление нормальных дипломатических отношений. Рижский договор был одним из первых международно-правовых актов молодого Советского государства, регулирующих отношения с соседними буржуазными государствами. Переговоры с панской Польшей, предшествовавшие подписанию договора, проходили трудно, под постоянным давлением стран Антанты. Реакционное правительство Польши систематически пыталось сорвать переговоры, нередко угрожая возобновить военные действия.

Советское правительство при подписании договора учитывало интересы польского народа. Выражением дружеских чувств советских народов к польскому народу явилось согласие правительств РСФСР и УССР возвратить Польше различные военные трофеи, взятые русским царизмом, начиная с 1 января 1772 года. Подлежали также возврату архивы, библиотеки и прочее имущество, вывезенное из Польши в Россию в период первой мировой войны.

Практическое решение всех связанных с этим вопросов и возлагалось на созданную советско-польскую эвакуационную комиссию.

Как показал впоследствии ход событий, представители панской Польши руководствовались не столько интересами польского народа, сколько стремлением вырвать побольше у Советской страны. Судьба произведений искусства их совершенно не интересовала.

У меня в папке были дела и наставления моего пред-

шественника. Ни Е. А. Литкенс, ни А. В. Луначарский дополнительно ничего мне не сообщили. Только сказали: присматривайтесь к Войкову, учитесь у него. Пройдете хорошую школу...

Прощаясь, Петр Лазаревич сказал:

— Приступайте к выполнению своих обязанностей...

ДВА ФРОНТА

Основным соперником Петра Лазаревича Войкова в тот период, когда он возглавлял Российско-Украинскую делегацию на переговорах в Москве, был пан Ольшевский, глава польской делегации.

Войков всегда держал себя естественно и непринужденно. На заседаниях был краток, четок, сдержан, предупредителен. Всегда с обаятельной улыбкой. Даже в самые драматические минуты. Манеры у него были аристократические, им мог позавидовать сам Ольшевский.

В отличие от Войкова, пан Ольшевский всегда рисовался. Он никогда не упускал случая блеснуть перед русскими профессорами знанием английского языка. Войков никогда не прибегал к таким приемам. Он всегда говорил по русски, на языке своего государства. Ведь заседания происходили в России, в Москве...

Петр Лазаревич Войков действовал тогда на два фронта.

Первый фронт — широкий — деятельность его в качестве главы советской делегации по выполнению Рижского договора, а также мирных договоров с Прибалтийскими государствами, в частности с буржуазной Эстонией.

Второй фронт — узкий — наша Экспертная комиссия.

Идея создания Экспертной комиссии и введение в ее состав авторитетных ученых была глубоко продумана.

По заданию правительства, эта комиссия конструировалась двумя выдающимися деятелями молодой Советской Республики — А. В. Луначарским и Г. В. Чичериным. Естественно, что им помогал П. Л. Войков, которому в конечном счете и пришлось работать с этим коллективом специалистов.

Наша делегация и ее руководитель работали в чрезвычайно сложной обстановке.

Рижский договор с Польшей 1921 года не Брест-Литовский договор с Германией 1918 года. И панская Польша не кайзеровская Германия. И международная обстановка не та, что три года назад. Гражданская война кончилась, интервенты отброшены. Кронштадтский мятеж подавлен.

Но... Рижский договор был для нас, как ни говорите, далеко не легким.

Нашей стране пришлось расплачиваться за грехи царизма, за многие десятилетия его грабительской политики по отношению к Польше, польскому народу...

Честно выполняя обязательства, вытекающие из этого договора, нам порой приходилось разрушать десятилетиями сложившиеся учреждения, организации, научно-культурные очаги на том основании, что в фундаменте их имелись польские кирпичи...

Все это учитывалось советской делегацией при подписании Рижского договора. Совершенно сознательно, исходя из ленинской национальной политики, наша страна делала все, чтоб не только восстановить добрые отношения между двумя правительствами, но и утвердить мир, в котором нуждались и мы и польский народ.

Наша Экспертная комиссия имела право совещательного голоса. Но члены ее, как полноправные представители нашей делегации, на совместных заседаниях с польской стороной отстаивали свои позиции, выступали по существу вопросов, давали необходимые разъяснения.

Петр Лазаревич терпеливо выслушивал экспертов,

давая им возможность свободно высказываться на наших внутренних заседаниях и совещаниях.

Как-то на нашем заседании, без польской стороны, обсуждался вопрос о возвращении Польше одного культурного объекта. У этого объекта продолжительная историческая жизнь, состоявшая из двух этапов: первоначальный — польский, потом — русский.

Польская сторона предложила поделить объект, но делать это было нельзя хотя бы потому, что в этом случае ученые-историки должны были бы часть материалов изучать в Польше, а вторую, бóльшую часть,— у нас, в СССР.

О несостоятельности польского предложения в дипломатически корректной форме высказался на пленарном заседании обеих делегаций профессор М. К. Любавский, к которому польские эксперты относились весьма почтительно. (Некоторые польские историки были его учениками, когда учились у нас, в дореволюционное время. Да и тут, в Москве, иной раз они подходили к Матвею Кузьмичу за той или иной консультацией).

Не помню, сколько раз вопрос об этом культурном объекте вновь и вновь ставился на обсуждение обеих делегаций. Польская сторона по-прежнему выдвигала свое односложное, без аргументов, требование:

— Верните!

...На нашем совещании Матвей Кузьмич настойчиво, не стесняясь в выражениях, просит Петра Лазаревича не соглашаться с польской стороной, не делить этот объект, не разрушать то, над чем трудились несколько поколений русских ученых.

Другие члены Экспертной комиссии — историки Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский, В. И. Пичета — молчат. Ведь Любавский высказывает не только свои мысли, выступает не только от своего имени.

Петр Лазаревич успокаивает по-юношески разгоря-

ченного Матвея Кузьмича: нам предстоят еще серьезные схватки, берегите свои силы, аргументы, авторитет ученого для следующего раунда. Боец должен рассчитывать свои силы и распределять их по-хозяйски...

Экспертная комиссия представляла, по существу, нашу научную общественность, с мнением которой мировая научная мысль не могла не считаться. Надо было не только создать внутри страны общественное мнение о внешней политике Советского государства на очень реальном, зримом примере взаимоотношений с Польшей, но и перед всем миром наглядно продемонстрировать мирную политику Советской страны.

Экспертная комиссия должна была помочь нашим дипломатам разобраться в сложных и запутанных делах. По-хозяйски, сообща, совместными усилиями, выполняя обязательства договора, в то же время ни в коем случае не нанести ущерб нашей стране.

В работе наших экспертов иногда проявлялись элементы местничества, близорукости. В те дни, когда еще только формировались новые международные отношения, они были неизбежны.

«Школил» Экспертную комиссию Петр Лазаревич Войков. Дипломат, которому поручили сложную педагогическую работу. Государственный деятель, который должен был учить анархизирующих специалистов государственной мудрости. Большевик, которому дали на воспитание группу «трудных взрослых»...

Эта задача не была записана в «статуте» Экспертной комиссии, но те, кто ее создавал, великолепно понимали, с каким человеческим материалом встретится П. Л. Войков. Они знали также, что и с этой попутной задачей он справится так же успешно, как с основной...

На очередном докладе А. В. Луначарскому подробно рассказываю о польском меморандуме с требованием вернуть Польше пятьдесят четыре гобелена из Краковского дворца.

Анатолий Васильевич смотрит в свою книжку-календарь и назначает мое сообщение Малой коллегии Наркомпроса в Кремле, в своем кабинете в Потешном дворце.

К тому времени нарком просвещения уже вел по этому вопросу разговоры с Г. В. Чичериным и П. Л. Войковым. Содержание этих разговоров было мне известно.

На столе Малой коллегии Наркомпроса лежат: польский меморандум и пояснительная записка; иллюстрированная книжка на французском языке с характеристикой гобеленов (история, мастера и т. д.); заключение нашей Экспертной комиссии; мнение Помгола; справка НКИД об откликах зарубежной печати.

Тревожные сведения поступили от наших посольских служб: будто бы уже ведутся какие-то переговоры, чтоб сейчас же по получении гобеленов продать их во Францию.

Малой коллегии Наркомпроса известна точка зрения наркома Чичерина: не создавайте дополнительных сложностей в ясном деле. Впереди еще немало сложных вопросов, а вы усложняете то, что просто. Выдать гобелены!

Многодневные встречи, консультации с экспертами, заседания делегации ни к чему не привели. Экспертная комиссия была единодушна, но делегация с ее точкой зрения не соглашалась.

Экспертная комиссия сказала: нет!

Петр Лазаревич на каждой встрече с экспертами приводил все новые, все более убедительные доводы несостоятельности их решения. Он делал это блестяще, изящно, без нажима. А эксперты говорили ему — нет!

Игорь Эммануилович Грабарь с восторгом говорил о великолепии этих гобеленов. Сергей Николаевич Троицкий, директор Эрмитажа, привез с собою из Петрограда новые печатные материалы о них.

Мне лично аргументы наших экспертов не казались

убедительными. В самом деле, разве можно было говорить: оставим гобелены у себя, а когда в Польше будет советская власть, с радостью передадим их нашим польским братьям... Или воспользоваться процедурными правилами, предоставлявшими нам шестимесячную отсрочку. Не будем, дескать, спешить. Сообщим польской стороне, что ищем гобелены...

Польская делегация в своем меморандуме о гобеленах приводила цитату из выступления Анатолия Васильевича в 1918 году, где Луначарский говорил о полном нашем отказе от царской политики по отношению к народам России. Вернем народам ценности, отнятые у них царизмом,— таков был смысл цитаты, приведенной в меморандуме.

Малая коллегия Наркомпроса очень внимательно рассмотрела дело о гобеленах. Анатолию Васильевичу было поручено посоветоваться с Владимиром Ильичем.

Гобелены Краковского дворца были возвращены Польше.

ПОЕДИНОК

Встретились они, два противника, два представителя противоположных школ и, стало быть, мировоззрений, два дипломата, на узкой дорожке, на ограниченном участке сражения. Оба они вооружены каждый своим оружием, хотя оно и именуется общим термином: дипломатия. Каждый из них по-разному понимает и применяет свое оружие: умение, опыт, мастерство.

Место сражения двух дипломатов: Москва, начиная с осени 1921 года.

Поле сражения: Рижский договор.

Пан Ольшевский — невысокого роста, коренастый, крепко стоящий на ногах, с приплюснутой головой, с ядовитым взглядом. Он редко смотрит на своего себе-

седника, большей частью глядит вниз, пряча глаза. Не помню, чтобы он хоть один раз улыбнулся.

Пан Ольшевский, видимо, полагал, что решительная схватка должна начаться во второй половине работы делегаций, когда он даст бой по всем основным пунктам.

На очереди были требования — вернуть польские ценности из Эрмитажа, Публичной библиотеки, Зимнего дворца.

Все это было связано с применением седьмого пункта одиннадцатой статьи Рижского договора.

Этот пункт гласил:

Если устанавливается, что отдельный предмет или коллекция ценностей были вывезены из Польши в устанавливаемые договором сроки в Россию, затем эти ценности: книги, картины, предметы искусства вошли в состав музеев, библиотек, имеющих мировое значение (Эрмитаж, Публичная библиотека Петрограда и т. д.), тогда обе стороны по договоренности соглашаются на эквивалент.

Седьмой пункт нужен был для того, чтобы сохранить книги в Петроградской публичной библиотеке и две картины французских художников XVIII века в Эрмитаже, а взамен по договоренности с поляками предложить им соответствующие эквиваленты.

Наступил наконец тот день, когда мы должны были на практике применить седьмой пункт.

Два меморандума, один за другим, немедленно поступили к нам: Польша требует инкунабулы из Публичной библиотеки в Петрограде и картины французских мастеров XVIII века из Эрмитажа.

Прибыла большая делегация польских специалистов — историков, искусствоведов, юристов. Все они были нам представлены как люди науки, профессора, хотя среди них был даже ксендз, возведенный в сан профессора.

Приезд польских ученых и специалистов в Москву для

защиты интересов своего государства, по разработанному плану организаторов шума, оттеснил все новости и сенсации польской прессы. Какие только угрозы, заклинания не сыпались на голову тех, кто должен был сидеть за столом переговоров, чтоб по-деловому обсудить вопросы, вытекающие из Рижского договора.

Петр Лазаревич заранее продумал план нашего поведения.

До той поры, пока шла обычная работа двух делегаций по выполнению Рижского договора, обстановку можно было считать нормальной. Дело обходилось без конфликтов, больших или малых недоразумений, без «памятных записок» и тем более нот.

Это не значит, что не было никаких стычек или расхождений по отдельным вопросам. Такие ситуации возникали, как ни странно, и в нашей среде, среди наших экспертов. Иной раз ученые проявляли характер и открыто высказывали несогласие с мнением нашей делегации.

Такт Войкова, его авторитет, большой опыт партийно-государственного руководства помогали ему справиться с нашими экспертами.

Но все мы чувствовали, что наступает критический момент.

Перед этим Петр Лазаревич провел несколько совещаний-консультаций предварительного характера о правовом, юридическом и дипломатическом толковании седьмого пункта.

Войков просил, требовал: когда будет обсуждаться седьмой пункт и его применение, проявить олимпийскую выдержку. За членов нашей делегации он мог быть совершенно спокоен. Никто не подведет. А как поступят наши академики и профессора?

Кроме всего прочего требовалось изучить материал, поступавший от нашего посла в Варшаве, а также высказывания польской прессы и ее союзников.

Вырабатывалась наша тактика: всё в рамках договора. Держать себя солидно и достойно. Это была тактика дипломата Войкова, идущего на решительное «сражение».

Мы были уверены, что тактика пана Ольшевского также разработана. Достаточно сказать, что польская пресса заблаговременно начала кричать и звать на помощь друзей с Запада. Это была, конечно, работа пана Ольшевского. На помощь ему и для поднятия духа польской делегации в Москву приехала делегация польских ученых и псевдоученых (в скобках скажу, что никто из приехавших в Москву польских специалистов ни разу не выступил).

Перед «генеральным» сражением представители польской стороны стали проявлять нервозность. По каждому поводу они устраивали нам скандалы и скандалчики. А польская печать немедленно отзывалась на них, держа своих читателей в напряжении.

«Психическая атака» началась.

Об этом и предупреждал Петр Лазаревич: быть на высоте положения, сохранить спокойствие, выдержать.

Расширенное заседание смешанной комиссии Российско-Украинской и Польской делегаций по выполнению Рижского договора открывалось, как всегда, в зале заседаний Дома НКВД.

Технический аппарат был наш, в том числе и переводчики. В обычных условиях редко прибегали к переводу, ибо поляки вполне прилично говорили по-русски.

Из Петрограда был приглашен профессор Пергамент, человек старой русской юридической школы, интерпретатор сложных правовых положений.

По замыслу Петра Лазаревича, профессор Пергамент должен был выступить с докладом на тему «В чем смысл седьмого пункта одиннадцатой статьи Рижского договора».

Предварительно профессор Пергамент прочел нам свой доклад, составленный очень выдержанно, убедительно, юридически обоснованно.

Петр Лазаревич, как хозяин, просит пана Ольшевского председательствовать на расширенном заседании. Оглашается повестка дня: обсуждение двух меморандумов. Войков предлагает, чтобы первым с докладом на тему «Седьмой пункт одиннадцатой статьи Рижского договора» выступил профессор Пергамент.

Пан Ольшевский принимает любезное предложение Войкова и предоставляет слово профессору Пергаменту. Все, казалось, идет по плану Петра Лазаревича.

А план этот заключался в следующем. После выступления профессора Пергамента польская сторона, естественно, потребует перерыва, чтобы подготовить ответ на это выступление — свою интерпретацию седьмого пункта. Войков согласится на перерыв — на любой срок, какого потребует польская сторона. На втором заседании, по логике вещей, председательствовать будет он, а значит, и сможет направлять работу заседания.

Таков был план Петра Лазаревича. Но...

Доклад Пергамента, хотя я слушал его второй раз, произвел на меня сильное впечатление своей логикой, солидной постановкой вопроса. Такое же впечатление доклад произвел и на других членов нашей делегации.

Мы ждали, что после окончания доклада пан Ольшевский объявит перерыв, но не успел Пергамент сесть, как Ольшевский сейчас же дал слово одному из членов польской делегации, профессору истории (не могу припомнить сейчас его фамилию).

Тот в повышенном тоне начал свое, видимо предварительно подготовленное, выступление. Вполне возможно, что он и не слушал доклад Пергамента.

Смысл выступления первого оратора польской стороны был таков:

— Нас грабили в царское время. У нас отняли наши

культурные ценности. Теперь, когда наступило время их возвращения, большевики не хотят вернуть хозяину то, что у него захватили их предшественники.

Выступление польского делегата я сильно отредактировал в сторону приличия и парламентской терпимости.

Войков слушал спокойно, выдержанно, казалось, даже с увлечением.

Польский делегат кончил. Пан Ольшевский, видимо, хотел предоставить слово другому члену своей делегации, чтобы закрепить занятые позиции, как вдруг неожиданно, нарушая существующие правила поведения, не прося ни у кого слова, поднялся со своего места академик Николай Яковлевич Марр.

Речь его, горячая, непосредственная, гневная, поразила всех нас.

— Где я нахожусь? — говорил он. — На заседании, где собрались государственно мыслящие люди, представители науки и культуры, или на каком-то случайном сборище? Как можно митинговать там, где рассматриваются вопросы большой исторической и культурной важности? Услышав этот погромный призыв польского представителя, я считаю для себя оскорблением сидеть здесь и принимать участие в таком позорном заседании.

Он демонстративно вышел из зала. Потом мы узнали, что через несколько часов он уехал в Петроград.

Пан Ольшевский поднялся и, не закрывая заседания, не подав руки Петру Лазаревичу, удалился. Все поляки, как по команде, встали и ушли вслед за ним.

Пока мы в совещательной комнате, собрав наших экспертов, обсуждали случившееся, член коллегии НКВД Я. С. Ганецкий отправился к пану Ольшевскому с извинениями. Петр Лазаревич сидел у Чичерина. Вызывали Варшаву, нашего посла в Польше Л. М. Карахана, с тем чтобы он нанес визит министру иностранных дел Польской республики.

Мы ждали возвращения Войкова от Чичерина.

В работе смешанной комиссии Российско-Украинской и Польской делегаций наступила пауза. Самая длительная на протяжении всей их совместной работы в Москве.

Часть представителей польской стороны уехала домой. Здесь им больше делать было нечего.

Произошло то, о чем долгое время мечтал пан Ольшевский.

Вышла заминка. Польской стороне удалось спровоцировать конфликт.

Но восторжествовал в итоге все-таки седьмой пункт одиннадцатой статьи Рижского договора...

ЧЕТЫРЕ МЕМОРАНДУМА

Заседание в кабинете Петра Лазаревича Войкова. Нас трое, членов нашей делегации: Войков, Мрачковский и я.

За последнее время польская сторона буквально засыпает нас меморандумами. Время идет. Сроки удовлетворения требований все сокращаются. Впереди самые сложные, хлопотливые дела. Поэтому польская сторона и спешит. По ее просьбе назначаются дополнительные заседания, на которых один за другим поступают меморандумы, фиксируются сроки их представления, а значит, и сроки наших ответов.

За короткий срок их оказалось четыре.

Об одном из них я упоминал выше. Речь шла об уникальных пятидесяти четырех гобеленах Краковского замка стоимостью в несколько миллионов рублей золотом.

Польские короли некогда заказали французским мастерам гобелены для своего Краковского дворца и, естественно, заплатили за эти гобелены очень дорого.

Все пятьдесят четыре гобелена, по желанию заказчиков, были сделаны первоклассными мастерами и по указанным размерам и сюжетам. Но...

После раздела Польши все краковские гобелены

были вывезены в Петербург и затем размещены в Зимнем дворце, в резиденции самодержца Российской империи. Так они в целости и сохранности, при полном соблюдении правил хранения, висели на стенах Зимнего дворца до начала первой мировой войны.

Потом дворцовая администрация решила снять краковские гобелены и отправила их в Москву, в Кремль.

Девять ящиков с гобеленами находились в пятой комнате слева на первом этаже Большого Кремлевского дворца до июля 1922 года в полной неприкосновенности.

(Все сведения взяты мною из польского меморандума о краковских гобеленах.)

Об этом мы говорили на нашем узком совещании в кабинете П. Л. Войкова после получения от польской стороны очередного меморандума...

Рядом лежал второй меморандум: польская сторона требовала передать ей один объект из Оружейной палаты. В меморандуме подробно описывался объект и условия его хранения в Кремле.

Мы решили проверить, сколь точна информация, которой пользуется польская делегация, ибо тут скрещивались многие политические вопросы.

Мы не пошли в Большой Кремлевский дворец. Ящики с гобеленами привезли нам в Третий Дом Советов, в Каретном ряду.

Опись ящиков, меморандум в наших руках. Девять ящиков с гобеленами привезены из того помещения Большого Кремлевского дворца, о котором сказано в меморандуме. Полное совпадение. Полное!

Петр Лазаревич просит рабочих раскрыть ящики. Все как сказано в польском документе. Такое впечатление, будто складывал гобелены в ящики и составлял меморандум один и тот же человек...

Гобелены были возвращены в Кремль, на прежнее место...

Перехожу к третьему случаю.

По своему масштабу он отличается от первых двух. В начале мировой войны 1914 года власти отправляли на восток колокола с церковей и костелов прифронтовой полосы. При участии религиозных организаций была выработана единая форма паспортизации колоколов. Типографским способом печатались бланки, которые заполнялись на месте. На каждый колокол составлялись три одинаково заполненных бланка, отмеченных начальником военного ведомства: на месте отправки и на месте прибытия колокола.

Таких колоколов было эвакуировано более пятнадцати тысяч...

Польская сторона предъявила нам требование: вернуть колокола польских костелов (колокола православных церковей и протестантских молитвенных домов, по договору, поляки не могли требовать).

Когда мы приняли от польской стороны меморандум по поводу колоколов, естественно возник вопрос: следовало, как это предусмотрено договором, начать розыск требуемого объекта. Польская сторона нам любезно помогла. Она представила все пятнадцать с лишним тысяч паспортов: третьи экземпляры, которые должны были храниться у каждой общины в отдельности, в том числе и в организациях православной церкви.

Все представленные документы были в полной исправности, за соответствующими подписями и печатями воинских начальников.

Наши работники, сверяя эти документы с имеющимися в нашем распоряжении, удостоверили их подлинность...

В четвертом случае речь шла об имуществе семьи королей Радзивиллов, перевезенном по причудливому стечению обстоятельств в Нижний Новгород, куда, между прочим, так рвался член польской делегации ксендз профессор Квитковский... с большой суммой советских денежных знаков в кармане.

Пояснительная записка, переданная П. Л. Войкову тем же паном Ольшевским, не оставляла ни малейшего сомнения, что ксендз Квитковский имел специальное задание на месте получить точные сведения и с кем-то встречался...

У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ

На Красной площади в Москве, между Ленинским мавзолеем и Никольской башней Кремля, похоронены герои революции, международные деятели и борцы за пролетарское дело.

Теперь нет тех могильных холмов, какие были в двадцатых годах. Гранитной каймой огражден ряд могил. От ранней весны до поздней осени растет на могилах зеленым покровом травка. Высокие ели посажены вокруг Мавзолея Ленина и во всю длину Пантеона.

Это и есть вахта у могил бойцов, погибших в бою. Пусть этот бой не такой, как на войне. Но тоже бой — за новый мир, за счастье людское, за справедливость на земле.

Каждый из них, кто лежит тут, на Красной площади в Москве, его биография, его отвага, пройденный путь — целый мир, неповторимый, как наша борьба...

Там лежит Ленин. Там похоронены ленинцы. Там нашли свой вечный покой люди великой армии бойцов и строителей нового мира...

Снимите шапку. Склоните голову перед памятью этих славных людей.

Потом, уходя, еще раз поверните голову, остановитесь на одну минуту. Мысленно скажите: «Я горжусь, что мне доверено продолжать дело, за которое вы, товарищи, не пожалели отдать самое дорогое — вашу жизнь».

Я хочу остановиться перед одной могилой на Красной площади в Москве.

Долго искать не придется. Подойду к могиле со стороны Никольской башни.

Гранитная полоса ведет вперед, к центру.

Вот лаконичная надпись, выгравированная на граните:

ДЖОН РИД

Постоим немного у могилы славного борца, страстного журналиста и интернационалиста, борца и коммуниста.

Всего в нескольких шагах от могилы Джона Рида другая надпись. Такая же, на таком же граните.

ВОЙКОВ

Хочу задержаться немного у этой могилы.

Клара Цеткин

ПОРТРЕТ

У меня хранится портрет Клары Цеткин. Мне подарили его дагестанские друзья в 1925 году.

К. Цеткин в белом вышитом платье сидит, одна, с широкой улыбкой на лице, добродушная, спокойная. Глядя на этот портрет, не скажешь: женщина-боец, активный участник больших сражений на фронте классовых боев.

Нет, не скажешь.

Достаю однажды эту карточку, показываю Максиму Осиповичу, сыну К. Цеткин.

Максим Осипович берет в руки портрет своей матери, внимательно рассматривает.

— У нас накопилось большое количество снимков мамы. Часть еще нигде не публиковалась. Этот снимок мне знаком, но, как мне кажется, также остался в архиве. Разве все или хотя бы самые важные снимки возможно опубликовать в печати? Со временем, может быть... Пока же все касающееся мамы систематизируем. Она сама, когда у нее бывает настроение и свободное время, нам помогает.

...С того времени, когда К. Цеткин была на Кавказе, прошло сорок пять лет, и тогда, когда мы с ее сыном

после вечерних занятий сидели за ужином, Клара Цеткин была еще жива....

...В августе 1924 года грузинские меньшевики при помощи иностранной буржуазии организовали восстание с целью оторвать Грузию от Советского Союза, восстановить буржуазные порядки. Восстание не имело сколько-нибудь глубоких корней в народной массе и было быстро ликвидировано.

Лидеры II Интернационала выступили в защиту грузинских меньшевиков.

Клара Цеткин знала лидеров II Интернационала — и Эмиля Вандервельде, и Рамсея Макдональда, и Карла Каутского, и многих других. Надо было дать им отповедь.

Вернувшись в Москву, Клара Цеткин написала и выпустила книгу «На освобожденном Кавказе».

«По предписанию врачей, я поехала для восстановления своего здоровья на Северный Кавказ. Тогда мне и в голову не приходило, где и при каких обстоятельствах мне придется закончить свое лечение. Врачи строго-на-строго предписали мне полный покой и отдых. Мир, полный борьбы, должен был быть похоронен для меня за горами»¹.

Ни горы, ни предписание врачей не могли заставить, как она сама говорит, старую, больную женщину остаться в стороне от больших, имеющих международное значение, событий.

«...грузинские товарищи несколько раз самым сердечным образом приглашали меня посетить их и ознакомиться с их прекрасной страной. В связи с создавшимся положением у меня сразу мелькнула мысль воспользоваться этим приглашением. Ведь тот факт, что старая, больная женщина, достаточно известная как открытый

---

¹ К. Цеткин. На освобожденном Кавказе, 2-е, исправленное издание. М., 1935, стр. 9.

враг меньшевиков, может без приключений, не подвергаясь ни малейшей опасности, совершить путешествие по стране, в которой будто бушует пламя восстания против «господства большевиков», — ведь один этот факт разве не осветил бы ярким светом всю гнусную ложь реформистов о событиях в Грузии».

И она принимает приглашение грузинских друзей, с группой товарищей в 1924 году едет во Владикавказ, а оттуда на машине в Тифлис, затем и по Грузии.

Книга впечатлений, размышлений и обобщений — так я назвал бы страстную книгу К. Цеткин «На освобожденном Кавказе», результат наблюдений опытного политического деятеля.

...Мы с Максимом Осиповичем установили: перед поездкой К. Цеткин в Грузию, куда ее пригласили грузинские друзья в самые «жаркие» дни международной свистопляски вокруг «грузинского восстания», в Пятигорске, пишет К. Цеткин, «собралась конференция крестьянских и пролетарских делегатов. На конференции участвовало 1200 делегатов от работниц, жен рабочих и крестьянок».

В перерыве между заседаниями, когда делегатки группами снимались на память, отдельно была сфотографирована и их гостья — Клара Цеткин.

СЫН

Среди наших друзей, часто приходивших к нам в предвоенные годы, Максим Осипович пользовался всеобщим уважением — и у взрослых и у наших дочерей.

Он бывал у нас часто. Обычно в те дни, когда и наша мама и Максим Осипович были свободны от дежурства в клинике и могли дома работать либо над новой темой по курсу хирургии, либо готовиться к очередной своей кон-

ференции, либо проверять результаты экспериментальных работ. Оба они работали во Втором Медицинском институте. Их общий шеф — академик С. И. Спасокукоцкий, ученый, хирург, смелый экспериментатор. Ученый новатор. Очень скромным был этот русский земский врач, поднявшийся на вершину своей профессии.

Максим Осипович был исполнительный человек. Трудолюбивый, старательный.

Сергей Иванович Спасокукоцкий не любил принимать к себе людей, прошедших «другую» школу хирургии. Вишневский, Юдин, Герцен, Спасокукоцкий, еще несколько таких ученых хирургов тех лет создавали свои «школы», готовили собственных учеников.

Максим Осипович попал в клинику Спасокукоцкого тогда, когда за его плечами по документам значился небольшой стаж врача и значительное количество пропусков в работе: у него была еще одна, может быть самая важная, работа — он был секретарем своей матери.

Однажды на обычном утреннем заседании кафедры, именуемом научной конференцией, академик Спасокукоцкий обратился к своим помощникам:

— Представляю вам нового члена нашей кафедры Максима Осиповича Цеткина.

Он не любил ни лишних слов, ни пышных фраз. Он был деловой человек, специалист своего дела.

Поднялся со своего места новичок в белом, аккуратно выглаженном халате, поклонился и сел, не произнеся ни слова.

«Крещение» состоялось.

Все обратили внимание на широкое, открытое лицо новичка. Оно очень напоминало знакомое и всем дорогое лицо его «однофамилицы».

— Цеткин!

Максим Осипович Цеткин был старшим сыном Клары Цеткин.

Мои девочки встречали его словами «дядя Максим», а за ужином с интересом слушали его рассказы.

Максим Осипович любил рассказывать.

Говорил он тихо, с небольшим немецким акцентом. Дома, с матерью, они говорили только по-немецки.

Если Максим Осипович долго не показывался, мы спрашивали:

— Дядя Максим не придет сегодня?

— Почему нет дяди Максима?

— Что с Максимом Осиповичем?

Ответ в таких случаях бывал стандартный:

— Он в отпуске.

Дети понимали: отпуск — значит отдых. Взрослым было ясно, что Максиму Осиповичу не до клиники...

В те предвоенные годы и сам Сергей Иванович Спасокукоцкий нередко говорил своим помощникам:

— Меня не будет дня два-три.

Коллектив и не подозревал, что шеф уезжает на серьезную хирургическую операцию в одну из столиц Европы.

Клара Цеткин, несмотря на возраст, несмотря на физическую слабость, всюду успевала. Она была старше Ленина на тринадцать лет. Да еще каких лет!

Мы все хорошо помним одну фотографию. Старинную. Одежда на той фотографии причудливая, как будто взяли ее из костюмерной для спектакля. Уж очень далекая от нас эпоха...

Узнаем на снимке Фридриха Энгельса. И там же, на той же карточке, сфотографирована молодая дама — Клара Цеткин.

Энгельс и Цеткин на одной фотографии, вместе!

Это ли не легенда?

Максим Осипович рассказывал нам о том, что было известно лишь узкому кругу людей.

Один из его рассказов я хочу воспроизвести.

НА ОТКРЫТИЕ РЕЙХСТАГА

Сижу я у вас, мирно, по-домашнему чувствую себя, а стоит только вспомнить недавнее прошлое, как меня начинает лихорадить.

Мы, все без исключения, кто имел отношение к поездке мамы в Берлин, на открытие рейхстага, безмерно волновались. Обстоятельства складывались так, что принять решение в конечном итоге должна была сама Клара Цеткин.

Я не буду вам рассказывать об обстановке в Германии. В 1932 году гитлеровцы на волне шовинизма, клеветы и демагогии, методами террора и шантажа добились успехов. Выборы в рейхстаг проходили в невероятных, невысказанно тяжелых условиях. И вот назначен был день открытия рейхстага. Разогнать рейхстаг до его открытия гитлеровцы пока не решались. Надо было показать миру, что и в настоящих условиях в Германии есть свой законодательный орган — рейхстаг...

Значит, надо сыграть спектакль открытия вновь избранного рейхстага. Какое-то количество часов надо терпеть игру в парламентаризм. Но такая игра имеет свои плюсы и минусы для фашистов. Какие плюсы, я не знаю. А из минусов вижу один, значительный, как самая звонкая политическая пощечина.

Открыть первое заседание нового состава депутатов рейхстага должен старейший. А это значит — депутат от Коммунистической партии Германии, старейший ее представитель — Клара Цеткин.

Фашисты подняли самый настоящий вой по всей стране. Какие гнусности только не были написаны! Сколько злобы, клеветы было нагромождено против компартии Германии, и, естественно, против моей мамы. В довершение ко всему гитлеровцы открыто писали до последней минуты: мы не ручаемся за жизнь Клары Цеткин, если

она покажется в Германии. Это означало: все равно уьем, не допустим до трибуны рейхстага...

Есть русская пословица, которая мне очень нравится: волков бояться — в лес не ходить.

Но тут дело было намного сложнее и опаснее, чем в лесу. Ведь волки по сравнению с гитлеровцами — смиренные жители леса...

ЦК компартии Германии и ИККИ единодушно решили: Кларе Цеткин непременно выехать в Германию, прибыть в Берлин, использовать свое право старейшего депутата, открыть сессию вновь избранного рейхстага.

Вы хорошо знаете, что мама больна, а порою ее состояние становится опасным. Кроме меня, ее сына, секретаря и врача одновременно, у мамы есть постоянный врач, сопровождающий ее в поездках, лечащий дома.

Как быть в таком случае? Удастся ли нам даже при великолепно разработанной программе действий довести маму до Берлина, а потом обратно до советской границы?

Охрана, защита, переезды, поездки по стране и по самому Берлину нас почти не тревожили. Сложная организация всего этого была возложена на коммунистов Германии. Забегая вперед, скажу, что ребята справились со своей задачей просто блестяще.

Нас тревожило состояние мамы. Выдержит ли ее организм такое напряжение? В Москве нам говорили: нельзя рисковать жизнью Клары Цеткин. Выдержит ли она?

Решающее слово принадлежало ей самой.

— Нет, никаких послаблений. Еду. Должна выступить. Это мой долг коммуниста.

Вы же знаете маму, ее характер, ее решительность.

Выехали. Без показного шика и без особой конспирации. Ехала как депутат германского рейхстага на его открытие. Она депутат рейхстага с 1920 года.

Несколько лет назад С. А. Лозовский и Д. З. Мануильский ездили на партийные съезды компартии Франции

нелегально, ибо им, каждому в разные годы, не давали визы французские власти. Такой же случай повторился в Италии. Все три поездки представителей ИККИ на съезды европейских компартий дали какой-то опыт. В нашей поездке было нечто общее с теми и одновременно что-то новое.

К. Цеткин ехала в свою страну, в Германию, где она была избрана депутатом рейхстага. Казалось бы, как член парламента она пользовалась правом неприкосновенности. Но эти остатки буржуазной демократии существовали только на бумаге, уже смятой Гитлером и Герингом...

В Германии царил фашистский произвол. Надеяться на порядок, закон, конституцию было бы наивностью.

В Германию мы приехали без приключений и добрались до Берлина, можно сказать, нормально. Ничего опасного мы не чувствовали, а о том, что предприняли для этого наши товарищи по партии в Германии, я могу только догадываться.

Если бы видели, что делалось в рейхстаге, когда мама и мы, ее охрана и сопровождающие, в окружении депутатов-коммунистов вошли в рейхстаг и Клара Цеткин направилась к трибуне, в президиум... Что делалось, если бы вы только знали...

Радостные возгласы одобрения, аплодисменты, вой озверелых наци, свист, шум, какого этот почтенный институт демократии никогда не знал в прошлом.

Клара Цеткин на трибуне. Я весь дрожу от волнения: что будет, как все обернется?..

Сопровождающие, большая группа депутатов-коммунистов, окружили маму, создали заслон, чтоб никто не мог проникнуть в наше кольцо.

Смотрю на маму. Откинула голову, стоит на трибуне властно, уверенно, твердо. Но я знаю, чего ей стоит казаться такой при ее состоянии...

В зале восстанавливается относительная тишина. Раз-

дается голос старейшего депутата рейхстага. Звучит пламенная речь против фашистской опасности, за создание единого пролетарского, антифашистского фронта.

Речь окончена. Сессия вновь избранного рейхстага открыта...

Пока все идет по разработанному сценарию.

После выступления мамы мы покидаем рейхстаг.

Ищейки Геринга надеются перехватить нас где-нибудь в Берлине, а мы уже находимся в пути...

Медицинскую помощь маме оказываем в пути, в дорожных условиях...

Проходит немного времени, мы пересекаем границу СССР и благополучно возвращаемся домой.

НА ТРИБУНЕ СЪЕЗДА

В Кремле в конце 1927 года заседает высший орган нашей партии — XV партсъезд.

Мы, тогда молодые работники ЦК, помогаем редакционной коллегии съезда. Члены редколлегии не знают отдыха, да и у нас нет его.

Какой тут отдых, когда стенографический отчет вечернего заседания надо утром, перед началом работы съезда, раздать делегатам в отпечатанном виде...

Дважды в эти годы я видел Клару Цеткин на партийной трибуне. Расскажу о втором, весьма коротком, ее выступлении в день открытия XV съезда.

Вносится предложение: избрать в состав президиума товарища Клару Цеткин.

Съезд единодушно избирает ее.

Дневное заседание съезда. Объявлен список выступающих на этом заседании.

К трибуне идет Клара Цеткин. Ее поддерживают товарищи. Кем-то предусмотрительно поставлен стул, на который ее усаживают.

Председательствующий, поднимаясь со своего места за столом президиума, говорит:

— Слово для приветствия имеет товарищ Клара Цеткин.

Андреевский зал гремит рукоплесканиями. Делегаты приветствуют свою «дорогую Клару».

Цеткин на трибуне. Вижу, как врачи пристально следят за каждым ее движением.

На наших глазах происходит чудо. Перед нами не больная, старая женщина. Нет!

Клара Цеткин держится на трибуне как воин. Твердая, логически четко построенная речь, бойцовский темперамент. Такие страстные речи могут произносить только люди сильной воли, твердых убеждений, бойцы, за плечами которых много сражений.

Речь окончена. Цеткин принимают на руки и тут же несут в Екатерининский зал, где заблаговременно приготовлены и постель, и медикаменты, и все необходимое.

Ей нужны отдых и покой.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ

В ночь на 20 июня 1933 года Клара Цеткин умерла.

Еще одиннадцать месяцев назад больная, старая женщина-боец, не покидая свой пост на переднем крае, громила с трибуны рейхстага врагов германского народа и народов мира — гитлеровцев. Теперь силы жизни покидали несгибаемую Клару.

Не она ли всего двенадцать лет назад, став депутатом рейхстага Веймарской республики, представляя в нем Коммунистическую партию Германии, поднялась на трибуну, чтобы громко сказать на весь мир слова призыва к революционным действиям...

Не она ли, прожив красивую, хотя очень трудную, полную драматизма, жизнь, крепко верила в победу светлых сил человечества...

Клара Цеткин — живая история борьбы международного рабочего класса. Дружба с Фридрихом Энгельсом, Розой Люксембург, Владимиром Лениным! Это ли не легенда!

В ту грозную ночь в возрасте семидесяти шести лет Клара Цеткин умирала.

Дни тревоги. Информационное сообщение о смерти Клары Цеткин. Скорбь народа. Красная площадь, куда мы пришли сказать нашей милой, дорогой Кларе Цеткин последнее прощание.

...Проходя по Красной площади, мимо Мавзолея Ленина, останавливаюсь около Кремлевской стены. Среди близких и дорогих имен читаю: «Клара Цеткин».

СТАРЕЙШАЯ

Елена Дмитриевна Стасова

УЛИЦА СЕРАФИМОВИЧА, 2

Огромный московский дом на улице Серафимовича, 2, фасадом своим обращенный в сторону бывшей Болотной площади. Мне хорошо знаком со дня его возникновения, когда туда въехали первые жильцы... Не раз я там бывал, ходил к друзьям, знакомым, приятелям и по делам и в гости...

Многих из этих людей нет в живых,— ведь самому дому уже около сорока лет от роду...

Александр Серафимович Серафимович... Ему всегда трудно было произносить собственный адрес. Ведь он жил на улице своего имени...

Здесь жил поэт Гасем Лахути. Впервые встретив его, вы, вероятно, усомнились бы, что этот невысокий человек с мягкой улыбкой и с глубокими ласковыми глазами был отважным командиром и бесстрашным революционером.

Здесь жила Елена Дмитриевна Стасова.

Внешняя и внутренняя ее собранность складывалась, может быть, десятилетиями напряженной работы. Она была необыкновенно внимательна к человеческой судьбе, особенно если человек оказывался в беде. В жизни мно-

гих людей Елена Дмитриевна сыграла решающую роль, вовремя подав руку поддержки и помощи. Некоторые из них так и не узнали, что сделала для них эта замечательная женщина.

Партийный стаж Елены Дмитриевны Стасовой совпал со «стажем» самой партии.

Она говорила:

— Мой партийный стаж? С 1896 года. С того дня, когда мне дали и я выполнила первое партийное поручение...

Полностью семь десятилетий. Семьдесят лет непрерывной партийной работы. Всегда. На всех этапах истории партии.

Если собрать письма и записки, направленные Лениным Стасовой за тридцать лет их совместной работы, они, пожалуй, превзойдут по объему все, что сказано о Стасовой в историко-мемуарной литературе...

ПЕРЕД ПАРТИЙНОЙ СОВЕСТЬЮ

Кабинет Емельяна Михайловича Ярославского на третьем этаже углового дома, выходящего на Ильинку и Новую площадь. Длинный стол, приставленный к письменному столу. За столом здесь размещается вся партколлегия ЦКК ВКП(б), не менее двух следователей, а также приглашенные...

Не знаю, как хозяин кабинета трудился в остальные рабочие дни, сколько людей бывало у него одновременно, но по субботам, когда здесь заседала партколлегия, становилось тесновато.

Каждое субботнее утро члены партколлегии приходят сюда и садятся на «свои» места.

Председательское место занимает Емельян Михайлович. Слева от него, спиной к окну, садится Елена Дмитриевна Стасова (она моя соседка). Перед каждым членом партколлегии лежит повестка дня. Все дела и свя-

занные с ними материалы — у старшего следователя партколлегии Филимонова и у меня. У каждого из нас свои «подопечные», о которых мы докладываем.

...Рассматривается очередное дело.

Если члены партколлегии не успели заранее ознакомиться с материалами, то дело кратко докладывается теперь, в присутствии самого ответчика.

Нельзя сказать, что ответчики всегда были готовы признать свои ошибки. Порою они упирались или вступали в споры. Тогда приходилось вновь и вновь прибегать к документам. Емельян Михайлович подходил к одному из стоявших вдоль стен книжных шкафов, доставал необходимый ему том сочинений Ленина, цитировал, подчеркивая голосом наиболее важные места.

Меня всегда интересовало поведение Елены Дмитриевны.

Редко, очень редко она задавала какой-нибудь вопрос или принимала участие в обсуждении тех или иных обстоятельств дела. Сосредоточенно, внимательно, ничем не выказывая своего отношения к разбираемому делу, она следила за ходом заседания. Нельзя было догадаться, какова будет ее окончательная позиция: за или против?

Елена Дмитриевна изучала приглашенных сюда людей. Их поведение. Их искренность. Их принципиальность. Их партийность.

Наконец рассмотрение дела заканчивается. Члены партколлегии остаются на своих местах. Удаляются все: и тот, чье дело рассматривалось, и те, кто был приглашен в связи с его рассмотрением.

Остается и следователь по данному делу: в нужный момент он даст фактическую справку, а потом и запишет постановление...

Партколлегия приступает к выработке решения. Теперь от сдержанности Елены Дмитриевны не остается и следа. Она выступает страстно, темпераментно, убежден-

но. Если имеются обстоятельства, смягчающие вину человека, если этот человек еще может быть полезен, не пропал для партии, Елена Дмитриевна решительно выступает за этого человека.

До сих пор в моих ушах звучат ее слова:

— Емельян, опомнись, подумай. Да вы что — потеряли рассудок?

Или:

— Вы следили за ним, когда он сидел тут, перед нами? Вы читали его душу?

А тот, кого она так страстно защищает, может, до конца своих дней не подозревает, чем он обязан Елене Дмитриевне Стасовой...

ПОЗНАКОМЬТЕ НАС С НАСТОЯЩИМИ ГЕРОЯМИ

Михаил Ульянов (ныне народный артист СССР, лауреат Ленинской премии), студент второго курса актерского факультета театрального училища имени Б. В. Щукина, секретарь комсомольской организации училища, возбужденно говорит:

— Не могу примириться с мыслью, что в мире героики мы ограничиваемся немногими именами. Дела этих людей мы уже знаем наизусть. А дальше? Снова возвращаемся к тем же именам. Помогите выйти из нами же выдуманного, замкнутого круга... Мир так широк, людей так много...

Сидим и разрабатываем план встреч с интересными людьми. Представители артистического мира часто встречаются с питомцами училища. Откликаются и писатели. А вот со старой гвардией большевиков встреч до сих пор не было.

Единодушно решаем пригласить в училище Елену Дмитриевну Стасову.

После того, как мне удалось получить согласие Елены

Дмитриевны, студенческая делегация поехала к ней с официальным приглашением.

Студентам было по двадцать два — двадцать три года. Жизненного опыта у них — ниже нуля, актерского — меньше. Талантливые ребята и девчата. Любознательные и инициативные. Находчивые. Задорные. С исключительной остротой воспринимающие все новое, оригинальное в искусстве и литературе.

Вернувшись от Елены Дмитриевны, ребята наперебой рассказывали:

— Как только мы увидели Елену Дмитриевну, так и забыли, что готовились ей сказать. Своим ласковым, даже материнским отношением она обезоружила нас. Мыплыли по волнам. Направляла же нас она сама.

— У нас сложилось впечатление, будто Елена Дмитриевна знала нас давно, ждала нас тоже давно. Говорила о наших занятиях так, будто бывала на них и лишь несколько дней пропустила...

— Получилась неловкость, но как здорово она сделала вид, якобы не заметила! Забыв, с кем мы имеем дело, Ю. брякнула: «Стасов говорил... Знаете такого?» — «Знаю, знаю,— чуть заметно усмехнулась Елена Дмитриевна,— он мне дядей приходится...»

— Вы говорите, много приходится работать, перегружены, устаете, не успеваете выполнить намеченный планом объем работ? — спрашивала Елена Дмитриевна у наших делегатов.— На такой вопрос сразу не ответишь, ибо у меня нет под рукою режима вашего дня. Возможно, что планы составлены несколько нереально. Но вы молоды, быстро воспринимаете, во многом можете преуспеть. Потом некогда будет, и вы уже не восполните то, что упустили сегодня. Об этом вам все говорят, я повторяю только известные истины. Вспомните, как работал Владимир Ильич Ленин. Ведь у него, как и у всех остальных людей, сутки измерялись двадцатью четыремя часами, ни на одну секунду больше. А сколько он за эти два-

дцать четыре часа успевал: встречался с людьми, читал, писал, играл в шахматы, охотился, гулял, отдыхал, ходил в гости к друзьям. И все это в те же двадцать четыре часа, что и у нас с вами...

...Елена Дмитриевна приехала в училище.

Настроение у студентов было приподнятое. Делегаты успели рассказать о своих впечатлениях товарищам по училищу. Занятия перестроили так, чтобы студенты всех курсов могли присутствовать на встрече.

До начала встречи мы беседовали с Еленой Дмитриевной в кабинете дирекции.

— Давно я не встречалась со студенческой молодежью. Смотрю и радуюсь.

Говорила она о том, что к молодежи надо относиться чутко, так, как относился к ней Владимир Ильич Ленин.

— Никогда не забуду, с какой чуткостью отнесся ко мне Владимир Ильич в 1905 году. Я не знала, что Николай Бауман убит. Мы были с ним близкие друзья. Ленин узнал об этой трагедии раньше меня. Как он старался не оставлять меня одну. Как осторожно готовил, прежде чем сказать жестокую правду... Никогда не забуду ленинской чуткости...

...Студенты пригласили нас в зал...

2

«ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

М. Горький

ОДНАЖДЫ В ГОСТЯХ У М. ГОРЬКОГО

К встрече мы готовились долго и усердно. Петр Гермогенович Смидович твердо сказал нам, что до отъезда Алексея Максимовича из Москвы в Сорренто мы сможем поговорить с ним по всем интересующим нас вопросам.

В сущности, вопрос был у нас только один: о выпуске альманаха «Страна Советов», где должны печататься в переводе на русский язык произведения писателей народов СССР.

Вообще говоря, этот альманах уже существовал, и его главным редактором был П. Г. Смидович. Возник альманах, согласно постановлению ВЦИК РСФСР, к десятилетию Советской власти. Первоначально думали, что он будет выходить четыре раза в год. Но выпустили всего два номера, и на этом дело остановилось. Редакция не смогла обеспечить новые номера альманаха хорошими произведениями на современную тему.

А. М. Горький приехал в Москву в понедельник 28 мая 1928 года.

Накануне «Правда» напечатала сообщение и дала ряд материалов в связи с его приездом. Столица готовилась к встрече Алексея Максимовича. На площади Белорус-

ского вокзала, там, где ныне стоит известный памятник, собралось множество людей: делегации фабрик и заводов, учебных заведений и учреждений Москвы.

Сейчас же после приезда Горького Петр Гермогенович на очередном заседании редколлегии альманаха поставил вопрос: как мы относимся к идее просить А. М. Горького быть главным редактором альманаха?

Все члены редколлегии задавали только один вопрос: согласится ли Горький?

— Мне важно ваше одобрение,— сказал Петр Гермогенович,— у Горького большой план поездок по стране. Я передал ему комплект «Тайги»¹ и наш альманах. Сказал, что несколько позже у меня будет с ним деловой разговор.

Мы поняли, что начало переговоров положено.

Сразу после приезда Горький был крайне загружен всевозможными делами. Встречи его с Петром Гермогеновичем были редкими.

На протяжении всего лета 1928 года Петр Гермогенович ничего нам о Горьком не говорил.

В конце концов стало известно, что А. М. Горький дал согласие быть ответственным редактором альманаха «Страна Советов». ВЦИК постановил назначить его на эту должность и слить «Тайгу» и «Страну Советов» в одно издание; Горький написал «декларацию» «Литературное творчество народов СССР», изложив в ней, как он понимает задачу альманаха. Состоялось решение передать издание «Страны Советов» Госиздату, где директором был А. Б. Халатов.

Оставалось договориться о встрече членов редколлегии альманаха с А. М. Горьким, который зиму 1928—1929 годов и весну 1929 года должен был провести в Италии...

---

¹ Печатный орган Комитета Совета при ВЦИК Председателем Комитета был П. Г. Смилович.

К этой встрече мы и готовились.

Времени было очень мало. Буквально через несколько дней Горький уезжал в Сорренто. Но Смидович твердо обещал: встреча непременно состоится.

Телефонный звонок. Говорит Петр Гермогенович.

— Сегодня к семи часам вечера будьте у меня. Едем к Горькому.

Пятый Дом Советов на улице Грановского хорошо мне знаком. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, я бывал вечерами у Петра Гермогеновича. После деловых разговоров Петр Гермогенович и Софья Николаевна за чайным столом много рассказывали о своей работе — он во ВЦИК, она в ЦКК. Нередко возникали «острые конфликты». Нападала Софья Николаевна, а Петр Гермогенович с юмором оборонялся.

Спешу к Петру Гермогеновичу. В семь часов вечера садимся в машину и едем к Горькому, в Машков переулок на Мясницкой.

Горький встретил нас приветливо. Мы были приглашены к вечернему чаю.

— Будем угощать вас арбузным вареньем,— сказал Алексей Максимович.

В беседе с Алексеем Максимовичем кроме Смидовича и меня участвовал директор Госиздата Артемий Багратович Халатов.

— С кем вы поддерживаете связи, какие авторы и произведения у вас на примете? — эти вопросы главным образом интересовали Горького во время нашей беседы.

Мы рассказали о некоторых писателях народов СССР, чьи произведения уже должны были выйти в русском переводе, о тех, с кем велись переговоры, а также о рукописях, имевшихся в нашем портфеле. Разговор, в частности, зашел о рассказе «Мусуси», принадлежавшем перу грузинского писателя Михаила Джавахишвили.

Книгу Михаила Джавахишвили «Ламбало и Каша», вышедшую в русском переводе, Алексей Максимович прочитал еще до приезда в СССР.

Судя по всему, Горький вообще следил за творчеством Джавахишвили, хотел получить его вторую книгу, о которой сообщил А. Б. Халатов, расспрашивал нас, связаны ли мы с этим писателем и каковы перспективы работы с ним.

— Я взял его на заметку,— сказал Петр Гермогенович.

— А вы, Артемий Багратович,— обратился Алексей Максимович к Халатову,— постарайтесь прислать мне поскорее экземпляр книги Джавахишвили.

Горький просил подробно рассказать ему об этом, как он выразился, хорошо писателе.

Алексей Максимович уехал. Мы собрали актив альманаха, сообщили о нашей беседе с Горьким. Отдельно мы встретились с грузинскими товарищами.

Во время этих встреч мы остановились на рассказе Михаила Джавахишвили «Мусуси», который, как нам казалось, отвечал требованиям Горького.

Когда мы беседовали с Алексеем Максимовичем, было высказано пожелание: публикуя рассказ «Мусуси», дать справку о Джавахишвили и его творчестве.

Рассказ перевели на русский язык. Он получил у нас общее одобрение.

Отправляя почту в Сорренто, в самую последнюю минуту мы вспомнили, что справка о Джавахишвили не перепечатана на машинке.

Справка была невелика, всего полторы страницы. Написана мелким, но разборчивым почерком. Решили в таком виде отправить ее Алексею Максимовичу.

Эта справка сохранилась у меня до сих пор.

На первой странице Алексей Максимович написал

красным карандашом: «Если поместить этот очерк, то другие авторы могут обиженно спросить: почему ничего не сказано о них?»

Видимо, Горький забыл о нашей договоренности. Рассказ «Мусуси» Алексей Максимович вернул. К тому времени он успел прочесть и вторую книгу М. Джавахишвили, выпущенную Госиздатом на русском языке.

Рассказ «Мусуси» Горькому не понравился.

В письме от 21 марта 1929 года он писал из Сорренто: «Джавахишвили, судя по его книгам, уже изданным Гизом, тоже мог бы дать нечто более интересное, чем «Мусуси».

...Помнится, после смерти Алексея Максимовича Михаил Джавахишвили рассказывал о своих встречах с Горьким в дни Первого съезда писателей СССР. Встретились мы как старые знакомые, говорил Джавахишвили...

Во время той же столь памятной мне беседы Алексей Максимович заинтересовался армянским писателем Мовсесом Арази. Узнав, что Арази провел студенческие годы в Петербурге и великолепно владеет русским языком, Горький заметил:

— Он мог бы свои произведения сам перевести на русский язык, как поступают молодые авторы.

Дореволюционные миниатюры Арази понравились Горькому.

Мы решили напечатать рассказ Арази «Товарищ Мукуч».

— Правдивая вещь, написана просто, убедительно, спокойно. Видишь перед собой реального человека.

Так характеризовал этот рассказ Петр Гермогенович Смидович.

В одном из писем Алексей Максимович также отметил рассказ «Товарищ Мукуч».

До 1928 года Горький не знал Арази. В русском переводе ни одного произведения Арази еще не было издано. В 1928 году, когда Горький побывал в Армении и встречался со многими писателями, Арази не был ему представлен. Сам же Арази был весьма скромным, застенчивым человеком и предпочитал оставаться в тени.

Однажды в Ереване мы встретились с Мовсесом Арази на каком-то литературном совещании. Это было после Второго съезда писателей Армении, стало быть после 1946 года. Вел он себя так, как будто не хотел, чтоб на него обратили внимание. Этому в какой-то степени способствовала глухота, с каждым годом все более его угнетавшая.

Поздно вечером мы вместе вышли на улицу.

— Правда, что у вас находится письмо Горького, где Алексей Максимович пишет обо мне? — спросил Арази. — Это письмо видели у вас дома.

Мы договорились, что я покажу ему письмо Горького и сниму для него копию на память.

Этот разговор с Арази положил начало нашей дружбе. За месяц до смерти Арази прислал мне свой роман «Исраел Ори» с трогательной надписью...

Когда мы говорили у Горького о писателях, с которыми уже установили контакты, выяснилось, что Алексей Максимович знал многих из них, и в частности ему известен и Кузубай Герд, удмуртский поэт, проживавший в Москве.

Книги стихов у Герда не было. Горький спросил, что нам известно о Герде, и сказал, что Герд, видимо, способный поэт.

Петр Гермогенович подтвердил мнение Алексея Максимовича.

— Во втором номере нашего альманаха мы поместили стихотворение Кузубая Герда. Я с ним встречался. Го-

ворит: «Пишу на родном языке и сам перевожу свои произведения на русский».

— Это очень хорошо. Не знаю, как у него получают стихи на родном языке, но по-русски они вполне грамотны.

Мы сказали Алексею Максимовичу, что Герд оставил нам несколько стихотворений и что стихи нами рассмотрены.

— Вот и хорошо. Вместе с другими рукописями пришлите мне и стихи Герда.

Знал ли Герд, что о нем говорил Горький?

Да, он об этом знал.

На заседании редколлегии альманаха «Страна Советов», на которое был приглашен и Кузубай Герд, Петр Гермогенович рассказал о нашей встрече с Горьким и более или менее подробно говорил об авторах и переводчиках, которые были приглашены на это заседание. Было сказано также и о Герде...

В 1967 году в Ижевске издательство «Удмуртия» выпустило маленькую книгу стихов: «Кузубай Герд. Лирика. Стихи в переводе автора». На сорока страницах помещено двадцать пять стихотворений, вступительная статья и библиография, принадлежащие Ф. К. Ермакову.

В примечаниях к отдельным стихотворениям не раз говорится: «Сохранилось в рукописи в архиве А. М. Горького, имеет пометки и исправления».

Как попали стихи К. Герда в архив А. М. Горького?

Автор настоящих строк послал эти стихи Алексею Максимовичу в Сорренто. Они были одобрены редколлегией альманаха, и Горький также отозвался о них положительно.

Часть стихотворных рукописей К. Герда Горький вернул, а остальные оставил у себя. Дальнейшая судьба их мне неизвестна.

...Поэму Гасема Лахути «Кремль» перевел для альманаха с языка фарси Ирандуст. Имя Лахути тогда было еще мало известно. Всего несколько лет назад Гасем Лахути, поэт и воин, политический деятель и выдающийся деятель культуры, приехал в СССР.

«Редактировать стихи я не берусь...» — писал А. М. Горький в письме от 7 мая 1929 года.

Об этом Алексей Максимович говорил часто, но редактировал стихи великолепно. Это можно продемонстрировать на примере тех рукописей, которые прошли через его руки.

Представляя Лахути Горькому, мы всячески подчеркивали идейную значимость поэмы «Кремль», дипломатически умалчивая о качествах ее перевода.

— Вместе с другими материалами пришлите мне также поэму «Кремль», — сказал в заключение Алексей Максимович.

В письме из Сорренто Горький отрицательно отозвался о переводе Ирандуста и возражал против опубликования поэмы в таком виде.

На рукописи перевода рукою А. М. Горького сделаны пометки критического характера.

Но Алексей Максимович захотел непременно познакомиться с автором этого своеобразного, бесспорно оригинального поэтического произведения. Знакомство Горького с Лахути состоялось позже, а в дни подготовки Первого съезда писателей СССР между ними установились дружеские отношения...

— Алексей Максимович, работая над «Сборником татарской литературы», не пришлось ли вам встречать имя автора повести «Татарка»?

Не успел Петр Гермогенович закончить фразу, как Алексей Максимович сказал:

— Галимджана Ибрагимова? Хорошо помню. И повесть помню. А что? Что-нибудь новое прислал? Вы к нему обратились?

— Переговоры с ним ведем давно. И личные встречи были, когда он приезжал в Москву. Твердого обещания не дал. Сказал: «Поищу, посмотрю».

Мне пришлось дать небольшую справку: Галимджан Ибрагимов перегружен государственными, общественными делами и как писатель почти не работает.

— А когда писать, если голова занята государственными делами? — Сделав паузу, Алексей Максимович прибавил: — Не теряйте с ним связь, может быть, литератор заговорит в нем. Он человек наблюдательный, да и жизнь хорошо знает...

— Меня очень интересует,— продолжал Горький,— художественное творчество нацменьшинств Российской Федерации, малых народов, многие из которых в прошлом не имели даже своей письменности. Как у них идет процесс развития литературы?

Потом из Сорренто Алексей Максимович писал:

«...Госиздатом Российской С.Ф.С. Республики затеяно издание сборников литературы племен и народов Федерации не для своего удовольствия, а для того, чтоб знающие русский язык люди нацменьшинств могли взаимно ознакомиться на этом языке с литературой друг друга и этим самым ускорить процесс взаимопонимания, процесс сознания единства своих интересов и сознания необходимости культурного соревнования».

В тот дождливый осенний вечер 1928 года, перед отъездом Алексея Максимовича в Сорренто, редколлегия альманаха «Страна Советов» обсуждала вопросы, далеко выходящие за пределы деятельности альманаха.

А. М. Горький увлеченно рассказал о встречах с литераторами национальных республик во время своих поездок по СССР летом и осенью 1928 года. Передавая мне большую папку печатных изданий и рукописей, полученных им, частично уже просмотренных, Горький

рассказывал об их авторах. Складывалось впечатление, что он этих людей знал много лет и внимательно следил за их творческим ростом.

В папке, переданной мне Горьким, были произведения якутов, бурят, вотяков (марийцев), башкир.

Думается, что этот подбор был не случайным.

Прошу читателя мысленно перенестись назад на сорок с лишним лет и представить себе обстановку, когда на русском языке появлялись первые переводы произведений писателей народов СССР, когда у ряда в прошлом бесписьменных народов одновременно зарождалась художественная литература...

Демьян Бедный

БОЛЬШОЙ КНИГОЛЮБ

В личных библиотеках не всякая книга получает «постоянную прописку».

Так считал Демьян Бедный, создатель и владелец уникальной библиотеки. Мало сказать, что он любил книги,— он относился к ним с нежностью.

— Смотри,— говорил он,— в русском языке все понятия, связанные с книгой, женского рода. Книга, библиотека, книжная полка. Книга — капризная вещь, она требует к себе постоянного внимания.

В то же время он относился к книгам с какой-то особой требовательностью. Однажды я застал Ефима Алексеевича за работой в его библиотеке.

— Проверяю прописку книг. Не всех, а некоторых, имевших временный пропуск в мою библиотеку. Если срок кончился, значит освобождай площадь.

Многие мои знакомые поступают так, как Д. Бедный: время от времени они производят чистку книжных шкафов. Вчера некоторые книги были еще на своем месте, сегодня они уже не соответствуют своему назначению.

Это не значит, что книги, лишенные «постоянной прописки», дисквалифицируются. Нет, конечно.

У меня «постоянно прописаны» книги, на которых есть авторские дарственные надписи.

Мы все по-особому относимся к таким книгам. Теперь, когда я беру в руки многие из них, мне делается грустно. Многие авторы уже ушли из жизни...

Среди особенно мне дорогих книг есть та, которую подарил Ефим Алексеевич:

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

фототипическое воспроизведение 1-го издания, 1800 года

С. ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1904

На третьей странице, перед титульным листом, типографским способом напечатано: «№ 196».

Это значит, что часть тиража напечатана на особой бумаге, пронумерована и распределялась по определенному списку. Демьян Бедный купил этот экземпляр уже после революции. На первом листе, в верхнем правом углу, рукою Д. Бедного написано:

Е. ПРИДВОРОВ
25.II.27
МОС[КВА]

Потом, когда он дарил мне эту книгу, красным карандашом написал на всю страницу:

Т АРШАРУНИ
НА ПАМЯТЬ
О БИБЛИОТЕКЕ
Д. БЕДНОГО
23/II.38

Более сорока лет находится этот подарок Д. Бедного среди моих любимых книг...

Мне не известно, часто ли вообще Ефим Алексеевич дарил книги из своей библиотеки. Само собою разумеется, я имею в виду не те книги, которые автор дарит после их выхода из печати.

Библиотека Демьяна Бедного...

О ней было много разговоров, большей частью среди творческой интеллигенции. А те, кто бывали у Демьяна Бедного, особенно впервые, непременно приглашались познакомиться с нею. Гидом в таких случаях выступал сам поэт.

Задержавшись перед собранием книг русских поэтов предпушкинского периода, занимавшим целую стену, Ефим Алексеевич говорил:

— Здесь весь Лебедев-Кумач восемнадцатого века.

С папиросой «Тройка» в руке грузно шагал дальше.

— Тут у меня «Вестник Европы». Полный комплект. Ни в Москве, ни в Ленинграде нет полного «Вестника Европы». Только у меня.

Каждая книга библиотеки Демьяна Бедного имела свою историю, свою биографию. К сожалению, это мало кому известно, хотя библиотека и стала теперь частью Литературного музея.

Критик Анатолий Тарасенков коллекционировал книги русских поэтов XX века. Он делал это с любовью и со знанием дела. Оставил ценнейшее собрание поэтических книг. Составил каталог для пользования этим собранием.

После смерти критика в журнале «Новый мир» появился очерк вдовы покойного М. Белкиной, посвященный библиотеке Ан. Тарасенкова. Вступление к этому очерку написал А. Твардовский.

Что же касается неповторимой библиотеки Демьяна Бедного, то о ней ничего не написано, если не считать несколько строк в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича. Любители книги ничего или почти ничего не знают об этой уникальной библиотеке.

...В начале двадцатых годов в Москве открылось немало антикварных и букинистических магазинов, где продавали книги, гравюры, картины.

Демьян Бедный поддерживал контакт с работниками многих таких магазинов. Была с ними договоренность: как только поступит какой-нибудь интересный экземпляр, немедленно сообщать ему об этом и до его прихода не выставлять для продажи.

Книготорговый мир любил Демьяна Бедного. За то, что он понимал толк в книгах. У работников книжной торговли так заведено, наверно, со времен Гуттенберга: истинный ценитель книги считается самым большим другом. Любили Демьяна Бедного за то, что он был щедр, много покупал. А такой покупатель всегда приносит радость работникам книжной торговли. К тому же, появляясь в магазине, Демьян Бедный вносил с собой атмосферу бодрости, веселья, смеха. Всех он знал, ко всем относился по-дружески, острил, смеялся, в магазине сразу становилось весело.

Однажды Демьян Бедный сказал мне, что ему надо срочно зайти в Петровский пассаж, где был открыт букинистический магазин.

— Поедем со мною. Там мы задержимся недолго,— сказал Ефим Алексеевич.

Поехали.

— Ефим Алексеевич пришел! Ефим Алексеевич! Пожалуйста, сюда!

Тесный магазин, заставленный и увешанный старинными предметами, с появлением Бедного стал еще теснее. Со всех сторон приветствовали Ефима Алексеевича.

Привыкший к такому приему гость с широкой улыбкой уселся на поданный ему стул, достал свою «Тройку», мундштук, закурил.

Курил он безбожно много. Сам говорил, что не мень-

ше трех коробок в день. А иногда и больше. Все привыкли видеть его с папиросой. Поэтому и не протестовали, когда он закуривал в неподходящем месте.

Пока он закуривает, перед ним уже кладут аккуратно завернутую пачку книг, не спеша ее развязывают.

Демьян Бедный берет каждую книгу в руки, внимательно рассматривает. Стоящий рядом с ним букинист дает характеристику каждой книге.

Монологи букиниста изредка прерываются репликами покупателя.

Потом книги снова так же аккуратно упаковываются. Всю пачку целиком. Без отбора. Покупка сделана.

Садимся в машину.

— Ефим Алексеевич,— спрашиваю я,— все эти книги вам нужны? Ведь некоторые из них у вас есть.

— А какая разница, есть или нет?

— Но вы же за них так много заплатили.

— Дело не в деньгах. Надеюсь и в дальнейшем покупать редкие книги. Их у нас мало. Такой товар не залеживается. Часть его непременно уплывает за границу. Вот я и создаю барьер!

Подъезжаем к дому. Покупку выгружают из машины, вносят в квартиру. Потом поэт развяжет пачку, рассмотрит и погладит каждый томик, как бы знакомясь, а затем по собственной методе расставит новые книги по полкам.

Наш разговор продолжается в кабинете у Ефима Алексеевича.

— Я до некоторой степени выполняю роль работников таможен. Я делаю то же самое, но без нанесения ущерба владельцу — я ему плачу. Пойми, я не для себя приобретаю. Все, что ты видишь в этих шкафах, рано или поздно перейдет в собственность нашего государства. Вот я и стараюсь. Деньги мои. Забота моя. Тревога моя. Результат — государству.

Однажды Ефим Алексеевич заявил:

— У меня появился конкурент. Все скупает. Буквально все. Не только книги...

Говорил Ефим Алексеевич шутливо, однако тот, о ком шла речь, видимо, в самом деле наступил ему на мозоль.

Я жду, пока он скажет фамилию своего «конкурента», хотя и догадываюсь, кого он имеет в виду.

— Если бы он покупал так, как я, на свои деньги, я ничего не имел бы против: покупай на здоровье. А то ведь на государственные.

Ясно, что речь идет о Владимире Дмитриевиче Бонч-Бруевиче. Но я не решаюсь выступить на «защиту» Владимира Дмитриевича, создателя нашего Литературного музея, филиалом которого потом станет и библиотека Демьяна Бедного.

— Бонч мне не конкурент,— успокаивает себя Ефим Алексеевич.— У него своя клиентура, у меня своя. К нему ходят всякие люди, и он у них покупает и покупает. Но покупать-то надо с толком. Видел сам, меня книжники по пустякам не позовут. Уж ежели позвали, значит, товар стоит того. А что у Бонча? Всяк, кто что-нибудь разыскал, тащит к нему, а он покупает...

Видно, «конкурент» сильно задел Демьяна за живое.

— Ефим Алексеевич, не надо принимать так близко к сердцу. Не надо обижаться.

— А кто сказал, что я обиделся? Ничего подобного! Я Бонча люблю. Мы с ним старые друзья. Да какие! Мне жаль только, что он разменивается...

Прошло много-много лет. Нет в живых ни Ефима Алексеевича, ни Владимира Дмитриевича.

Еще раз прочел я очень теплые и весьма ценные записи В. Д. Бонч-Бруевича о Демьяне Бедном.

Друг поэта не забыл сказать кое-что и о библиотеке Ефима Алексеевича.

В. Д. Бонч-Бруевич пишет:

«Когда в 1938 году Д. Бедный вынужден был продать свою замечательную библиотеку, я тотчас же купил ее для Государственного литературного музея, и она почти целиком и полностью сохранена до сих пор, кроме тех книг, которые он оставил у себя»¹.

В 1938 году обстоятельства действительно сложились так, что Демьян Бедный решил передать свое сокровище государству.

Он вынужден был пойти на этот шаг по многим причинам, в которых не последнее место занимала боязнь: не будет ли после его смерти рассредоточена созданная с такой любовью и с такими трудностями библиотека? Он знал, правда, редкие, но, к сожалению, встречающиеся случаи варварского распыления уникальных собраний после смерти владельца.

Жаль, что Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич не сказал о некоторых чрезвычайно важных условиях, поставленных Демьяном Бедным при продаже библиотеки. Прежде всего Ефим Алексеевич потребовал, чтобы библиотека была оценена авторитетной комиссией. Только четверть назначенной суммы он согласился взять от Государственного литературного музея. Эту сумму он распределил между своими наследниками, оставив себе небольшую часть. Далее он обусловил, что библиотека останется на своем месте, как филиал Государственного литературного музея. За собой он сохранял право пользоваться книгами бывшей своей библиотеки. Научным сотрудникам и библиотечным работникам музея разрешалось работать в особняке и вести там свои служебные

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1968, стр. 184.

дела. Наконец, последним условием было — никаких изъятий из фондов библиотеки не производить.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич писал:

«...Демьян был влюблен в свои книги и имел их всегда в самых лучших переплетах. Он говорил, что, любя женщину, хочешь, чтоб она была умыта, причесана и хорошо одета. Он любил книгу так, как некоторые любят женщину...»¹

Справедливые слова.

НА ЮБИЛЕЕ РУСТАВЕЛИ

Демьян Бедный познакомился с «Витязем в тигровой шкуре» в Москве, в годы гражданской войны и не по переводу К. Бальмонта. Друзья читали ему грузинский текст и тут же переводили.

Большое впечатление произвело на него вступление к поэме. Там определены основные принципы художественного творчества.

Кто два-три стишка скропает, тот, конечно, не творец.
Пусть себя он не считает покорителем сердец.
Ведь иной, придумав глупость, свяжет рифмою конец
И твердит, как мул упрямый: «Вот искусства образец».

Небольшой стишок — творенье стихотворца небольшого,
Не захватывает сердца незначительное слово.
Это жалкий лук в ручонках у стрелочка молодого:
Крупных он зверей боится, бьет зверушек бестолково.

Мелкий стих подчас пригоден для пиров, увеселений,
Для любезностей веселых, милых шуток, развлечений.
Если он составлен бойко, он достоин одобрений.
Но певец лишь тот, кто создан для значительных творений.

(Перевод Н. Заболоцкого)

---

¹ В Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания М, Гослитиздат, 1968, стр. 184.

...Ефим Алексеевич входил в комитет по подготовке семисотпятидесятилетия поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Юбилейный комитет созывался редко (для уточнения плана юбилея, решения организационных вопросов). Кроме того, Демьян Бедный входил в рабочую комиссию Союза писателей СССР, на которую была возложена вся практическая работа по подготовке юбилея.

По заданию нашей комиссии в Грузии был подготовлен и прислан в Москву подстрочный перевод поэмы Ш. Руставели на русский язык.

Такой подстрочник был крайне нужен. Ведь перевод К. Д. Бальмонта был сделан с английского, прозаического перевода поэмы Руставели.

В тесном контакте с издательствами наша комиссия участвовала в одновременной подготовке трех переводов поэмы на русский язык. Переводы Г. Цагарели и П. Петренко, а также перевод Ш. Нуцубидзе, напечатанный после юбилея, предварительно обсуждались у нас, в нашей комиссии.

Два члена комиссии проявляли к ним особый интерес. Не было ни одного заседания, в котором они не принимали бы участия. Один из них — Демьян Бедный, другой — Петр Андреевич Павленко, который готовился выступить на юбилейном пленуме Союза писателей СССР в Тбилиси.

Д. Бедный читал подстрочники и готовые переводы. Он выступал всегда коротко. Не любил, а может быть, не умел произносить длинные речи. Всегда говорил по существу, его короткое слово имело больше значения, чем иная длинная речь.

— Хорошо, очень хорошо, когда произведение большого поэта переводят несколько раз. Переводят люди разные по-своему, в своей поэтической манере, — говорил Ефим Алексеевич. — Я бы категорически возражал про-

тив перевода «Вигязя в тигровой шкуре» по частям и несколькими переводчиками. Нельзя четвертовать великого поэта, нельзя!

На одном из заседаний комиссии произошел эпизод, не отраженный в официальном протоколе.

Заседание было представительное. На нем присутствовали работники Гослитиздата, члены Секретариата Союза писателей Грузии, переводчики, редакторы.

Одним из выступавших был солидный, пожилой ученый. Говорил он степенно, с достоинством. Начал так:

— Не могу без волнения...

Не знаю, как другим, но мне тогда стало смешно... Дело в том, что ученый читал свое выступление. Оно было написано, выверено и перепечатано перед заседанием. Какое уж тут «волнение»! Другое дело, когда человек говорит без бумаги. Тогда волнение естественно.

После выступления ученый вернулся на свое место и сел рядом со мною. Отдышавшись, он нагнулся в мою сторону и заговорил с таким расчетом, чтобы его слова услышал Демьян Бедный, сидевший рядом со мной, с другой стороны:

— Уж очень много слез у Тариэла. По каждому поводу льет слезы.

Демьян Бедный тотчас отозвался:

— Тариэл мужественный человек. Я его вижу. Мужественный, смелый, ловкий, отчаянный, умный. Вот что важно. Я слез не люблю. Это вы знаете. Но тут я их принимаю.

К словам Ефима Алексеевича стали прислушиваться и другие: делали вид, будто слушают очередного оратора, а сами ждали, что скажет Демьян.

Ефим Алексеевич продолжал:

— Я не могу читать Руставели в оригинале. Перевод же, даже самый идеальный, не в состоянии передать поэтической сути подлинника. Может быть, в оригинале

слезы Тариэла в каждом отдельном случае обозначены особо. В тексте не может не быть синонимов. Я это чувствую. Вот вам научно-исследовательская тема: какую сюжетную роль выполняют слезы Тариэла в поэме «Витязь в тигровой шкуре»? Плохую тему я вам подсказал? Можете не включать меня в штат вашего института и гонорар за консультацию не выписывайте...

— Ефим Алексеевич, мы включим вас в штат и тему утвердим, только дайте согласие,— отшутился ученый.

— Жаль, что я не знаю грузинского языка. Обязательно поступил бы в ваш институт. Сколько лет вы дали бы на разработку такой темы? — Демьян вопросительно посмотрел на ученого и закончил: — Спокойно проливал бы слезы за счет государства...

Старожилы говорили, да и мы сами знали не хуже их, что в Гори никогда до этого одновременно не приезжало такое количество писателей. Это было 26 декабря 1937 года, во время юбилейного пленума Союза писателей СССР и Грузии, посвященного Шота Руставели. Сто пятьдесят писателей, не считая делегатов Грузии, Армении и Азербайджана...

Рано утром мы отправились из Тбилиси в Гори, чтоб вечером, после осмотра города, крепости и окрестностей, вернуться в грузинскую столицу, где нас ждала премьера оперы Захария Палиашвили «Даиси».

Не успели мы выйти из вагонов и обменяться приветствиями со встречавшей нас делегацией горийских городских организаций, как нам передали тревожное сообщение...

Город начал готовиться к встрече с советскими писателями заблаговременно. Мы со своей стороны еще в Москве предусмотрели и эту поездку в Гори. Все было продумано до мелочей. Значит, никаких ЧП и быть не могло.

И все-таки ЧП случилось!

Школьники горийских учебных заведений постановили: 26 декабря считать днем советской литературы и организовано встретить приезжающих в Гори писателей.

Учителя пришли на занятия, а в школах — ни души.

Выход из создавшегося положения был найден быстро. Задним числом узаконили нерабочий день в честь семисотпятидесятилетия «Витязя в тигровой шкуре». Педагогам предложили возглавить делегации школьников.

Надо было видеть глаза ребятишек, впервые в жизни встретивших таких писателей, как А. Серафимович, А. Макаренко, Ф. Гладков, Ш. Дадиани, К. Федин, Л. Леонов, М. Шагинян, С. Вургун, П. Тычина, Янка Купала... Всех я не могу перечислить, ведь писателей было более двухсот человек...

Пока наши автобусы строились в шеренгу, пока готовился митинг, мы получили новую «сводку» ЧП: школьники хотят видеть и слышать Демьяна Бедного.

— Если можно, пусть на этом первом митинге выступит Демьян Бедный. Ребята очень просят.

Был солнечный, теплый день. Ефим Алексеевич в распахнутом кожаном пальто, кожаной фуражке, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди вышел вперед и начал свою импровизированную речь.

Ребята, не внося в ряды никакого беспорядка, тем не менее упорно продвигались вперед, к оратору. Когда он кончил свою речь, оказалось, что взрослые оттеснены назад, а Ефим Алексеевич окружен детьми.

Тут же был установлен порядок посещения Демьяном Бедным городских школ. В каждой он должен сказать ребятам несколько слов. Уговаривать Ефима Алексеевича не пришлось. Так у него сложилась своя особая программа выступлений в Гори.

...Когда мы возвращались в Москву, я подошел к Ефиму Алексеевичу, стоявшему в задумчивости у окна

вагона. За окном — знакомая грузинская земля. По этой земле ходил Руставели. На этой земле растут ребята, потомки Руставели. Они любят поэзию, литературу. А сколько среди них будущих писателей...

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

Трудно найти человека, который рассказывал бы о Демьяне Бедном и не отметил его остроумия. Без этой черты характера действительно нельзя представить себе Д. Бедного.

Однажды поэт вспомнил историю своей короткой службы в Управлении делами Совнаркома.

— Ты с моей биографией знаком? — неожиданно спросил Д. Бедный.

— Конечно.

— Где читал?

— И в печати, и в отделе кадров Союза писателей.

— Ты знаешь что-нибудь о моей штатной должности?

— Нет, ни в одном из прочитанных мною документов об этом нет ни слова.

— А я после революции некоторое время был на штатной должности.

Рассмеялся, потом задумался, мечтательно посмотрел вдаль.

— Тогда Советская власть только что родилась. Подумай, родилось новое государство: бывают же на свете чудеса! Мы все не выходили из Смольного. Вдруг зовут меня к Владимиру Ильичу. Там Яков Михайлович Свердлов. Владимир Ильич говорит мне: «Мы с Яковом Михайловичем искали вас, товарищ Демьян. Хотим назначить вас управделами Совнаркома». Я смотрю на Якова Михайловича Свердлова, на Ильича,— нет, они серьезно говорят. А я в жизни не служил. Не умею работать, как говорят, в штате. «Что вы, Владимир Ильич, какой я управляющий делами Совнаркома? Я со своими делами

не управляюсь, а вы меня в Совнарком». Никто не смеется. Никто не принимает всерьез мои возражения. «А вы думаете, мы с Яковом Михайловичем всю жизнь государством управляли? Или наши наркомы были раньше министрами? Нет, дорогой товарищ Бедный, надо нам помочь. Управлять государством рабочих и крестьян — дело новое и не легкое. Вы, кажется, об этом писали в своих стихах?» — «Не помню, что писал, но управлять государством не мечтал». — «На первых порах нам помогите, — говорит мне Свердлов. — В соседней комнате поставлен стол для вас. У вас будет печать Совнаркома. Вам привезут мешок денег. С деньгами будет такой порядок: по запискам Владимира Ильича вы будете выдавать предъявителю указанную сумму. Вот и все. Несложная работа пока». Выхожу из кабинета Владимира Ильича, сажусь за стол, прячу печать. Действительно, мне приносят мешок денег, дают подписать бумажку, что мне вручена сумма (какая — не помню). И началась моя государственная деятельность на самом высшем уровне. Такого бурного дня в моей жизни я не помню. Ни одной минуты передышки. То ставь на мандаты печать, то выдавай по запискам деньги. Но рабочий день кончился. По распоряжению Якова Михайловича пришли ревизоры и начали проверять: смотрят записки и подсчитывают суммы, выданные мною. Потом подсчитали оставшиеся кредитки и нашли у меня недостачу. Кажется, около двадцати пяти тысяч рублей. Ревизоры составили акт и пошли к Владимиру Ильичу. Там Яков Михайлович. Докладывают. Я никак не могу понять: куда делись деньги? Поговорили, но не о моем просчете. Разговор шел о том, кого назначить управделами Совнаркома. «Согласимся с товарищем Бедным, — сказал Владимир Ильич и посмотрел на Свердлова, — освободим его от должности управделами Совнаркома?» Яков Михайлович кивнул головой. Уволили. Всем сразу стало легче. Прямо сказали мне в лицо: займись своими литературными делами. Они

нам нужны... Но хоть один день,— рассмеялся в заключение Ефим Алексеевич,— а все-таки я был на штатной должности...

Девятого мая 1945 года весь мир радостно отметил нашу Победу!

В смертельной схватке с фашизмом победили наша страна, наш народ, наша Советская Армия...

Перед этим знаменательным днем Ефиму Алексеевичу исполнилось шестьдесят два года. Поэт был болен, много лет болел. И в эти дни весны, радости, Победы лежал в постели.

В ночь на 25 мая Демьяну Бедному стало плохо. На следующий день, 25 мая 1945 года, не стало певца пролетарской революции, борца за новую, социалистическую культуру, пламенного патриота.

В ОСОБНЯКЕ НА ПРОСПЕКТЕ МИРА

В. Я. Брюсов

ВПЕРВЫЕ...

Каменщик, каменщик в фартуке белом.
Что ты там строишь? Кому?

Стихотворение Валерия Брюсова «Каменщик» осталось у меня в памяти с юношеских лет.

Первое знакомство с Валерием Брюсовым. Пока заочное.

Увидел же я Валерия Яковлевича Брюсова впервые в Наркомпросе, в кабинете Анатолия Васильевича Луначарского.

В оперативном порядке решался один из срочных вопросов, связанных с работой Российско-Украинской делегации по реализации Рижского договора с Польшей.

В кабинет наркома вошел В. Я. Брюсов. Он был тогда заведующим Литературным отделом Наркомпроса.

Я понял, что ему разрешается в любое время заходить к Анатолию Васильевичу. В руке Брюсова была папка. Вошел, поздоровался, задержался в недоумении: не помешаю ли? Нарком пригласил его сесть.

Так, просто, даже буднично, произошло наше знакомство с Валерием Яковлевичем. А я ждал этого знакомства столько лет...

Мой друг Владимир Захарович Швейцер выпустил книгу «Диалог с прошлым». Мастерски написанные эюды могут вызвать зависть у любого писателя... Автор метко характеризует Валерия Яковлевича Брюсова:

«Он мечтал и верил, что неграмотная Россия будет превращена в республику поэтов...»

Швейцер создает образ Валерия Брюсова, человека и мыслителя, поэта и теоретика, который работал в маленькой нетопленной комнате Наркомпроса, не решался снимать перчатки из-за холода, строил планы, выступал, спорил и, как писал Луначарский, гордился тем, что стал коммунистом...

Брюсова интересовало все, что касалось новой политики в области культуры. Он охотно шел в любую правительственную комиссию, комитет, организацию, куда его приглашали.

ОСОБНЯК НА ПЕРВОЙ МЕЩАНСКОЙ

На Первой Мещанской улице старой Москвы было несколько уютных особняков. Один из них, двухэтажный, в стиле модерн, принадлежал Валерию Брюсову.

Прошло столько лет, а в этом особняке все осталось в полной сохранности. Его нельзя себе представить без вдовы поэта Иоанны Матвеевны. Особняк Брюсова и Иоанна Матвеевна неотделимы друг от друга, составляют как бы некое единство...

Теперь мне редко приходится бывать на проспекте Мира. Когда-то в особняк на Первой Мещанской часто приходили люди разных национальностей и разных возрастов.

Теперь, если случается бывать на проспекте Мира, я непременно захожу в совсем уже не тихий переулок, медленно обхожу дом, заглядываю в окна, испытываю невольную потребность потрогать эти памятные стены, хорошо знакомую дверную ручку...

Валерий Яковлевич Брюсов около семи лет жил и работал при Советской власти. Какие это были годы! Легендарный период истории нашей страны...

Брюсов сразу определил свое место среди строителей новой культуры Страны Советов.

Брюсова сразу поняли, протянули ему руку, поддержали, помогли, и он твердо зашагал по освобожденной земле своей родины.

Среди тех, кто протянул Брюсову руку друга и товарища, был нарком просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский.

Как-то два уважаемых деятеля старой русской культуры — П. Н. Сакулин и В. Я. Брюсов — явились к А. В. Луначарскому на прием. Это было в 1918 году, после переезда Советского правительства в Москву.

Сакулин и Брюсов стремились ускорить решение вопросов развития литературы, культуры, приобщить старую интеллигенцию к строительству новой России.

Они пришли не для того, чтобы «выяснить» позиции Советской власти. Они хотели быть полезными государству рабочих и крестьян.

Именно после этой встречи Валерий Яковлевич стал заведующим ЛИТО Наркомпроса...

В первые годы Октября Наркомпрос выполнял функции многих нынешних министерств и организаций (Министерств просвещения, высшего образования, Комитетов по печати и кинематографии и т. д.). Он ведал всем, от ликбеза до Академии наук, от избы-читальни до Эрмитажа, от сельского хора до Большого театра...

Каким же должен стать Литературный отдел Наркомпроса и кто способен возглавить его?

Кандидат на пост заведующего ЛИТО должен быть популярным среди старой литературной интеллигенции, творчески и общественно активным.

Возникла кандидатура писателя Андрея Белого. Ему тогда не было еще и сорока лет, он был деятелен, энергичен. Многие утверждали, что он не возражал бы возглавить Литературный отдел Наркомпроса.

Однако у наркома просвещения были иные намерения. Анатолий Васильевич выдвинул кандидатуру Валерия Яковлевича Брюсова.

Брюсов сразу согласился работать в Наркомпросе, рядом с Луначарским. Он знал, что вокруг его имени складываются вздорные легенды и распространяется клевета. Его приход к Луначарскому вместе с Сакулиным был решающим шагом, окончательно определившим его политическую позицию.

В. И. Ленин одобрительно отнесся к предложению Луначарского о назначении Брюсова. Иоанна Матвеевна Брюсова рассказывала мне, что были случаи, когда Владимир Ильич через Луначарского помогал Брюсову в трудную минуту.

ЮБИЛЕИ

Идея организовать в Большом театре пятидесятилетний юбилей Валерия Яковлевича Брюсова принадлежала Луначарскому.

Узнав от Анатолия Васильевича о его намерении, Брюсов от неожиданности растерялся. Как это так? Юбилей, да еще по инициативе правительства?

Оставаясь один на один с Луначарским, Брюсов смущенно говорил:

— Мне никакого юбилея не надо.

— А нам он нужен, потому что вы его заслужили,— возражал Луначарский,— и еще для того, чтоб все знали и понимали, как мы вас любим и ценим.

— Может быть, поскромнее, Анатолий Васильевич...

— Дорогой мой Валерий Яковлевич, предоставьте это нам...

— А мои противники, недоброжелатели?

— Вы их боитесь? — улыбался Луначарский.

Валерий Яковлевич знал множество восточных пословиц и поговорок. Одна из них гласила: «Человек узнается в пути».

Вот уже шесть лет Брюсов шел рядом с наркомом по трудному пути и мог с уверенностью сказать — восточная поговорка полностью себя оправдала.

И юбилей состоялся. По своим масштабам он превзошел все наши ожидания. Неожиданно это было прежде всего для юбиляра. Только организатор юбилея — Анатолий Васильевич Луначарский — твердо знал заранее, чего он хочет, чего добивается и какой будет результат.

В связи с пятидесятилетием со дня рождения В. Я. Брюсова президиум ВЦИК принял специальное постановление, в котором было отмечено, что Брюсов «внес ценный вклад в культуру своей родины».

Юбилей состоялся в 1923 году, а 9 октября 1924 года Валерий Яковлевич Брюсов умер от крупозного воспаления легких.

После смерти Валерия Яковлевича А. В. Луначарский выступил в печати с двумя очерками о покойном (они появились в «Правде» 11 и 12 октября 1924 года). В них охарактеризовано сложное, противоречивое творчество Брюсова, дана оценка деятельности Брюсова как мыслителя и ученого. Одновременно Анатолий Васильевич делится и своими воспоминаниями об ушедшем. С неподдельным восторгом пишет об одной из лекций, прочитанных В. Я. Брюсовым: «Я, например, был совершенно очарован его блестящей лекцией о Некрасове, которая, как я это видел, произвела глубочайшее впечатление на всю его молодую аудиторию».

Анатолий Васильевич предполагал вплотную заняться анализом творческого пути В. Я. Брюсова, но выполнить это свое намерение, к глубокому сожалению, не успел...

С ЮНЫМ ЗАДОРом

Леонид Соловьев

ЗА ПЕСНЯМИ В КИШЛАК

Однажды Аветик Исаакян сказал мне: пишу воспоминания только о тех, кто крупнее, талантливее, значительнее меня.

К тому времени он выпустил книжку чудесных воспоминаний об Александре Спендиарове, Ованесе Туманяне, Иоаннесе Иоаннисяне...

Я спросил Исаакяна — о ком он будет писать теперь?..

У него был ученик и любимец Литинститута — поэт-лирик Ваан Терян. Терян скоро сам стал ведущим поэтом новой школы, но рано умер. Исаакян высоко ценил его творчество. Отзывался о нем очень тепло. Но... в воспоминаниях Исаакяна для Ваана Теряна не нашлось места.

Хочу нарушить этот «заговор» стариков против молодых.

Человек, о котором мне хочется вспомнить, умер сравнительно молодым. Он был моложе меня на десять с лишним лет и по своему литературному стажу был значительно моложе.

Начало нашему знакомству положил 1928 год, когда перед моим молодым другом открылась «зеленая улица» в литературе...

Но начнем издалека.

* * *

Мир и хвала тебе,— тебе, кого чтит бедняк!
Мир и хвала тебе, кого чтит народ!
Мир и хвала тебе, кого чтит весь мир!
Мир и хвала тебе, Ленин-паша!

Так начинается поэма «Ленин-паша», написанная безымянным армянским ашугом. Она занимает почетное место в мощном строю советских фольклорных шедевров.

Поэма «Ленин-паша» появилась еще при жизни Ленина, в годы гражданской войны. Шла борьба, острая, неотступная, не на жизнь, а на смерть. В поэме «Ленин-паша» Владимир Ильич, как богатырь из русских былин или из армянского эпоса, садится на коня, возглавляет борьбу: «Сам Ленин-паша сел на коня, поскакал...»

Мы стали свидетелями исключительного по своему размаху, новизне, мощности литературного процесса — рождения советского устного творчества.

На наших глазах родилась советская устная эпическая поэма народов СССР. И у тех народов, у которых только создавалась национальная письменность. И у тех, которые располагали многовековыми богатствами устного творчества.

К десятилетию Октября фольклорист А. П. Поцелуевский совершил своего рода подвиг. Ему удалось проникнуть в туркменские аулы, к женщинам-ковровщицам, и записать до восьмисот женских трудовых песен.

В 1920 году была записана песня казашки, находящейся за пределами нашей страны. Вместе со своими сородичами она рвалась домой. Неизвестная женщина

обращалась к Ленину: «Ты наш защитник и отец, избавь нас от рабства...»

Эта незатейливая песня была, по-видимому, одной из первых песен о Ленине в казахском устном народном творчестве...

Весть о смерти Владимира Ильича Ленина всколыхнула нашу страну, всех людей на земле.

За народными песнями о Ленине пошли в далекие аулы и стойбища, кишлаки и урочища смелые, увлеченные своим делом молодые люди. Как говорят, на край света за песней. Действительно, на край света: до Памира, до Сванетии, до Крайнего Севера, до Тихого океана...

Немаловажное место в устном творчестве народов СССР заняли песни и сказания о В. И. Ленине.

Перед советскими деятелями культуры возникла задача: активно участвовать в этом литературном процессе. Собрать материалы. Проанализировать их, оказать помощь энтузиастам, собиравшим по необъятной нашей стране перлы народного творчества.

Всесоюзная ассоциация востоковедения совместно с редакцией журнала «Новый Восток» всесторонне изучали формирование и развитие советского фольклора.

Перед нами возникла и еще одна задача: присмотреться к сказителям, к собирателям сказаний и народных песен. Мы стали вызывать знатоков и исполнителей сказаний и песен.

Наше внимание привлек некто Леонид Соловьев, за подписью которого иногда появлялись записи фольклора в среднеазиатской русской периодике.

Летом 1928 года, оказавшись в Ташкенте, я решил разыскать этого человека. Тем более что, по дошедшим до нас слухам, Л. Соловьев, энтузиаст своего дела, столкнулся с какими-то затруднениями в своей работе. Якобы кто-то предъявлял ему обвинения в том, что он «приукрашивает», то есть искажает, фольклорные материалы.

Перед отъездом я договорился с Марией Ильиничной Ульяновой в «Правде» и с редакцией журнала «Прожектор» о публикации нового фольклорного материала о В. И. Ленине. Я знал некоторых фольклористов Средней Азии.

В редакции газеты «Правда Востока» я получил некоторые сведения о Л. Соловьеве.

Работает он, Леонид Соловьев, в Коканде, педагогом в фабрично-заводском училище. Энергичен. Активен. Знает местные условия и хорошо ориентируется в обстановке. Один из надежных корреспондентов «Правды Востока». Жалуется, что ему дают мало места в газете. Пишет рассказы. Газета иногда печатает их. Но газета не литературно-художественный журнал...

Задаю работникам газеты вопрос:

— Не поступали ли в редакцию заявления, в которых Л. Соловьев обвинялся в приукрашивании фольклорных материалов?

Работники редакции переглядываются. Видно, не хотели об этом говорить, но, раз я затеял разговор, решили сказать правду.

— Да, такие заявления были. Но мы придерживаемся иного взгляда. Мы его материалы печатаем. Доверяем ему.

Я хотел встретиться, поговорить с Л. Соловьевым, меня очень интересовала его работа. Ведь в те годы редко кто так последовательно и настойчиво ею занимался.

Редакция «Правды Востока» установила: сейчас Леонида Соловьева нет в Коканде. Он вернется только к началу учебного года.

Ждать я не мог. Написал ему, незнакомому мне журналисту, подробное письмо, изложил свои соображения по интересующему нас обоим делу, сообщил свой адрес и другие необходимые сведения.

...Передо мною лежит книжка в красочной обложке. В ней 125 страниц. Вот титульный лист этой книги:

Л. Соловьев

ЛЕНИН

В

ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

(песни и сказания)

Со вступительной статьей

А. М. Аршаруни

ГОСИЗДАТ РСФСР
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА — 1930

...Сколько людей принимало участие в судьбе этой сравнительно небольшой книги, пока она вышла из печати: М. И. Ульянова, А. М. Горький, П. Г. Смидович, Демьян Бедный...

В моем архиве сохранились некоторые письма Леонида Васильевича Соловьева.

«Сердечно благодарю за Ваше письмо и теплый отзыв о моей работе. А то, в самом деле, немного обидно стало: мыкался, мыкался я по кишлакам за этими песнями о Ленине, а в результате — восхитительная пустота. Вы меня очень ободрили своим участием. Дело в том, что до сих пор все мои письма насчет этих песен оставались даже без ответа. Я предлагал их нескольким издательствам, посылал рукописи и до сих пор не знаю о судьбе их — на все просьбы о возвращении рукописей издательства отвечают гробовым молчанием... Мне обидно, что результат моей долгой, тяжелой, подчас опасной работы пропадает зря, в то время, когда я чувствую, что она ценна и нужна... На мой взгляд, материалы, собранные мной, не просто любопытны. Они могут дать великолепный материал для изучения идеологических сдвигов в сознании народов Средней Азии, перешедших от басмачества, носившего вначале характер газавата, к безоговорочному признанию правоты Ленина, который в их

сознании олицетворяет собой всю сущность советской власти...»

Эти строки говорят прежде всего о том, что Л. Соловьев великолепно понимал всю важность своего не легкого пути.

Получив его письмо, я понял, что этот малоизвестный человек, энтузиаст своего дела, юный литератор, нуждается в поддержке и заботе.

«Помимо ленинского сборника (речь идет о сборнике песен и сказаний о Ленине, собранных Л. Соловьевым в кишлаках Средней Азии.— А. А.), погибшего бесследно в трех издательствах, у меня пропал в Зифе (издательство «Земля и фабрика».— А. А.) еще один сборник моих рассказов. Послал год назад, несколько раз просил ответить, хотя бы возвратить рукописи, марки послал — молчок. Такая цепь неудач хоть кого обескуражит».

Переписка с Леонидом Соловьевым, начатая по моей инициативе, привела к тому, что мой молодой друг прислал мне в перепечатанном на машинке виде свою рукопись «Песни и сказания о Ленине». Этот экземпляр хранится в филиале Литературного музея.

Получив рукопись и просмотрев ее, я решил прежде всего поговорить о ней с Марией Ильиничной Ульяновой.

Еще задолго до получения рукописи я говорил ей о Л. Соловьеве и предложил напечатать в «Правде» некоторые из собранных им сказаний и песен.

Мария Ильинична охотно согласилась с моим предложением. Потом, когда весь материал был у меня в руках, я поехал к ней в редакцию «Правды». Договорились, что я оставляю рукопись у Марии Ильиничны, она покажет ее Демьяну Бедному, затем мы вместе с ним отберем два-три сказания для газеты.

Я ждал сообщения из «Правды».

Но каково же было мое удивление, когда однажды

утром, раскрыв «Правду», я увидел знакомые мне сказания и под ними подпись: «Обработал Д. Бедный...»

Оказывается, Ефим Алексеевич получил из рук Марии Ильиничны рукопись и по ее просьбе отобрал несколько сказаний и литературно обработал их. В таком виде они и пошли в набор. А Леонид Соловьев?

В редакции «Правды» считали необходимым быстро исправить недоразумение. Но как?

Вскоре в журнале «Прожектор» были помещены несколько сказаний, а также моя небольшая статья о собирателе и его материалах...

Петр Гермогенович Смидович поместил два сказания в своем альманахе. Позже он решил поговорить с А. М. Горьким.

Во время нашей встречи с Алексеем Максимовичем осенью 1928 года был разговор и о Леониде Соловьеве и его записях.

Как мне показалось, Горький внимательно слушал, когда я рассказывал о Л. Соловьеве.

...С первой почтой в Сорренто я отправил А. М. Горькому и сказания, собранные Л. Соловьевым, с просьбой, чтобы он, как главный редактор альманаха, сказал, какие из них следует печатать на страницах «Страны Советов».

Возвращая рукопись, Горький написал на ее первой странице, что эти сказания следует издать отдельной книгой, желательно с портретом В. И. Ленина.

Время шло. Кроме «Прожектора» и «Правды» собранные Л. Соловьевым сказания нигде не печатали. Наконец, после порядочной волокиты, вышла книжка.

Разошлась она необычайно быстро.

Сразу появились многочисленные отзывы в газетах и журналах. В мои руки попало более пятидесяти рецензий. Все восторженные.

В газетах стали появляться новые сказания о В. И. Ленине, записанные Л. Соловьевым.

Важнее же всего было то, что Горький, которому были известны письма Л. Соловьева ко мне, заинтересовался моим молодым другом. Он увидел в нем способного литератора, приласкал его и на первых порах оказал ему всемерную поддержку...

ФАКТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В подготовке праздника двадцатилетия Октября Алексей Максимович Горький принимал деятельное участие.

В мою задачу не входит перечисление всего, что было задумано и осуществлено деятелями нашей культуры и литературы при непосредственном участии А. М. Горького. Здесь хочется отметить лишь одно из его многих начинаний.

«Творчество народов СССР» — так называлась большая книга, выпущенная издательством «Правды» в 1937 году. Книга выпущена уже после кончины Алексея Максимовича, но по его инициативе и под его редакцией.

Книга «Творчество народов СССР» вышла более сорока лет назад. Теперь она стала библиографической редкостью. Поэтому я позволю себе привести две цитаты из предисловия к книге:

«Сказки, былины, песни, частушки — все, что читатель прочтет в этой книге, собиралось редакцией почти два года. Писатели, фольклористы, журналисты, краеведы, просто любители фольклора откликнулись на призывы редакции записывать и присылать для книги «Творчество народов СССР» созданное народными талантами за двадцать героических лет. Материалы для книги присылались в Москву с мест, они собирались экспедициями редакций в самых глухих уголках страны».

«Для книги собрано свыше 600 печатных листов советского фольклора, отобрано же и печатается лишь немногим больше 30 листов».

Горький считал, что в книгу «Творчество народов СССР» непременно должны войти песни и сказания Средней Азии, собранные Леонидом Соловьевым.

Он отмечал некоторые особенности его записей.

Прежде всего они были сделаны в кишлаках Средней Азии непосредственно после смерти Владимира Ильича. Записывался этот материал систематически, а не мимоходом. Записи Л. Соловьева, как отмечал Алексей Максимович, сделаны знатоком устного творчества народов Средней Азии. Преимущество записей Л. Соловьева в «девственности» материала. Он не «отредактирован».

Собиратель, естественно, не остался в плену «оригинала». Он требовательно относился к собранному материалу. Записывал не все и не всех. Вот почему его книжка, о которой уже говорилось выше, оказалась сравнительно небольшой по объему.

Ленинский цикл, которым открывается книга «Творчество народов СССР», содержит тридцать девять сказаний и песен, посвященных Владимиру Ильичу.

Книга вышла в свет уже после кончины А. М. Горького. Но он в свое время вносил в макет книги записанные Л. Соловьевым сказания о Ленине. В книге напечатаны три записи Л. Соловьева (см. стр. 29, 73 и 81). К сожалению, фамилия собирателя не указана.

Я сверил тексты и могу дать фактическую справку: эти сказания без каких-либо изменений взяты из книги Л. Соловьева «Ленин в творчестве народов Востока»...

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Это было в действительности. Мы с Леонидом Соловьевым встретились случайно на площади Революции в Москве в холодный осенний день.

Я знал характер Соловьева — он не любил сидеть на одном месте, все время куда-то уезжал, подолгу отсутствовал, потом неожиданно являлся, чтобы вскоре снова исчезнуть.

— У меня есть для вас интересная новость,— начал он, не дав мне возможности по-настоящему расспросить, где он был, что делал.— Вернувшись, не успел позвонить вам. Хорошо, что встретились.

— Леонид, вы знаете номер моего телефона, знаете мой адрес.

— Не сердитесь, зайду непременно. А сейчас не будете слушать?

Мы отошли в сторону.

— Я твердо решил вернуться на Восток и взялся за одну известную и близкую вам тему. Работаю над пьесой и задумал большой роман о Наср-Эд-Дине.

Признаться, я немало удивился.

— Именно о Наср-Эд-Дине. Читал все, что вы писали по этому вопросу. Поэтому и говорю вам о своем замысле.

Я боялся за моего друга: уж не собирается ли он коллекционировать анекдоты о знаменитом мудреце и про-стаке?

— Я знаю, чего вы боитесь,— угадал мои мысли Леонид.— Но у меня не склад анекдотов, а роман, литературный образ, сюжет. Зайду. До встречи...

Приступая к созданию образа Наср-Эд-Дина, Леонид Соловьев должен был, во-первых, преодолеть груз вековой традиции и, во-вторых, ответить на далеко не простой вопрос: кто же он в конечном счете такой, этот противоречивый «герой» восточных анекдотов?

Надо сказать, что писатель успешно справился с обеими этими задачами.

Наср-Эд-Дин Леонида Соловьева не оторван от реальной действительности, иначе он стал бы ходульным,

неживым, абстрактным, Соловьев дал своему герою таджикскую прописку и довел его образ до подлинно литературного обобщения, формируя сюжет, глубоко драматический и в то же время полный оптимизма.

Сегодня, когда я пишу эти строки, роман Леонида Соловьева «Возмутитель спокойствия» имеет уже свою историю, занял прочное место в нашей литературе. Можно смело сказать, что этот роман был большой творческой удачей его автора.

Гасем Лахути

Подхожу к книжному шкафу, где на устойчивых полках стоят книги большого формата. Достая оттуда книгу, по формату такую же, как и остальные, но без переплета, в мягкой обложке. Она, эта книжка в семьдесят страниц, очень дорога мне. С ее автором меня связывает долгая дружба. Ей, этой книжке, всего сорок лет, она самая юная из тех, что стоят с ней рядом, самая задорная. Вот она, эта книжка:

ПЕСНИ ЛАХУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО», 1939,
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Тираж 750 экземпляров

В книжке одиннадцать песен поэта Гасема Лахути. Музыка к ним написали: А. Хачатурян, Н. Мясковский, В. Белый, Б. Шехтер, Кл. Корчмарев...

Вступительный очерк о творчестве Лахути принадлежит автору этих строк.

...Первая Декада таджикского искусства и литературы в Москве.

В московских театрах, клубах, Домах и Дворцах культуры — всюду проходят встречи посланцев таджикского народа с представителями столицы СССР, с рабочими, служащими, интеллигенцией.

Одна из таких встреч состоялась в Центральном Доме литераторов, — тогда он назывался Клубом писателей. Зал, который до сих пор, по старой памяти, называется Каминным, был переполнен.

Расселись все по-домашнему, группами. Лицом к собравшимся, как бы в президиуме, сидели гости и вместе с ними — Гасем Лахути. На этой встрече он был и хозяином, принимавшим таджикских гостей, и признанным таджикским поэтом, живущим в Москве.

Когда кто-то из гостей закончил выступление, Садриддин Айни обратился к присутствующим:

— Я бы хотел, чтобы свои стихи прочитал мой брат Гасем Лахути.

А мы и в самом деле, кажется, забыли, что на этом вечере таджикской поэзии имеет право выступить и Лахути, хотя живет он в Москве. Да и сам Лахути, видимо, забыл, что на этом вечере он тоже именинник.

Смутившись от неожиданности, он встал и осмотрелся вокруг.

— Мне хотелось бы в присутствии моих братьев — поэтов Таджикистана — спеть одну из написанных мною песен.

— Их давно поют в нашей республике, — подхватил кто-то из гостей.

Лахути пел тихо, но мелодично и с большим чувством.

Поэты Таджикистана во главе с Садриддином Айни, жена Лахути Бану и многие другие подхватили песню. Оказывается, все знали ее. Такого поэтического хора Дом литераторов не знал за все годы существования.

На следующий день заседал Секретариат Правления Союза писателей СССР. Срочное закрытое заседание. Присутствовали два секретаря — Владимир Ставский и Всеволод Иванов. Третьего секретаря, Лахути, не пригласили. Третьим приглашенным лицом был автор этих строк.

На повестке дня один вопрос — «Песни Лахути». Разговор о творчестве Гасема Лахути без участия самого поэта.

Можно ли считать нормальным, что вся Таджикская Республика поет песни Лахути, а за пределами республики их мало кто знает?

Необходимо дать песням Гасема Лахути союзное звучание!

Постановили: обратиться в Союз композиторов СССР с предложением написать музыку на слова Гасема Лахути.

Конечно, в дальнейшем поэт принимал самое непосредственное участие в отборе стихов, прослушивании музыки, беседовал с композиторами, близкими по духу и манере письма.

Подготовка сборника заняла немало времени. Наконец музыка была написана. Композиторы завершили свой труд. Прослушивание песен состоялось снова в Клубе писателей. Собрались композиторы — авторы песен, артисты, готовившиеся эти песни исполнить, члены Секретариата Союза писателей, представители издательства «Искусство».

Работа композиторов была единодушно признана удачной. Сборник песен Гасема Лахути получился.

В заключение слово взял Лахути.

— Я был наг, не было у меня одежды. Ходил голый. Вы мне дали кто что мог. Один из вас мне рубашку дал. Другой — брюки и пальто. Мне стало тепло. Настроение у меня сейчас радостное. Спасибо вам, мои друзья...

Так появилась русская сестра таджикской песни...

3

ВСЕГДА В СТРОЮ

Акоп Акопян

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

О горы, величавые, немые,
Как вы свободный дух мой ни влекли,
Как ни сверкают шапки снеговые —
Мне не уйти от матери-земли.

И дальше:

Пусть я мечтал орлом парить в высотах,
С белеющей вершиной наравне,—
Мир скорби, мир страданий и заботы,
Мой мир земной вовек не бросить мне.
Мне место здесь, где горе и невзгоды,
Где человек, тоскуя, ждет исхода¹.

(Перевод З. Миркиной)

Это стихотворение армянского пролетарского поэта Акопа Акопяна «Мой мир». Мне оно знакомо еще со школьной скамьи. Тогда, лет семьдесят тому назад, прочитав и выучив наизусть стихотворение «Мой мир», я впервые узнал и полюбил его автора.

---

¹ Акоп Акопян. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», «Библиотека поэта», 1961, стр. 75.

Позже мне удалось прочесть скупые страницы биографии Акопа Акопяна, достать несколько его портретов. Портреты разных лет были схожи: густые, черные, чуть небрежно лежащие волосы (так мы и представляли), остроконечная бородка, пенсне, висящее на шнурке...

Стихи Акопа Акопяна были нам близки и доступны. Мы уже знали не только «Мой мир», но и другие произведения поэта. Знали и читали наизусть на товарищеских встречах.

Но не меньше, чем Акопа Акопяна, мы любили поэта и драматурга Левона Шанта. Его поэма «Дева гор» произвела на меня глубокое впечатление.

Поэма Шанта, как и «Мой мир» Акопяна, начинается также с восхваления гор. Шант создает картину первой чистой любви юных сердец. Горы в поэме Л. Шанта влекут к себе влюбленных.

Горы, гордые горы, я вас люблю,
Люблю сильной и неудержимой любовью;
Гигантские ваши вершины, будто богатыри,
Внушают силу, свежесть и мощь...

Два поэта, оба любимые нами, близкие нам. Один из них зовет нас в горы, где все дико, сурово, непривычно, полно романтики и поэзии. Другой воспевает красоту гор, подчеркивает тяготы земной жизни масс, нищету, невзгоды, горе:

Спускаюсь я, чтоб жизнь отдать земле,
Спускаюсь, чтоб принять земные раны,
С тобой, народ мой, стонущий во мгле,
Гореть в борьбе и песни петь я стану...¹

Эти строки Акопа Акопяна мы повторяли в ученическом нелегальном кружке, где читались книжки Авгу-

---

¹ Акоп Акопян. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», «Библиотека поэта», 1961, стр. 76.

ста Бебеля, Вильгельма Либкнехта, Карла Каутского, стихотворения Эмиля Верхарна...

«Спор» двух поэтов внутри меня продолжался немало времени. Победила поэзия гражданского пафоса, призывавшая народ к борьбе и свободе.

Тогда я, конечно, не поверил бы, что пройдут годы — и мне придется встретиться с прославленным поэтом в Коммунистической академии в Москве. На официальном заседании, посвященном его творчеству. И с докладом буду выступать я...

В Комакадемии при Отделе литературы и искусства, возглавляемом В. М. Фриче, в начале 1928 года была создана Комиссия по изучению литературы и искусства народов СССР. Я был приглашен в качестве ученого секретаря и старшего научного сотрудника.

Как принято теперь говорить, на общественных началах привлекали мы к работе нашей Комиссии видных деятелей советской культуры. В работе Комиссии деятельное участие принимали: В. М. Фриче, П. И. Лебедев-Полянский, А. В. Луначарский, П. Г. Смидович.

В годовом плане работы Комиссии предусматривались встречи с выдающимися деятелями литератур народов СССР, доклады об их творческом пути, вызов их в Москву, обсуждение их книг...

На 1928 год планировали вечер народного поэта Армении и Грузии Акопа Акопяна. Для участия в вечере было решено пригласить и самого Акопяна. Намечались выступления поэта и актеров с чтением его стихов. Вступительное слово председательствующего — академика Владимира Максимовича Фриче, докладчик — автор этих строк.

Я больше заботился не о том, как построить доклад, а о том, как принять, встретить Акопа Акопяна.

Я знал, что он человек покладистый, нетребовательный, более чем скромный.

Анатолий Васильевич Луначарский тепло отнесся к нашей идее.

— Не могу сказать, удастся ли мне быть на этом вечере. Хорошо, что председательствовать будет Владимир Максимович. С моим другом Акопом Акопяном в этот его приезд в Москву я обязательно увижусь. Мы с ним три года назад договорились об издании его сборника стихов в русском переводе. Он долго готовился к нему. Я обещал написать вступительную статью. Думаю, что он останется доволен своим приездом в нашу столицу.

Акоп Акопян был серьезно болен. Он только что совершил большую, утомительную поездку по республикам Закавказья. Многочисленные посещения частей Красной Армии и пограничных застав, длительное пребывание на стройках и в колхозах — все это нелегко далось больному поэту.

Приедет ли он в Москву? — гадали мы. А он незамедлительно согласился на все наши просьбы: приехать в срок, присутствовать и выступать на вечере.

Три года назад Луначарский договорился со своим давнишним другом, что он подготовит сборник своих стихов для издания на русском языке. Шла медленная, но упорная работа по подготовке сборника. Обещание, данное Луначарскому, пора выполнить. А тут возникло неожиданное предложение — приехать в Москву. И он, не задумываясь, сейчас же согласился.

СБОРНИК «НОВОЕ УТРО»

— Приходите утром, часам к одиннадцати. Распорядитесь своим временем так, чтобы мы могли немного поработать. Хотя об этом я говорю напрасно. Ведь я ваш гость. А гость имеет право занять у хозяина немного больше времени.

Он тихо смеется, зная, что его желание будет с удовольствием исполнено.

В мартовский день 1928 года поднимаюсь по лестнице гостиницы «Гранд-Отель» на третий этаж, к Акопу Акопяну.

Среднего размера комната в гостинице, с двумя окнами, выходящими на площадь Революции, кажется в этот утренний час сумрачной. Обстановка гостиницы старомодная: остатки бывшего комфорта, потертая мебель, громоздкие вещи, занимающие слишком много места. Хотя в комнате на первый взгляд нет ничего лишнего, но в ней тесно.

Поэт ждет меня. Я пришел в назначенный час, точно, без опоздания.

У Акопа Минаевича приподнятое настроение. Он очень благодарен В. М. Фриче за его теплое, сердечное вступительное слово на вечере в Комакадемии.

— Перед отъездом зайду к Владимиру Максимовичу, поблагодарю его за все, что он сделал для меня... До этого буду у Анатолия Васильевича и через моего старого друга также передам товарищу Фриче свою благодарность... Ночью, когда я вернулся в номер после вечера в Комакадемии, мне было немного стыдно за нас, за себя. Фриче — признанный большой ученый. Я знаком с некоторыми его книгами по истории западной литературы. И ему, занятому человеку, пришлось столько времени потратить на изучение материалов, чтобы выступить так свободно, так убедительно по вопросам художественной литературы Востока... А что сделали мы? Многие ли знает армянский читатель о наших друзьях, хотя бы о Фриче? Здесь люди находят время изучать наши книги, а мы?

Акоп Минаевич явно смущен.

Однако пора обратиться к «повестке дня». Цель нашей встречи: подготовка сборника стихов.

Как часто бывает в таких случаях, «повестка дня»

подвергается коррективам: основной вопрос переплетается со многими другими, смежными, собеседники невольно отвлекаются. Потом снова возвращаются к основной теме и вновь незаметно отходят от нее.

Речь заходит о поэтах, которые могут принять участие в переводе стихов Акопа Акопяна. Что ни кандидатура, то своя индивидуальность, свой литературный, поэтический почерк. Ко всему надо прибавить, что пятьдесят лет назад у наших русских поэтов, переводивших с языков народов СССР, не было еще никакого опыта и существующая сейчас советская школа переводческого искусства была еще далеко не сформированной...

Акоп Минаевич упорно отстаивает кандидатуру Демьяна Бедного.

— Я Бедного очень люблю,— говорит он,— жаль, что лично с ним не знаком. По секрету скажу, пытался его басни переводить на армянский язык — не получилось...

— Акоп Минаевич, если стихотворения Демьяна Бедного не получились в вашем переводе, то как же ваши стихи будут звучать в русском переводе Демьяна Бедного? Вы с ним очень разные поэты.

Акопян задумывается. Я продолжаю:

— Вы ведь знаете, что Демьян Бедный переводами не занимается. Мне известны только его переложения басен Эзопа.

Акопян упорствует:

— Демьян Бедный — большой поэт. Кроме таланта у него огромное трудолюбие. Быстро схватывает тему. Оперативен. Надеюсь, что мы его заинтересуем. У нас есть в запасе самая убедительная сила: Луначарский. Но, может быть, мы справимся с Бедным и без него?

Акоп Минаевич смотрит на меня сквозь нескладно сидящее на носу пенсне, желая угадать, сдаюсь я или продолжаю настаивать на своем.

— Вы говорите, Демьяну Бедному противопоказаны стихи, которые не в духе его поэзии. Я же не предлагаю

ему лирику. Я для него отобрал одно стихотворение, в его духе написанное,— «Одалиска и дева».

— Акоп Минаевич, я это стихотворение помню. Но с большим удовольствием послушаю, как вы его прочтете.

— А как читает Демьян Бедный? — неожиданно спрашивает Акопян.

— Не приходилось его слышать.

— Это стихотворение должно заинтересовать поэта Демьяна Бедного.

В руке Акопяна недавно вышедшая книга его стихов. Читает он с пафосом, наизусть, но не рискует полностью оторваться от книги. Во время чтения увлекается, забывает на миг своего гостя.

Чтение окончено. Поэт возвращается «на землю»:

— Думаете, эта аллегория не подходит Демьяну Бедному? Весь тон, можно сказать, демьяновский.

Признаться, поэт прав. Больше того: когда он читал свое стихотворение, мне хорошо известное, я подумал, что здесь он близко подошел к творчеству Демьяна Бедного.

«Одалиска и дева» написана в 1920 году, в дни острой политической борьбы в Грузии, когда меньшевики правили страной. Стихотворение Акопа Акопяна имело острополитическое звучание и сыграло в свое время значительную роль в борьбе с меньшевиками.

Автор по справедливости полагал, что русский читатель должен знать это стихотворение, и непременно в переводе такого мастера сатирического искусства, каким считал Демьяна Бедного.

— Я бы хотел, конечно, познакомиться с Демьяном Бедным в иных условиях и непременно у нас, в Армении. В прошлый приезд, в 1925 году, мне не удалось с ним увидеться.

Ефим Алексеевич вскоре перевел стихотворение «Одалиска и дева». Вот как оно звучит в его переводе:

Раз одалиска деве встречной
Сказала: «Слышала я о тебе, сердечной:
Ты — недотрога, ты — скромна,
Зато оборвана всегда и голодна.
А у меня, смотри, на шляпе — страус. Перья.
Как ветерок, могу везде порхать теперь я.
Прельстительна красой помады и румян,
То на банкет спешу, то — вечером — в духан.
Зато — вот медальон,
Что преподнес мне Джон,
А жемчуга — аванс,
Что дал сбежавший ганс.
Паша турецкий тож возил меня на кейф,
А итальянец мне нашел вот этот шлейф»¹.

...Относительно Демьяна Бедного Акоп Минаевич настойчиво придерживался своего мнения. Видимо, еще до приезда в Москву он «распределил» свои стихи для перевода между русскими поэтами. Участие в этом деле пролетарских поэтов, хотя и не имевших большой переводческой практики, он считал бы для себя честью. Он хотел, чтобы его переводили не вообще пролетарские поэты, а только те, кого он ценил и чье творчество в какой-то мере было созвучно с теми произведениями, которые он им предлагал для перевода.

— Если я хочу, чтобы мои стихи переводили многие русские поэты — друзья по оружию, значит, я уже вижу свои стихи в их переводах. Я знаю их творчество, их возможности. Вот, к примеру, Александр Безыменский. Я читаю почти все его литературные выступления. Он мне нравится броскими фразами. В нем есть молодой задор. Но он не сможет уловить мою интонацию.

До этой встречи с Акопом Акопяном, признаюсь, я не знал, что он так тонко разбирается в русской поэзии.

Состав сборника «Новое утро» и список его переводчиков были рассмотрены. Впереди — самое важное и

---

¹ Акоп Акопян. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», «Библиотека поэта», стр. 131.

самое сложное: дождаться выхода книги. Видимо, здесь мы вправе рассчитывать на помощь Анатолия Васильевича Луначарского, с которым договорились встретиться.

Акоп Минаевич рассказал о своей первой встрече с Луначарским в Париже в 1911 году, когда он по поручению Кавказского комитета большевиков был нелегально командирован в Европу.

Все мы, имевшие возможность встречаться и работать с Акопом Акопяном, знали о его смелой деятельности подпольщика, о находчивости и остроумии, с которыми он скрывал от врагов и Камо и Степана Шаумяна. Благодаря этим качествам он не раз выходил победителем в борьбе со шпиками и провокаторами.

Царские ищейки преследовали Камо в Тифлисе, а он по канализационным трубам пробрался на квартиру к ожидавшему его Акопяну. В другой раз полиция неожиданно явилась к Акопяну, рассчитывая захватить у него партийный архив, но архив частично был спрятан в сарае под дровами, а частично хранился в сейфе банка, где Акоп Минаевич служил... Наконец, Акопян длительное время скрывал Степана Шаумяна, прибывшего по заданию ЦК в столицу меньшевистской Грузии в качестве Чрезвычайного Комиссара Кавказа.

СТАРЫЙ ДРУГ — НАРКОМ

— Владимир Максимович мне уже передал, что остался вечером доволен. Я еще раз прошу у вас извинения, что не присутствовал на вечере,— начал Анатолий Васильевич, когда мы в точно назначенное время вошли в его кабинет.— Мне хотелось бы знать ваше мнение. В Комакадемии до сих пор еще никого не принимали из прославленных деятелей нашей литературы.

Предложив нам сесть, нарком занял свое место, отодвинул от себя большую папку с бумагами в знак того,

что отключается от текущей работы и полностью переходит к разговору с Акопом Акопяном.

Разговор о вечере в Комакадемии занял не много времени. Поэт благодарил своего старого друга, говорил, что не ожидал встретить в Москве такое множество друзей среди литераторов и ученых. Это удивило его еще и потому, что его книги в русском переводе до сих пор не выходили, а отдельные произведения, разбросанные по газетам и журналам, не давали представления о его творчестве...

Анатолий Васильевич очень тепло отозвался о творчестве Акопяна. Акопу Минаевичу было неловко: он не любил, чтобы его хвалили, даже в такой дружеской обстановке. Смутившись, сказав несколько слов признательности, поэт, чтобы переключиться на другую волну, спросил:

— Не собираетесь в ближайшее время пожаловать в гости к нам, к своим старым друзьям?

— Год уж очень напряженный, Акоп Минаевич.

Смотрю на Анатолия Васильевича и думаю, что, пожалуй, еще никогда не видел его таким усталым, озабоченным.

— Часто вспоминаю нашу первую встречу в Париже,— неожиданно сказал Акопян.— Ох, какие были невыносимые дни... А как сегодня вспоминается...

Однако Луначарский не был склонен к воспоминаниям.

— Два больших дела возложили на мои плечи в текущем году. Конечно, не снимая всего того, что и так уже лежит на мне и за что я отвечаю. А вы говорите: «Приезжайте в гости». Я бы с радостью, но «грехи» не пускают...

Мысленно гадаем: какие новые большие дела дополнительно возложены на плечи этого богатыря, не знающего ни усталости, ни пощады самому себе?

Луначарский не заставляет долго ждать:

— Приезжает Горький. Вы же его лично знаете, надеюсь?

— Мы с ним друзья с давних лет. Возвращается, значит?

— Да, приезжает. Я уговариваю его в этом же году приехать к вам в гости. Он Тифлис любит, и ему будет приятно встретить там старых друзей... Второе большое дело — столетие со дня рождения нашего титана Льва Толстого. Приглашаем иностранных гостей.хлопотливое дело. Не сам юбилей. Нет, такую работу я люблю и охотно берусь за нее. хлопотливо с приглашенными. У каждого свой характер, свои причуды. Вот вам и «приезжайте в гости». Вы вольный казак. Сложили чемодан — и счастливого пути...

— Простите, Анатолий Васильевич, я понимаю, что не имею права занимать ваше время больше, чем положено...

— Акоп Минаевич,— прерывает нарком, зная, что его старый друг хочет произнести слова благодарности,— давайте поговорим о книге. Кого вы хотите привлечь для перевода ваших стихов?

Список переводчиков напечатан на машинке. Вместе с подстрочниками мы вручаем его наркому. Привычным взглядом он пробегает листок, перелистывает подстрочники.

— Могу оставить этот экземпляр у себя?

— Да, конечно.

— Акоп Минаевич, передайте в Госиздате редактору вашей книги, чтоб он получил у меня вступительный очерк о вашем творчестве, о чем мы с вами еще в 1925 году договорились. Если у него будут какие-нибудь затруднения, пусть обратится ко мне. Книгу ваших стихов надо выпустить в этом году. Не уезжайте, пока со всеми переводчиками не встретитесь, не договоритесь. Что у нас осталось неясным?

— Мне бы, Анатолий Васильевич, хотелось стоять в этой книге рядом с Демьяном Бедным.

— А он отказал в вашей просьбе или ему не понравились стихи?

— Нет, ничего драматического не произошло, я просто прошу вас уговорить Демьяна Бедного перевести хотя бы одно стихотворение.

Нарком нашел стихи, предназначенные для Д. Бедного, прочитал их, отложил в сторону.

— Зайдите в редакцию «Правды», предварительно условившись о встрече с Ефимом Алексеевичем. Я с ним поговорю, и все будет сделано так, как вы хотите.

ПОБРАТИМЫ

Связаться по телефону и договориться с Марией Ильиничной Ульяновой оказалось простым и доступным делом.

С Акопом Минаевичем условились: не будем беспокоить Демьяна Бедного и не пойдем к нему домой, а встретимся в редакции «Правды», где он регулярно бывает. Правда, не ежедневно, а в определенные дни и только по вечерам.

Мария Ильинична сообщила нам по телефону, когда Д. Бедный непременно бывает в редакции.

Мы сидим с Акопом Минаевичем у него в номере. Рукопись для Ефима Алексеевича готова. Но время свидания еще не наступило.

Я захватил с собой книжку рассказов Акопяна «Воспоминания агитатора». Она вышла в 1927 году, но я ее не читал. После вечера в Комакадемии Акопян подарил мне ее с теплой надписью.

Я прочитал рассказы с удовольствием, и Акоп Минаевич был доволен моим отзывом.

Меня интересовало: думает ли он и дальше пробовать свои силы в области прозы?

За свою жизнь Акоп Акопян написал много статей, прокламаций, листовок, передовых в газетах. Он систематически сотрудничал в заграничной большевистской печати. Публицистика ему давалась. А проза?

«Воспоминания агитатора» показывали, что Акопян умеет строить сюжет. Диалоги у него острые, собранные. Как поэт, он скуп на выразительные средства, его проза лаконична.

«Воспоминания агитатора» давали ясное представление об Акопяне как прозаике и многое говорили о жизни и деятельности автора — революционера-большевика.

К сожалению, не все рассказы, вошедшие в эту книгу, переведены на русский язык.

Свой разговор о «Воспоминаниях агитатора» я начал осторожно:

— Акоп Минаевич, наверное, вы задумали большой цикл таких рассказов?

— Должен признаться, не думал над этим. Не потому, что у меня нет материала. Нет, не поэтому. Какой я прозаик? Я умею изложить свои мысли на бумаге. Могу рассказать интересные эпизоды, факты. Рассказать, но не писать рассказы. Рассказывать и писать рассказы далеко не одно и то же. Писать буду. Воспоминания о значительных страницах моей жизни, о встречах с интересными людьми, о событиях, которые произвели на меня сильное впечатление. Буду писать так, как в свое время чувствовал и воспринимал. Постараюсь перенестись в ту далекую пору и смотреть теми же глазами...

— Акоп Минаевич, кто лучше вас напишет о ваших старых друзьях: Шаумяне, Камо, Спандаряне, Фиолетове, наконец, о живых товарищах,— например, о Цхакая? Ведь вы, приехав по делам Камо в Париж, даже жили у него на квартире...

— Ну и что? Мы с Михаилом Григорьевичем Цхакая близкие друзья и товарищи. Почему я должен о нем писать рассказы? Не понимаю.

— Нет, Акоп Минаевич, не надо так прямолинейно понимать мое предложение.

— У меня свое отношение к литературе, к прозе в особенности. Нет, проза, то есть рассказы, повести, тем более романы, не мое дело. Что же касается моих встреч с выдающимися деятелями рабочего класса, то в меру своих сил я описал это в своих статьях. Воспоминания — другое дело. Потихоньку пишу.

В дальнейшем Акоп Акопян опубликовал замечательные воспоминания. Его прозаические произведения составили большой том.

...Смотрим на часы. Время встречи с Демьяном Бедным приближалось. Направляемся в редакцию «Правды», на Тверскую.

Поднимаемся по лестнице, входим в секретариат, не беспокоя Марию Ильиничну, и вот мы уже в комнате, где нас ждет Д. Бедный.

Представились. Пока Акопян собирался сказать несколько слов приветствия, Демьян Бедный опередил его:

— Стихи принесли? Покажите. Начнем с дела, потом поговорим об остальном.

Немного смущенный, Акопян достал подстрочник, передал Д. Бедному. Тот быстро просмотрел.

— Могли бы вы мне прочесть это стихотворение на армянском языке? Хочу уловить ритм, армянскую речь послушать. Помните наизусть или по книге?

Акоп Минаевич сказал, что он помнит стихотворение наизусть.

— Вот и хорошо. Послушаем.

Вслушиваясь, Демьян Бедный иногда переводил взгляд на бумагу с подстрочником.

Чтение окончено. Ждем приговора.

— Это в моем духе. Принимаю. Должен сказать, Акоп Минаевич, что вам повезло. Вы знали героев своих произведений в лицо. Даже общались с ними. А у меня это никак не получалось: никто из моих персонажей, ни

Врангель, ни Александр Третий, ну решительно никто со мною не хотел иметь знакомства.

Видно было, что Ефим Алексеевич перевел разговор на другую тему.

— Вы правы, Ефим Алексеевич. Было время, когда я с героями моей аллегории сидел за одним столом, потом мы вели форменную войну, затем, когда они пришли к власти, меня посадили в Метехскую крепость. Так что мы хорошо знаем друг друга.

— Ну и сволочной же народ эти ваши герои. Я тоже кое-что знаю о них и кое с кем даже за руку здоровался...

Никаких вопросов в связи с подстрочником у Демьяна Бедного не было. Срок, установленный им тут же, оказался непродолжительным.

— Ефим Алексеевич,— обратился Акоп Акопян к Д. Бедному, когда деловая часть встречи была закончена,— я сам много работаю в газете, поэтому мне хорошо известны условия газетной работы. Если у вас срочные дела, то на этом закончим нашу беседу.

— Нет, уверяю вас, сегодня в редакции срочных дел нет. Можем разговаривать столько, сколько надо. Живем, работаем рядом — и за десять лет по-настоящему не посидели, не поговорили...

— У меня к вам вопрос,— начал Акоп Минаевич,— могли бы вы рекомендовать для перевода на армянский язык ваши произведения? Вы, очевидно, знаете, что периодически в нашей печати появляются ваши стихи. Хотелось бы иметь на армянском языке однотомник избранных ваших произведений. По вашему выбору.

Демьян Бедный не переставая курил. Даже привыкший к табачному дыму Акопян и тот в конце концов закашлялся.

— Много курю,— как бы извиняясь, сказал Демьян Бедный.— Ничего уж не поделаешь с этим... А о вашем

предложении надо подумать. Если переводят и печатают мои стихи, это хорошо. Плохо, что переводы не посылают. Пусть не смогу прочитать, но порадоваться смогу.

Наступила пауза. Мы ждали ответа на вопрос Акопяна.

— Я очень занят собранием сочинений. Думаю уложиться в несколько томов, да не выходит. И для меня, и для Госиздата новое дело. Впервые выпускается многотомное собрание сочинений советского автора. А он, этот автор, продолжает писать. Чего доброго, пока напечатает то, что наметили, я напишу еще не один том. Если говорить серьезно, мне действительно некогда. А текущие дела? Знаете, как их много! — Ефим Алексеевич с улыбкой посмотрел на Акопяна. — Я вас так понимаю: дескать, Демьян Бедный переводит мое стихотворение, не оставаться же и мне в долгу. Дай и я переведу что-нибудь из его стихов. Так, что ли?

— Что вы, Ефим Алексеевич! — пытался оправдаться Акопян.

— Не обижайтесь. Я пошутил. Если же говорить серьезно, скажите, пожалуйста, кроме революционных песен вы переводили стихотворения других поэтов? Мне много о ваших переводах говорили.

— Да, в моем переводе появились на армянском языке два сборника стихов итальянской поэтессы Ады Негри.

Д. Бедный затянулся табачным дымом и задумался.

— Давно?

— Перед первой русской революцией.

— Я читал произведения этой интересной поэтессы. У нас мало ее знают, потому что нет такого энтузиаста-изыскателя, как у армян, нет Акопа Акопяна. Я бы не взялся переводить стихи Ады Негри. Не мой жанр, не получится.

Не ожидая ответа, Ефим Алексеевич снова обратился к Акопяну:

— Может быть, помните какое-нибудь стихотворение Ады Негри в вашем переводе? Прочтите, пожалуйста. Акопяна не надо было упрашивать.

ЭПИТАФИЯ

Молодое поколение поэтов, не договариваясь между собой, отказалось от одной из древних традиций своих предшественников — писать эпитафии.

Эпитафия — своего рода завещание, надгробная надпись.

Прежде поэты еще в сравнительно молодые годы частенько брали в руку перо и писали... эпитафии.

Я вспомнил об эпитафии потому, что и Акоп Акопян в свое время писал ее. Он назвал ее «Завещание». Вот она:

Пусть будет мой надгробный камень
С рабочей наковальной схожим.
Пусть надпись краткими словами
Гласит: «Здесь Акопян положен».
Пусть рядом с молотом на камне
Лежит перо — в немой с ним паре.
Ведь я впервые в буре давней
Пером, как молотом, ударил,
Жизнь — наковальня. Для поэта
Перо — в борьбе могучий молот.
Так пусть же украшение это
Согреет мой могильный холод.

(Перевод С. Городецкого)

Поэт написал ее в 1920 году. Это было время, когда Акоп Акопян, пропагандист, боец ленинской гвардии, находился на переднем крае борьбы, которую вел непрерывно начиная с 1904 года, со дня его вступления в ряды большевиков...

Составляя сборники своих избранных произведений, поэт непременно включал в них «Завещание».

Из всего написанного им Акоюну нравилось лишь несколько стихотворений. К их числу он относил и «Завещание».

...Прошло много лет после победы советского строя в нашей стране.

Изменилась страна, обновилась, помолодела. Вместе с нею помолодел и пролетарский поэт Акоп Акоюн.

Через пятнадцать лет после того, как им было написано «Завещание», в 1935 году, он написал следующие строки:

«Есть ли на свете поэт счастливее меня? Кто сегодня пожинает плоды всего, что он сеял, кто видит осуществленным все, о чем мечтал, что воспевал тридцать с лишним лет? Нет другого такого!..»

За девять последних лет его жизни мне пришлось несколько раз видеть Аюпа Акоюна, общаться с ним. В последнее время он тяжело болел. Но не помню, чтобы во время наших встреч он говорил о своей болезни.

Его друзья, поэты, которые приняли участие в выпуске его первой книги стихов на русском языке, решили посетить больного в дни торжеств по поводу семисотпятидесятилетия «Витязя в тигровой шкуре». На этих торжествах должен был присутствовать и Акоюн.

Мы прибыли в Тифлис 23 декабря 1937 года. Шел со- роковой день после смерти Аюпа Акоюна.

Аветик Исаакян

О НУЖНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Александр Фадеев беглым штрихом, но удивительно точно определил, как велик авторитет Аветика Исаакяна в армянском народе.

Публикуя свои заметки о праздновании тысячелетия «Давида Сасунского» в Армении в 1939 году, Фадеев писал, что в один из дней писатели были приглашены в сельский район Араратской долины. Колхозники с армянским гостеприимством встретили своих желанных гостей. К вечеру писатели должны были вернуться в Ереван, на премьеру оперного театра.

Попрощавшись с гостеприимными хозяевами, писатели сели в машины. Водители, демонстрируя мастерство и, скажем со своей стороны, южное лихачество, пытались перегнать друг друга. Началось нечто вроде гонок. Но на каком-то участке пути все лихачи, озорные ребята, сидевшие за рулем, притихли, выстроились в затылок, никто не решался вырваться вперед.

Фадеев удивленно спросил: в чем дело?

Водитель, показав на идущую впереди неспешным ходом машину, сказал:

— Это машина Варпета. Он выехал из села немного

раньше. Едет не спеша. Кто из нас посмеет опередить машину Варпета? Кто?

Покойный Рачия Кочар говорил:

— Наш Варпет получил полностью за себя и за всех армянских классиков, так и не дождавшихся всеобщего признания и почета при жизни. О такой славе и любви можно только мечтать...

За себя и за всех классиков прошлого!

У нас, среди писателей всех советских республик, стоит произнести слово «Варпет» (мастер), как каждый поймет, что речь идет об Аветике Исаакяне.

В Армении никто не называл Исаакяна Аветиком. Даже его близкие и очень старые друзья.

Варпет очень часто бывал в семье Ованеса Туманяна, ходил туда, как в дом своего брата. Только вдова Туманяна, прожившая после мужа более сорока лет, и старшая дочь Туманяна Ашхен звали Варпета «Аво».

Это ласковое имя произносилось лишь очень ограниченным кругом людей.

Сам Ованес Туманян, обращаясь к Аветику Исаакяну, говорил — «Аво-джан». Сохранилось письмо Ованеса Туманяна Аветику Исаакяну, написанное великим поэтом в первые дни установления Советской власти в Армении.

Ованес Туманян писал своему брату, товарищу, другу Исаакяну о новой власти и о тех грандиозных задачах, которые возникают перед армянской интеллигенцией в молодом Советском государстве. Туманян писал Исаакяну: «Аво-джан, приезжай! Аво-джан, Аво-джан...»

Патриарх армянской литературы Газарос Агаян, обращаясь к Туманяну, иногда называл его «Ованес». А вообще писатели всегда обращались друг к другу с великим уважением.

Я уже не говорю о людях, принадлежащих к следующим поколениям.

Я не писал бы об этом, если бы некоторые мемуаристы последнего времени, подчеркивая свою близость к Варпету, не называли его — Аветик.

ОДНАЖДЫ В ОКТЯБРЕ В ЕРЕВАНЕ

В Армении, особенно в Ереване, более или менее значительные встречи стараются проводить в октябре — месяце бархатного сезона, золотой осени.

Древние предки армян в эпоху язычества отмечали праздник плодородия — Навасард — именно в октябре, когда поспевал виноград, наступала пора уборки урожая...

Да и богиня древних армян Анаит, статую которой показывают в Британском музее в Лондоне, отмечала свой шестидневный праздник именно осенью...

Осень 1946 года, первого послевоенного, мирного года, выдалась на славу. Этой осенью в Ереване проходил Второй съезд писателей Армении.

На съезд были приглашены представители зарубежных армян. Группа армянских писателей, съехавшихся со всего света, знакомилась с родиной, народом, его новой жизнью.

Со многими из зарубежных армян я встречался впервые. Некоторых знал заочно.

Не все зарубежные гости успели приехать вовремя, поэтому новые знакомства иногда происходили неожиданно и не всегда на съезде.

Однажды после завтрака стоим у входа в гостиницу «Интурист» с моим старым другом и сердечным товарищем Карапетом Ситалом — известным зарубежным армянским поэтом. Вдруг Ситал, обращая ко мне, говорит:

— Видимо, вы не знакомы? — Назвав мою фамилию, он указывает на неизвестного мне человека и представ-

ляет его: — Айк Гарагаш, редактор «Верацнунд» («Возрождение») из Тегерана.

Передо мной стоит средних лет, плотный мужчина с седой головой. Крепкий на вид и энергичный человек.

Протягивая мне руку, он говорит:

— Мы с господином Аршаруни знакомы, к тому же давно.

Я чувствую неловкость. Гляжу на него, не могу припомнить.

— Простите, господин Гарагаш, я вас хорошо знаю, иногда читаю вашу газету, но вижу вас впервые.

— Да что вы, что вы! — перебивает он меня. — Мы даже вашу книгу напечатали, сначала в газете, потом отдельным изданием.

Молниеносно вспоминаю: друзей в Иране тогда у меня не было, ни с кем я не переписывался. Никаких книг для зарубежных изданий не писал и не отправлял. Очевидно, произошла ошибка.

Неловкость усиливается.

— Вы живете в Москве? — спрашивает Гарагаш.

Киваю головой.

— Совинформбюро прислало нам вашу книгу об Аветике Исаакяне, размером примерно в три — пять авторских листов?

Теперь все становится на свое место и недоумение моментально рассеивается.

— Господин Гарагаш, Варпет знает, что вы напечатали мою книгу? Ему прислали хоть один экземпляр?

— Нет, но в АОКСе должен быть комплект нашей газеты, думаю, что должен быть и экземпляр книги. Я ночью приехал, еще не успел повидаться с Варпетом.

На съезд идем вместе.

В здании Союза писателей подхожу к Варпету и рассказываю об этом случае. Должен признаться, о моей работе я ему ничего не говорил, потому что сам не знал о судьбе моей рукописи.

С Варпетом договариваемся: после дневного заседания вместе пойдем в АОКС и будем искать в архиве комплект газеты «Верацнунд».

Правда, Гарагаш обещал мне и Варпету прислать из Тегерана два комплекта майских номеров газеты и два экземпляра книжки. Лично я не получил обещанное, хотя с этого времени редактор посылал мне в Москву свою газету, пока ее не закрыли, а самого редактора не лишили свободы...

Мы с Варпетом идем в АОКС.

Пока мы пересекаем площадь имени Шаумяна, идем по скверу, выходим на площадь Ленина и доходим до угла улицы Свердлова, где помещается Армянское общество культурной связи с заграницей, я расскажу краткую историю моей рукописи.

По заданию С. А. Лозовского мы с работником Совинформбюро Е. Е. Севериным разработали план статей и очерков для зарубежной армянской печати. Эти статьи и очерки систематически отправлялись армянским зарубежным демократическим изданиям через Совинформбюро.

За годы войны таких выступлений у меня было довольно много.

Прогрессивная и демократическая армянская печать ряда зарубежных стран просила присылать больше материалов. Особенно настойчиво просили написать о Варпете.

Однажды я предложил Евгению Евгеньевичу Северину написать несколько очерков об Исаакяне, рассказать о моих встречах с ним.

Не знаю, в каких газетах они еще появились, но в армянской газете «Лрабер», выходящей в Нью-Йорке, во всяком случае, были напечатаны (экземпляры в моем архиве сохранились).

Патрик Сельян, редактор «Лрабер» прислал в Москву письмо с благодарностью за очерки.

Я предложил Е. Е. Северину расширить их и на армянском языке разослать по усмотрению Совинформбюро. Я ставил перед собой задачу: показать Варпета как советского патриота, активного деятеля нашей культуры, интернационалиста, великолепного знатока мировой литературы и искусства. Все это на конкретных фактах, рассказать о конкретных встречах и беседах с ним.

В годы войны к голосу Варпета прислушивались наши соплеменники в зарубежных странах, с его мнением считались.

Рукопись моей книжки о Варпете очень быстро получила одобрение. Армянский текст был размножен в трех экземплярах, но об их дальнейшей судьбе я ничего не знал. Куда они отправлены? В какие страны? Напечатаны ли? Если да, то где и когда?

Благодаря встрече с Айком Гарагашем я узнал судьбу хотя бы одного экземпляра рукописи.

(Судьба остальных двух экземпляров мне так и неизвестна. Один из них, как мне потом сказали, был послан в Южную Америку...)

В АОКСе нас приняли приветливо, распорядились найти подшивку «Верацнунд» и дать Варпету нужные экземпляры газеты.

— У меня, в моем архиве,— сказал Варпет,— газеты будут в сохранности.

В архиве АОКСа мы пробыли недолго. К сожалению, поиски газеты не увенчались полным успехом. Моя работа была напечатана в двадцати шести номерах «Верацнунд». Удалось обнаружить далеко не все.

«ПОСЛЕ ЧЕХОВА НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ ПО СТАРИНКЕ»

Летом 1944 года наша страна готовилась отметить сорокалетие со дня смерти Антона Павловича Чехова. Разумеется, в пределах тех возможностей, какие были в напряженный год войны.

...По срочному делу на короткий срок приезжаю в Ереван.

Выкраиваю время, звоню Варпету, которого не видел два года.

Он назначает час и говорит, что мы вместе пойдем на республиканское совещание по проведению юбилея А. П. Чехова.

...Совещание назначено в Доме писателей Армении на улице Карла Маркса. Небольшой кабинет заполнен представителями всех отрядов искусства республики. Предварительный план мероприятий составлен, роздан всем, можно, не теряя времени, высказаться и уточнить его.

Обсуждается план торжественного заседания, намечается докладчик.

Председательствующий говорит:

— Думаю, выражу мнение всех присутствующих, если назову Варпета основным докладчиком.

Все поворачиваются к Варпету.

— Нет, сделать доклад я не смогу. Отказываюсь.

...Когда мы с Варпетом шли на это совещание, он сказал, что очень любит творчество Чехова. В свое время молодой Чехов произвел на него сильное впечатление. Эти слова еще звучали у меня в ушах — и вдруг Аветик Исаакян отказался выступить с докладом на торжественном заседании...

Как бы мотивируя свой отказ, Варпет сказал:

— Делать доклады не люблю и не умею. А Чехова люблю. Напишу о нем статью.

Председательствующий заинтересовался: когда Варпет напишет свою статью? Где напечатает? Нельзя ли скорее получить ее?

— Если хотите, я могу рассказать вам основные мысли моей будущей статьи.

Признаюсь, мне кажется, лучше и выразительнее Исаакяна о Чехове тогда никто не написал.

Писал поэт о прозаике. Писал великий армянский писатель о старшем русском товарище, навсегда поразившем его мощью своего таланта.

Исаакян сказал:

— После Чехова нельзя писать по старинке!

ВТОРОЙ КНИЖКИ НЕ БУДЕТ

В очередной раз я ненадолго приехал в Ереван. Всего на пять-шесть дней. Звоню по телефону, договариваюсь с Варпетом. Он ждет меня к двенадцати часам дня.

Знакомый особняк на улице теперь уже имени Исаакяна. Дверь открывается быстро, ибо, пока ты идешь от калитки до парадной двери, тебя видят в окно.

Все тут знакомо. Ежегодно, вот уже в который раз, приезжая в Ереван, спешу к Варпету...

Мы не задерживаемся в гостиной. Там незнакомые люди, а Варпет, видимо, хочет поговорить со мною без посторонних.

Приглашает к себе в кабинет, напоминающий монастырскую келью.

Особняк был выстроен всего несколько лет тому назад, когда осваивали этот район Еревана. От оперного театра в гору, где еще в 1946 году тянулись сады и виноградники.

Проект особняка был одобрен Варпетом. Кабинет маленький, рассчитан на хозяина и, может быть, одного гостя.

На столе идеальный порядок. Ничего лишнего. Только то, что ему необходимо для работы.

На письменном столе Варпета — две небольшие стопки книг.

В одной из них — «Этика» Спинозы.

Знакомое дореволюционное издание в русском переводе. Его даже в букинистических лавках сейчас нельзя

найти. Свой экземпляр я купил в 1922 году на Моховой улице в Москве...

Варпет поймал мой взгляд:

— Знаешь эту книгу?

Киваю головой:

— Знаю, Варпет, и очень люблю.

Варпет насторожился:

— Ты читал эту книгу?

— Да, Варпет, читал.

Я не понимал, почему он так настойчиво расспрашивает меня об этой книге.

— Когда же ты успел ее прочитать?

— Давно, Варпет-джан, когда я учился в Институте красной профессуры. Любовь Исааковна Аксельрод, руководительница семинара по истории философии, поручила мне сделать доклад на тему «Эстетические и политические взгляды Спинозы».

Варпет помолчал. Взглянул на меня, потом на «Этику» и сказал:

— Никак не могу добраться до Спинозы. Ждет очереди. Вот-вот, думаю, прочту, но что-нибудь всегда мешает, и книга терпеливо ждет своей очереди...

— Давно, Варпет, ждет своей очереди?

— Сказать правду? — улыбнулся Исаакян. — Кажется, лет пятьдесят...

Я пришел к Варпету с намерением поговорить о его книге «Из воспоминаний».

«Из воспоминаний» — это серия миниатюр об Ованесе Туманяне, Иоаннесе Иоаннисяне, Александре Спендиарове, Акопе Акопяне, о выдающихся деятелях культуры армянского народа, с которыми Аветику Исаакяну приходилось встречаться и дружить.

В этой книге всего в четырех авторских листах — целый мир впечатлений, характеристик, целый мир искусства и литературы, отраженный через восприятие Исаакяна.

Я назвал книгу воспоминаний Исаакяна сборником миниатюр.

Поэт-мыслитель, Аветик Исаакян был чрезвычайно скуп на строки, на слова, на выразительные средства.

Скупость выразительных средств была следствием его поэтической щедрости: писать кратко, но содержательно; дорожить каждым словом, сказать так, чтобы потом ни сам, ни кто-нибудь другой не посмели бы сокращать и редактировать; сформулировать мысли таким образом, чтобы потом ничего нельзя было исправить.

Александр Блок, по просьбе Валерия Брюсова, перевел стихи Аветика Исаакяна.

В переведенных Блоком двадцати стихотворениях Исаакяна было сто девяносто шесть строк.

Как в стихах, так и в прозаических выступлениях Варпет был чрезвычайно скуп. Но в такой же степени щедро-содержателен.

Говорю о его книге «Из воспоминаний».

Говорю осторожно, никаких оценок не даю. Сам автор великолепно знает цену своей книжке. «Из воспоминаний» — только начало. Должно быть продолжение. Кто на очереди?

Работает Варпет медленно, очень медленно. Это нам хорошо известно. А ему уже много лет...

Начинаю издалека: давно ли начал он писать воспоминания? Может, задуман целый цикл? Не являются ли его миниатюры только набросками для более крупных произведений?

— Задумал книгу давно, но работа двигалась медленно. Не умею писать мемуары.

— Да какие же это мемуары? Скорее литературные портреты.

— Писать мемуары не каждый может. Читаю такие книги и порой диву даюсь — уж очень много лишнего. Сказать надо о самом дорогом, важном, волнующем. Писать так, чтобы ничего лишнего не было.

Про Исаакяна говорили, что он мало написал за свою продолжительную жизнь.

А что значит — много или мало?

Рядом жили, дружили, были близки не только по возрасту, но и по многим привычкам Аветик Исаакян и Дереник Демирчян. Почти двадцать лет они встречались ежедневно.

Демирчян писал много, Исаакян — мало, очень мало. Первый из них славился трудоспособностью, второй работал очень медленно. Можно ли на этом основании делать какие-то выводы?

Варпет рассказывает:

— Я задумал книжку из воспоминаний, как свидетельство современника.

На вторую книжку «Воспоминаний» не хватит материала, говорит Варпет. Может быть, он напишет еще один, самое большое — два очерка.

На письменном столе — папка с бумагами. Его рука лежит на этой папке. Как бы опирается на нее.

— Вот тут набросок очерка о Комитасе.

...Долго я думал над словами Аветика Исаакяна. Они раскрывали передо мною сложный мир художника. За восемьдесят два года своей жизни он побывал во многих странах мира. Встречался со многими мастерами армянской и мировой культуры. Его любили Александр Блок, Валерий Брюсов, Сергей Рахманинов.

— Я написал только о тех, кого хорошо знал.

СКОЛЬКО НАПИСАНО КНИГ?

Развязываю узелки моей памяти, связанные с Варпетом. Их, этих узелков, немало. За последние полтора десятилетия его жизни мы встречались не реже двух раз в год, когда я приезжал в Ереван и когда он приезжал в Москву.

Однажды в Ереване Варпет пригласил меня на концерт артистки Тадевик Сазандарян.

Он сказал, что на этом концерте Сазандарян будет петь песню, которую написал на его слова Рахманинов и которую он очень любит.

Во время антракта, когда мы выходили из зрительного зала, посетители концерта почтительно уступали Варпету дорогу. Неожиданно он остановился и спросил меня:

— Знаешь, сколько в мире написано книг вообще?

Честно говоря, я никогда не задумывался над этим вопросом.

— А ты удивился, когда я тебе сказал, что «Этика» Спинозы ждет своей очереди.

НОВЕЛЛА

В Ереване мне рассказали трогательную новеллу о Варпете. Она мне понравилась. Я спросил у моих приятелей: записана ли эта новелла, знает ли о ней сам Варпет? Толком никто не мог сказать ни «да», ни «нет».

Я решил под свежим впечатлением записать эту новеллу для себя, а потом, если удастся, поговорить о ней с Варпетом.

...Медленно светлеет восточный край ереванского небосвода. На улицах тишина. В этот предрассветный час город спит.

Только в сквере, что недалеко от площади Ленина, работает сторож, старый человек.

У него много дел. К утру, когда придут сюда старики и дети, когда люди пойдут на службу, цветы должны быть политы, дорожки прибраны, сквер должен быть в своем нарядном убранстве.

Подходит сторож к каждой клумбе, к каждому кусту, к каждому дереву.

Много лет этому старику. Ходит он от куста к кусту,

от дерева к дереву, от клумбы к клумбе и поет. В прошлом ему никогда не приходилось петь.

Жизнь прошла без песен, стало быть и без радости.

Теперь, на старости лет, он спокоен.

Мир на земле. Мир в стране. Мир и у него в доме, у этого сасунца. А дом его в самом сердце Армении — в Ереване...

Эту песню он давно знает. Любит. Готов много раз слушать. И здесь, на работе, он тихо про себя поет ее.

Незнакомый человек останавливается около старика и слушает песню. Он в пальто, шляпе, с палкой в руке.

— Привет тебе, труженик,— говорит незнакомец.

Старик отвечает на приветствие и вновь продолжает свое дело.

Незнакомец не уходит, чего-то ждет.

— Что за песню ты поешь, отец? — спрашивает он.

Старик выпрямляется, еще раз смотрит на незнакомца, на его шляпу, пальто, палку.

— Тебе, приятель, эту песню не понять. Это песня наша, народная, старая песня, она всегда с нами.

Старик вздыхает и вновь берется за дело.

Незнакомец, ничего не говоря, быстрым шагом выходит из сада.

Старик пел песню Варпета об охотнике. А слушал ее сам Варпет...

Я рассказал эту новеллу Варпету.

Он выслушал меня до конца. Слушал молча.

— Это было на самом деле. Старик пел мою песню «Ворскан ахпер» («Братец охотник»).

Как-то я сказал Варпету:

— Недавно мне пришлось быть свидетелем спора о юности и старости. Один спорщик утверждал, что в мире есть только две категории людей — молодые и старики.

— А как этот мудрец отличает молодых от стариков?
— Он убеждал своего собеседника, что их очень легко отличить. Если человек ложится спать и думает о прожитом дне, то он уже явно стар. Наоборот, он молод, если, ложась спать, думает о завтрашнем дне.

Варпет не удержался от улыбки. Затем после некоторой паузы сказал:

— Между юностью и старостью, между старостью и смертью, если говорить об искусстве, литературе, нет или почти нет резкой грани.

— Варпет, интересные мысли об этом есть у Луначарского.

— Я очень люблю этого одаренного, оригинального человека. Он всегда свежо воспринимал искусство. А что он сказал, напомни мне.

— Он сказал, что талант не имеет и не может иметь старости. Творец молод до той поры, пока занят созидательным трудом. Талант умирает, как только человек перестает творить. Это может умереть и тогда, когда человеку восемнадцать лет от роду.

Наступила пауза.

— Хорошо сказал Луначарский. Жаль, мне до сих пор не приходилось углубляться в его философские высказывания.

Снова пауза.

— Какое счастье, когда теоретик в то же время и творец, артист в какой-нибудь области искусства. К примеру, режиссер. Талант не имеет старости, говорит Луначарский, а я скажу: творец-артист и старость — несовместимые понятия.

«ТЯЖЕЛА ШАПКА МОНОМАХА»

Пришел к Варпету и заметил, что у него усталый вид. Спросил, в чем дело.

— Вернулся от прокурора республики.

Аветик Исаакян аккуратно выполнял свои обязанности депутата Верховного Совета республики. Нередко избиратели других округов «по ошибке» обращались к Исаакяну, и он, естественно, не мог отказать им в их просьбах.

Я ждал, пока он сам расскажет мне о своем посещении прокурора, но Варпет неожиданно спросил:

— Давно ли видел Серопа? Ты знаешь, о ком я спрашиваю?

— Знаю. Я встретил его, и он сказал мне, что у него большое горе. Оклеветали и посадили в тюрьму его сына. На восемь лет...

— Сегодня я в последний раз занимался его делом. Проворовался этот проходимец. Присвоил большую сумму денег. Я изучил его дело, как следователь-ревизор. Все правильно. Срок наказания даже недостаточен. Надо было дать строже... А Сероп изображал его как невинную жертву. «Ты,— говорил он мне,— наша совесть, наш отец. Ты должен спасти моего сына».

— Это было месяцев шесть тому назад?

— Шесть месяцев я не имел от него покоя. Каждое утро, когда я выходил из дома (а Сероп хорошо изучил и мой маршрут и мой порядок дня), он стоял неподалеку и жалобно глядел на меня. Молча следовал за мной и провожал меня до дверей того дома, куда я шел. За это время я побывал во всех республиканских организациях. А он требовал от меня отчета: где я был, с кем говорил, как идут дела? И каждый раз утверждал, что сын его совершенно невиновен и только я могу его спасти.

Эта история нуждается в пояснении.

В Ереване, у самого оперного театра, есть озеро с лебедями, возле которого днем играют малыши, а по вечерам дышат свежим воздухом старики и старушки. Еще сравнительно недавно на месте этого озера был квартал ветхих строений, оставшихся в наследство от старой

Эривани. Его снесли, когда пробивали проспект, ныне носящий имя Туманяна. И тогда на передний план выступили внутренние дворы со всеми их прелестями. Как испорченный зуб, стоял здесь покосившийся ларек, в котором торговали фруктами и вином. Его директором, заведующим и ответственным продавцом был вечно не бритый, старый человек по имени Сероп.

Шутники звали его «гусан Сероп», что он принимал с полной серьезностью. Гусан — это певец, прославленный и признанный всеми народный сказитель.

Серопа прозвали гусаном потому, что, сидя по многу часов за прилавком, он сочинял частушки на всякие ходкие темы. Если кто по неосторожности проходил по той стороне, где сидел гусан Сероп, то он непременно останавливал, просил отведать вина и читал очередное свое сочинение...

В конце концов гусан Сероп добрался и до Варпета. Расчет был прост: ты — Варпет, я — гусан, мы оба принадлежим к одной профессии, сочиняем стихи.

Спасения от него не было...

— Я потерял покой, возможность работать. Иногда даже не выходил из дома. Всюду, куда я ни обращался, мне отказывали. Для пересмотра дела не было никаких оснований. Сегодня был у прокурора республики. Он выслушал меня. Посмотрели мы друг на друга. Он — сочувственно, я — жалостно. «У меня есть предложение, — сказал я ему. — Оно избавит меня от преследований Серопа, а тебя — от моих посещений». Прокурор удивился. «Этот вор приговорен на восемь лет?» Прокурор кивает головой. «Сделай распоряжение: на четыре года пусть посадят меня, на остальные четыре года — тебя. А его пусть выпустят». Прокурор расхохотался. «Впервые в моей практике встречаю такую ситуацию...»

Когда я выходил из дома Варпета, Сероп дежурил за углом особняка...

Варпет болен. У него воспаление легких. К нему никого не пускают: необходим абсолютный покой. Но всеми друзьями Варпета признано: без людей он как рыба на суше.

В марте 1957 года я приезжал в Ереван.

Звоню по телефону. Домашние знают, что Варпет непременно захочет видеть меня. Не сказать Варпету, что я приехал и хочу к нему зайти, они не решаются. В конце концов он узнает о моем приезде и непременно обидится.

Прошу передать Варпету привет... Сообщаю, конечно, и номер своего телефона в гостинице.

Проходит не много времени. Телефонный звонок. Врач просит меня не нарушать установленный режим, не задерживаться у Исаакяна. Предупреждает, чтоб я не говорил на такие темы, которые могли бы вызвать у больного возбуждение.

Даю обещание.

«Медицина» встречает меня в приемной. Дополнительно инструктирует.

Вхожу в комнату, где лежит Варпет. Вид у него действительно плохой. Восковое лицо, такие же руки на одеяле.

Но где же врачи, так бдительно оберегающие покой нашего Варпета? В комнате целый меджлис, как сказал бы Саят-Нова. Несколько женщин. Сидят, видимо, давно и (судя по всему) не собираются уходить. К чему же тогда предупреждения?

Сажусь у постели Варпета.

Больные обычно с превеликой охотой рассказывают о своей болезни.

Варпет не был исключением.

Говорит он тихо, с перерывами.

Женщины одна за другой уходят. Мы остаемся одни.

— Что в мире нового?

Значит, с болезнью кончено.

Но ведь говорить надо только о самых безобидных вещах.

Рассказываю, что самолет Советского гражданского флота «Ту-104» долетел до Лондона в рекордно короткий срок. В тот же день вернулся в Москву.

— Несколько дней не читаю газет. Мне сообщают самые важные события. Слыхал об этом полете. Интересно. Очень интересно. Но жаль...

Не могу понять, о чем жалеет Варпет.

Он говорит медленно, делая вынужденные паузы.

— Техника уничтожает романтику. Поколениями установленные понятия меры становятся мифом... Ты говоришь, из Москвы в Лондон за три часа с небольшим?

В подтверждение я рассказываю еще одну новость:

— Собираюсь в Каир, потом в Багдад, в твой Багдад. Из Москвы вылетим в одиннадцать утра на «Ту-104» и в пять часов дня будем в Каире. В Африке, Варпет, в Африке. Через шесть часов. С остановкой на срок пять минут!

— Чудесно! Техника делает такие скачки, что сразу не оценишь. Взять нашего крестьянина, которому в годы революции было лет двадцать — тридцать. Во многих районах Армении он рыл себе жилище прямо в земле. Так, как описал еще Страбон. Две тысячи лет назад он писал о жилищах, которые мы сами видели. Ты бывал в таких, с позволения сказать, армянских «домах»?

— Да, Варпет, в районе Спитака в 1920 году.

— Это же недавно, всего тридцать — тридцать пять лет назад. А орудия производства? Тоже чуть ли не из той эпохи. И вот теперь тот крестьянин сел на трактор, а его сын летал на истребителе, громил фашистов, дошел до Берлина.

Пауза. Он говорит тихо, но с волнением. Я не прерываю.

— Вступив в эру социализма, наш народ сделал гигантский скачок через века, от земляной норы до трактора. От деревянной сохи до мощного комбайна, от самотканой рубашки до радио и телевидения... И все в пределах одного поколения...

Варпет снова делает паузу и устало смотрит мне в глаза.

— Знаешь, почему я сказал: жаль?

— Нет, Варпет. Не знаю.

— В детстве я учился в Эчмиадзинской академии. Это ты знаешь. В осенние месяцы через Эчмиадзин из Аштарака, Ошакана и других мест Армении крестьяне ехали на подводах за солью в Игдир. Они останавливались на ночевку недалеко от нашей академии. Соберутся вокруг костра, готовят себе ужин, поют, курят, ждут рассвета, чтоб пуститься в путь. Мы знали: путь туда и обратно занимал у них две недели. Прошло время. Я поехал в Европу и очень скоро вернулся на родину. Мне захотелось побывать в этом загадочном Игдире. Крестьяне продолжали каждую осень ездить туда за солью. Я поехал в Игдир на фэртоне. Моя поездка заняла всего пять часов. Туда и обратно. Исчезла романтика моего детства.

Варпет переводит дыхание после столь длинной речи.

— Ты говоришь, что за пять часов долетишь из Москвы до Каира. Мне кажется, что ты тоже будешь разочарован.

Состояние Варпета ухудшалось. Но он жаловался не столько на болезнь, сколько на смерть своего друга Деника Демирчяна.

Люди старшего поколения Армении, люди интеллек-

туального труда — Степан Малхасянц, Манук Абемян, Яков Нанандян — жили долго. Их уже не было в живых. Примером долголетия оставались Демирчян и Исаакян.

Каждый раз, встречая кого-нибудь из друзей, Варпет повторял:

— Дереникы чка (нет Дереника).

Умер Аветик Исаакян в понедельник 17 октября 1957 года. В одиннадцать утра, как обычно, пошел в свою спальню. Лег. Через час жена поэта попросила обслуживавшего их молодого человека разбудить Варпета. Вернулся юноша:

— Варпет умер.

Умер во сне.

Это было в понедельник. А еще в субботу Карапет Ситал говорил мне:

— Звонили от Варпета. Спрашивали, почему давно не даю о себе знать. Давно — это значит два дня. Зовет меня Варпет. Сегодня уже поздно. Поедем к нему завтра.

В воскресенье утром мы подъехали к дому Варпета. Навстречу нам вышли его супруга и невестка.

— Аветик спит. Ему нездоровится. Не надо его сегодня тревожить. Лучше приходите завтра.

Вечером мы позвонили на квартиру Варпета. Он к телефону не подошел. Сын сказал, что Варпет будет ждать нас завтра утром...

Утро 17 октября 1957 года.

На сцене Академического театра оперы и балета имени Александра Спендиарова идет репетиция новой постановки. Дирижирует народный артист СССР Михаил Тавризиан.

Одиннадцать часов.

В одно и то же время угасают две жизни.

У себя дома во сне умирает Варпет.

На виду у всех актеров, на своем боевом посту, дав знак, чтоб оркестр готовился к репетиции, падает мертвым Тавризиан.

...Вечером того же дня мы входили в широко открытые двери знакомого особняка...

СРЕДИ БЕССМЕРТНЫХ

На высоком косогоре, у самого обрыва, ереванцы создали в двадцатых годах Пантеон. Внизу змеится дочь Севана — река Раздан.

Отсюда открывается живописная панорама.

С одной стороны — величавая снежная шапка Арагата. С другой — четырехглавый Арагац.

Похороны Варпета. Национальный траур. Всеобщее горе.

Траурная колонна медленно движется по улицам Еревана.

Нет больше Варпета.

В последний путь. В последний...

Пошел дождь. Крупный, обильный. Плачет сама природа. Крупными каплями дождя.

До самого Пантеона.

Никто не прячется от дождя.

Вот и Пантеон.

Вот могила учителя и старшего друга Аветика Исаакяна — поэта Иоаннеса Иоаннисяна. Он покоится под серым камнем. Могила у него такая же скромная, каким он сам был на протяжении всей своей жизни.

Валерий Брюсов говорил о трех звездах армянской поэзии, составляющих созвездие: Иоаннес Иоаннисян, Ованес Туманян и Аветик Исаакян.

На самом краю обрыва могила Комитаса,— Варпет писал о нем в конце своей жизни.

Тело Комитаса привезли сюда из дальних стран, и вот он лежит на виду Арарата и Арагаца...

На похоронах Комитаса тоже шел дождь, тоже плакало небо, когда цинковый гроб опускали в могилу. И все хором запели песню Комитаса «Дождь».

Варпет навсегда остался на виду Арагаца и Арарата, на высоком холме. Рядом с ним его старшие братья — Иоаннисян и Комитас.

Это в Пантеоне. А в жизни, как сказал армянский поэт XIX века Петрос Дурян, умерший в возрасте двадцати одного года:

Если близкие, с рыданьем
Гроб в могилу опустив,
Не промедлят с расставаньем,
Знайте: я, как прежде, жив...¹

(Перевод В. Брюсова)

---

¹ «Антология армянской поэзии». М., «Художественная литература», 1940, стр. 397.

ПЕВЕЦ ЮНОСТИ И ВЕСНЫ...

Мартирос Сарьян

ТРИ БОГАТЫРЯ

И караван Абул Алы, как ручей, что журча бежит
среди песков,
В дремотной ночи неспешно шагал, со звяканием нежным
больших бубенцов.
Размеренным шагом свой путь совершал ночной караван, вьясь,
как змея,
И звон сладкозвучный лился, затоплял погруженные в сон,
немые поля.

(Из поэмы Ав. Исаакяна. Перевод В. Брюсова)

Поэт, художник и композитор почти одновременно предприняли путешествие в сказочную страну арабов. В ту страну, где создавалась сказка о Шехеразаде, бессмертная книга «Тысяча и одна ночь».

Все они были родом из восточных армян и жили в разных местах Российской империи: поэт — в Армении, композитор — в Крыму, а художник — в Ростове-на-Дону.

Время было тревожное, бурное: первая русская революция осталась позади, вслед за ней наступила реакция...

Независимо друг от друга три деятеля искусства —

поэт, композитор и художник — бросились к арабам. Каждый своим путем и со своими надеждами.

Поэт — Аветик Исаакян. Это о нем Александр Блок в годы первой мировой войны сказал, что нет в Европе лирика крупнее Исаакяна.

У него был надежный и мудрый гид Абул Ала Маари — поэт и философ арабского средневековья. Он жил в эпоху «Тысячи и одной ночи». Во времена халифа Харуна-ар-Рашида.

Композитор — Александр Спендиаров, автор замечательных мелодий. Как и его коллега поэт, он предпринял свое путешествие на Арабский Восток, не въезжая в Багдад, не пересекая Красное или Средиземное море. Его проводником был Михаил Юрьевич Лермонтов. Музыкальная поэма Спендиарова «Три пальмы» обошла всю Европу. Аветик Исаакян впервые услышал ее в Венеции.

Третий богатырь — художник — был моложе двух первых. С красками и мольбертом в дорожном ящике он в самом деле отправился на Арабский Восток. Это был Мартирос Сарьян.

Так три области армянского искусства — поэзия, музыка, живопись — одновременно обратились к арабам.

Для Мартироса Сарьяна это был незнакомый мир — он еще никогда не бывал на Арабском Востоке. Но Стамбул был ему знаком по многочисленным рассказам в семье. Предки его часто пересекали Черное море.

Для всех троих Арабский Восток был необычной страной. Верблюды, пески, пальмы... Другой воздух, и солнце по-другому согревает землю. Другие нравы, другой быт. И мелодии другие.

Все это мы видим, слышим, чувствуем, читая поэму Аветика Исаакяна «Абул Ала Маари», слушая «Три пальмы» Александра Спендиарова, восхищаясь картинами Мартироса Сарьяна.

Попробуйте мысленно соединить три стихии искусства — музыку, поэзию, живопись. Каждая из них неповторима и пользуется своими средствами, но все вместе они составляют единое целое...

Перед первой мировой войной многие деятели русской культуры проявили интерес к жизни, истории, культуре Арабского Востока.

Русские арабисты Н. Я. Марр, П. К. Коковцев, И. Ю. Крачковский, В. В. Бартольд не раз ездили на Арабский Восток. Их изыскания получили широкое признание в мире арабистики и отражали стремление русской интеллигенции к углубленному изучению жизни арабского народа.

Экспедиция Мартироса Сарьяна на Арабский Восток была predetermined самой атмосферой, в которой начинал свой творческий путь молодой талантливый художник.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ

В дореволюционное время в Ростове-на-Дону не было ни одного высшего учебного заведения. Молодые люди, окончившие местную гимназию и желавшие получить высшее образование, уезжали в другие города России. Те, которые хотели стать врачами, ехали даже в Омск. В те времена нам казалось, что этот сибирский город находится где-то на краю света...

Положение резко изменилось в годы первой мировой войны.

В Ростов-на-Дону был переведен Варшавский университет. Вслед за Варшавским университетом в Ростов-на-Дону прибыли и некоторые другие учебные заведения, в том числе Консерватория.

Вместе со студентами в Ростове-на-Дону появились и студенческие организации. Среди них было армянское землячество, в котором состояло около пятисот человек.

Легальная студенческая организация с утвержденным уставом и правлением вела культурно-просветительную работу и материально помогала нуждающимся членам землячества.

Средства землячества составлялись из членских взносов и денег от ежегодных осенних благотворительных вечеров.

Членские взносы студентов были крайне незначительны и имели скорее символическое значение. Тем не менее нуждающимся ежегодно выдавали по двести рублей для платы за учение, не считая единовременных пособий.

Ясно, что все наши силы, вся выдумка, вся инициатива были неизменно направлены на то, чтоб благотворительные вечера проходили с успехом и приносили как можно больше дохода.

Среди членов армянского землячества была группа большевиков, которая вела нелегальную работу и среди студенчества и среди городского населения.

Начался 1918 учебный год. Наступила пора взносов за учебу, а значит, и выдачи ссуд. Все это вместе означало, что надо было приступить к подготовке очередного благотворительного вечера...

Было решено создать специальный орган по подготовке вечера: ядро его — правление землячества и несколько комиссий. В состав комиссий входили дельные ребята, и в каждой из них было несколько студентов из местных богатых семейств. Каждая комиссия имела по две, а иногда по три подкомиссии.

Столь громоздкая структура вполне себя оправдала, ибо только распространение билетов на благотворительный вечер представляло великие трудности...

Нашему сегодняшнему студенчеству все это вместе взятое покажется полной бессмыслицей. А мы по крайней мере месяца два трудились до седьмого пота, чтоб

наши товарищи, порою очень нуждающиеся, получили возможность учиться...

В различных помещениях большого клуба (за аренду его мы платили много денег) были у нас и комната с живым «факиром», и волшебный чайный домик, где «гейши» подавали цветочный чай, и восточная комната, где посетители получали кальян и чашку черного турецкого кофе. За все посетитель платил. Немалые деньги, по определенной таксе.

Задумали организовать аукцион. Такие аукционы обычно устраивались на благотворительных вечерах.

«Мобилизовывали» жен известных профессоров, особенно жен докторов медицины. Почему-то они имели наибольший успех у местной публики...

Но что вынести на аукцион? Что будет разыгрываться?

После долгих дебатов решили обратиться к Мартиросу Сергеевичу Сарьяну и Мариэтте Сергеевне Шагинян с просьбой дать нам произведения, специально созданные для этого аукциона.

Шагинян и Сарьян жили тогда в Нахичевани. Мы знали, что они дружат.

Вести переговоры с ними правление землячества уполномочило племянницу А. К. Дживилегова, студентку филологического факультета, и автора этих строк.

Творчество Сарьяна уже тогда было нам хорошо известно. Знали мы также книгу стихов Шагинян «Orientalia».

Начали с Сарьяна.

В осенний полуденный час мы пришли к Мартиросу Сергеевичу.

Дом, в котором жил Сарьян, стоял на одной из тихих улиц Нахичевани. Мало было тогда в прославленном городе — на родине М. Налбандяна, Р. Патканяна, Ал. Мясникова — таких привлекательных и уютных домов со своим садиком и цветником.

Мы без промедления изложили Сарьяну причину нашего прихода.

— Задумали вы хорошо,— выслушав нас, сказал Мартирос Сергеевич.— Аукцион на вечере студентов. Продаются набросок на бумаге и стихи. Хорошо! Со своей стороны могу сказать только одно — спасибо! А с Мариэттой Сергеевной я поговорю. Сегодня же поговорю. Вы зайдите к ней завтра. Мы с нею быстро выполним вашу просьбу.

Такого оборота дела мы и не ожидали. Видя, что Сарьян охотно идет нам навстречу, я набрался смелости:

— Мартирос Сергеевич, от имени правления землячества просим вас быть дорогим гостем на нашем вечере...

— Не могу,— прервал меня Сарьян,— не люблю такие вечера. Вашему делу я, как видите, помогу. Но быть среди совершенно чужой и непривычной публики, потерять целый вечер — нет, не могу... Когда-нибудь, если вы соберетесь поговорить о литературе и искусстве, я приду, если буду свободен...

Хозяин проводил нас до двери.

Разговор с Мариэттой Сергеевной был так краток, что нам стало досадно. Ни просить, ни уговаривать ее нам не пришлось.

— Мартирос Сергеевич уже передал мне вашу просьбу.

Шагинян достала из папки большой лист ватманской бумаги.

— Я переписала стихотворение из моего сборника «Orientalia».

Подписала. Поставила дату.

Аккуратно завернув лист в плотную бумагу, она передала его нам.

— Я договорилась с Мартиросом Сергеевичем, что он на этом листе сделает акварелью рисунок и тоже поставит свою подпись. Ну, в добрый час!

...За несколько часов до начала благотворительного

вечера мы принесли в клуб драгоценный лист с двумя автографами — художника и поэтессы...

На дам-патронесс наша инициатива не произвела никакого впечатления. Они привыкли ко всяким аукционам, но к тому, чтобы на них продавались автографы,— нет, к этому они не привыкли...

В разгаре вечера гости были приглашены в большой зал, где должен был состояться аукцион.

В организации аукциона принимал участие Георгий Иванович Чубар, человек удивительной судьбы. Присяжный поверенный по специальности, он был заметным человеком в дореволюционном Ростове-на-Дону. В свое время он кончил Лазаревский институт восточных языков и юридический факультет Московского университета. В студенческие годы писал рассказы на армянском языке, выпустил даже два сборника. Вернувшись в родной город, принимал деятельное участие в постройке нахичеванского театра, где много лет работал как драматург, актер и режиссер. Георгий Иванович одинаково хорошо говорил на русском и армянском языках. Он много лет выступал в армянской периодической печати с сатирическими произведениями на актуальные темы.

Студенты пригласили Георгия Ивановича на вечер в качестве почетного гостя. Г. И. Чубар был нам нужен. Он был своего рода магнитом для многих именитых людей города.

Мы торжественно передали Г. И. Чубару дорогой подарок Мартироса Сергеевича и Мариэтты Сергеевны и попросили его провести этот аукцион несколько иначе, чем обычно.

В успехе мы не сомневались. Девушки, по случаю такого торжества нарядно приодетые, ходили из комнаты в комнату, приглашая гостей в большой зал, где будет выступать Георгий Иванович.

— Господа, этот подарок мы получили от наших больших друзей — поэта и художника...

Г. И. Чубар высоко поднял над головою драгоценный лист.

— Я позволю себе прочесть стихотворение нашей любимой поэтессы Мариэтты Шагинян, собственноручно написанное на этом листе.

В зале становилось все теснее и теснее. Георгий Иванович прочел стихотворение Шагинян.

— Теперь определим, кто же будет обладателем этого сувенира. Вношу сто рублей. Кто больше?

Георгий Иванович достал сторублевую кредитку и на глазах у всех опустил ее на тарелку, покрытую шелковой салфеткой.

— Кто больше?

Георгий Иванович знал в лицо, по имени и отчеству всех местных богачей. Когда кто-либо предлагал новую цифру, Георгий Иванович повторял ее и называл имя и отчество господина, пожелавшего перещеголять предшественника. Протягивал руку в ту сторону, где стоял участник аукциона, чтоб девушка с тарелкой подошла к нему и приняла деньги.

Кому достался дар Мартироса Сергеевича и Мариэтты Сергеевны, я уже не помню.

Твердо помню только одно: на деньги, которые были собраны, не менее шести студентов получили возможность еще один год учиться в университете.

От имени нашего землячества мы горячо поблагодарили Сарьяна и Шагинян.

Так более шестидесяти лет назад я познакомился с Мартиросом Сарьяном.

ЦВЕТЫ

Почти в центре города еще можно было видеть вал, за взятие которого в 1827 году командующий русской армией князь Паскевич был провозглашен графом Эри-

ванским. Правда, через десять лет Николай Первый, приехав в Ереван, не без юмора спросил: «За этот вал?..»

От главного проспекта поднимаюсь вверх, к одному из холмов, попадаю в район, где за заборами зеленеют сады. В этот полуденный час почти никого не видно.

Недалеко от того места, где я нахожусь, в конце XVIII века были сады и виноградники. Здесь был и фруктовый сад старого Абовяна — деда основоположника новой армянской литературы Хачатура Абовяна.

Говорят, старик, по традициям своих предков, с весны до поздней осени не закрывал свою калитку. Каждый прохожий мог зайти отведать плодов его сада. А если иные прохожие стеснялись зайти, то для них у калитки с утра выставляли корзины с фруктами и виноградом. Бери сколько хочешь. Ешь на здоровье.

Подхожу к дому Сарьяна. Нажимаю кнопку звонка. Ждать придется недолго. Через решетку вижу, что ко мне идет немолодой седой человек. Я его вижу впервые. И он меня не знает. Открывает калитку, приглашает в сад.

— У меня всего часа полтора свободных,— говорю я.— Хочу воспользоваться случаем и повидать Мартироса Сергеевича.

— Войдите в дом. К сожалению, Мартироса Сергеевича нет сейчас в Ереване.

Оказывается, меня встретил старший брат Сарьяна. Теперь я припоминаю его портреты, написанные Мартиросом Сергеевичем.

Мимо цветника идем по саду в двухэтажный дом — в мастерскую художника.

Я прошу не спешить, чтобы повнимательнее осмотреть сад и в особенности цветник.

Позже в одном очерке о Сарьяне я писал:

«В доме-мастерской художника на стенах висят последние картины его, где много сарьяновских цветов. У него в саду много таких цветов. Таких же необычно-

венных, как на его полотнах. Я не знаю: цветы с картин были в саду художника или из цветов сада созданы известные сарьяновские картины...»

Можно было бы много написать о цветнике Сарьяна, вообще о его цветах. Как он подбирает их, рассаживает, выращивает, как создает симфонию красок, форм и сочетаний.

Талантливый кинорежиссер, он же живописец, Лаерт Ваграшян очень ярко показал работу Сарьяна над картиной «Цветы». Фильм выполнен превосходно.

На большой юбилейной выставке в честь восьмидесятилетия Сарьяна в Ереване, Москве и в других городах страны одно из центральных мест занимала картина «Победа». Это был отклик художника на великую нашу победу над фашизмом, на событие историческое, эпохальное.

В самом центре картины — огромный букет цветов. Сарьяновских цветов. Пестрых, крупных, разных. А вокруг огромные букеты, множество маленьких букетиков. Каждый из них имеет свою тональность.

Композиция задумана и исполнена по-сарьяновски. Масштабно. С размахом.

Ни единого человека! Но как много сказано о живых... мертвых бойцах, о народе, боровшемся за свою свободу, радость, землю... Большая Победа ценою жертв. Цветы торжествуют и в то же время призывают склонить головы перед памятью известных и безымянных героев...

В творчестве Мартироса Сарьяна цветы — это целый мир ощущений, настроений. И так на протяжении всей его жизни, более шестидесяти лет.

Я позволю себе только перечислить некоторые картины Сарьяна: «Цветы Грузии», «Цветы с дороги», «Цветы Арзни», «Цветущий уголок в саду», «Ереванские цветы», «Весна в уголке дворика», «Цветущий май», «Цветы Бюракана», «Весна в цвету», «Куст цветов». Есть серия картин: «Майские цветы», «Весенние цветы», «Степные,

Восточные, Розовые, Голубые, Луговые, Желтые, Яркие цветы...

Может быть, поэтому творчество Мартироса Сарьяна всегда было и остается солнечным, радостным, весенним, юным.

ПЕРЕД ДОКЛАДОМ

Язык Армении моей, его звучанье я люблю!
Среди старинных наших рощ струны рыданье я люблю!
Цветы, багряные, как кровь, и розы яркий аромат,
И пляску наирийских дев, их волхованье я люблю! ¹

Эти строки Егише Чаренца сегодня произносятся почти на всех торжественных и неофициальных вечерах в Армении и за ее пределами, когда собираются армяне...

В победном 1945 году Советская Армения праздновала свое первое двадцатипятилетие.

Вернулись к мирному труду защитники Родины. Страна начала залечивать глубокие раны, нанесенные фашизмом...

Из Москвы в Армению ездила группа приглашенных на юбилей республики. Среди них был Алексей Карпович Дживилегов, сравнительно недавно избранный членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР.

В декабре того же года в Москве, в Доме культуры Армении, состоялось торжественное заседание в честь двадцатипятилетия республики.

Докладчиком на этом вечере был А. К. Дживилегов, вернувшийся с юбилейных торжеств, глубоко взволнованный всем тем, что увидел в Армении.

Директор Дома культуры Сурен Сергеевич Саруханов принимал гостей. Проводив А. К. Дживилегова,

---

¹ Егише Чаренц. Избранное М., «Художественная литература», 1956, стр. 262.

М. С. Сарьяна и меня в свой кабинет, он ушел встречать новых гостей.

Давно мы не общались в таком тесном дружеском кругу. Каждая такая встреча — большая редкость. Впервые встретившись после Победы, мы, естественно, говорили о мирном труде, о жертвах, которые армянский народ вместе со всеми народами нашей страны понес в борьбе против фашизма.

Алексею Карповичу надо было собраться с мыслями перед докладом.

— Я придумал озорную концовку,— доверительно сказал он.

Эту концовку мы услышали в зале:

— На торжестве двадцатипятилетия Советской Армении было много народу. Вся республика ликовала. Было много гостей. Было очень и очень тепло, солнечно, радостно... Только один друг был забыт. Его не пригласили. И он стоял хмурый, с грустью смотрел на ликующий народ. За Араксом, на том берегу, стоял он, этот неприглашенный. Это был Арарат...

После доклада выступил Мартирос Сергеевич. Он стал читать стихи.

Я знал, что Сарьян любит поэзию. Дружит со многими поэтами разных возрастов, армянами и русскими, грузинами и азербайджанцами.

Он прочел наизусть стихотворение Егише Чаренца «Армения». То стихотворение, первую строфу которого я привел выше.

Где б ни был я, мне никогда напев армян не позабыть!
Молитвенно звучащих книг, письмен чекан не позабыть!
И как сердце ни разил счет наших ран — не позабыть!
Армению, мой милый край, до издыханья я люблю!¹

(Перевод И. Поступальского)

Это произведение Чаренца знает и поет вся Армения.

¹ Егише Чаренц. Избранное. М., 1956, стр. 262.

Сегодня в библиотеках можно найти около десяти монографий на армянском и русском языках о творчестве Мартироса Сарьяна. Среди них выделяется монография Рубена Григорьевича Дрампяна.

В издательской аннотации к книге Дрампяна сказано: «Книга написана старейшим армянским искусствоведом Р. Г. Дрампяном, который на протяжении многих лет изучал творчество этого замечательного художника».

К книге приложен «Список работ М. С. Сарьяна». В примечании к нему говорится: «Настоящий список произведений М. Сарьяна является результатом многолетней работы Р. Г. Дрампяна по разысканию и систематизации творений художника. Однако данный список нельзя считать исчерпывающим».

Нельзя считать исчерпывающим!

В монографии Дрампяна исследуется творческий путь Сарьяна (1898—1963 годы), встречаются такие записи:

«Местонахождение неизвестно», «Было в собрании (имярек)», «Местонахождение неизвестно».

Это значит, что некоторые картины Сарьяна не разысканы до сих пор и что поиски продолжаются.

В 1957 году в Ереван приехал из Америки художник Ерванд Аматуни (скончался в апреле 1968 года в США).

Гостил он у нас более двух месяцев. Тогда ему было за шестьдесят. Невысокого роста, подвижный, неугомный человек.

Попадая в Ереван, каждый зарубежный гость, независимо от профессии, считал своим неременным долгом побывать у Варпета и Мартироса Сарьяна. Если же гость был к тому же художником, посещение Сарьяна становилось просто необходимым...

Ерванд Амадуни часто бывал у Сарьяна, подолгу оставался у него, следил за его работой. Почти ежевечерне рассказывал нам о своих разговорах с Сарьяном.

Однажды вечером Амадуни заявил, что завтра он и Мартирос Сергеевич едут в Звартноц (развалины знаменитого армянского храма VII века в двух километрах от Эчмиадзина).

— Будем писать картины. Я и Сарьян.

В тот вечер Амадуни рано ушел к себе, сказав, что ему надо подготовиться.

На следующий день он появился только к обеду.

Нам не пришлось просить его, чтобы он рассказал подробности своей поездки.

Впрочем, некоторые ее эпизоды изложил в юмористических тонах водитель машины, веселый, общительный Завен:

— Мы оставили машину в стороне и пошли искать позиции. Я нес ящики с красками и мольберты. Художники несли холсты. Пока выбирали точки, смотрю, наш Амадуни все время кружится вокруг Сарьяна, присматривается к нему. Сначала бросил свой фотоаппарат, потом пиджак скинул... Я тем только и занимался, что собирал его вещи.

— Мне важно было знать,— пояснил Амадуни,— как Сарьян работает на натуре, когда южное солнце все время готово нарушить твой замысел. Ведь за несколько часов работы краски меняются. Я хотел знать, как все это у него получается.

Разговор продолжался в номере гостиницы «Интурист». Свою картину Амадуни нам не показал, сказав, что она еще не закончена.

Мы не настаивали. Хотя наша «агентура» — тот же водитель машины Завен шепнул нам, что Амадуни свою картину закончил.

— Приехали, договорились, разместились,— рассказывал Амадуни,— полтора часа я ходил вокруг Сарьяна.

Хотел изучить все его приемы, а он только устраивался. Я следил, как он раскладывает краски в ящике. Как передвигает мольберт. Подумайте — полтора часа я ходил вокруг Сарьяна! Я поставил свой мольберт, приготовился, а он все возится. То смотрит на солнце, делает какие-то расчеты. То, измеряя взглядом расстояние, что-то шепчет про себя. Не спешит, входит в образ. Мне надо было видеть, как он работает. Как кладет краски. Как устанавливает пропорции. Как у него получаются яркие тона... А он полтора часа готовится.

Завен говорил, что Амадуни еще долго ходил вокруг Сарьяна. Наконец у него лопнуло терпение. Сел на свой стульчик и начал работать.

После этого Амадуни еще два раза выезжал на место. Так закончилась его работа над картиной «Звартноц».

В труде Р. Г. Дрампяна сказано: «Звартноц в творчестве Мартироса Сергеевича отражен: в 1960 году — «Звартноц и Арарат».

Осенью 1962 года группа ученых Москвы и Еревана совершила поездку к могиле великого армянского ученого Месропа Маштоца.

Доктор филологических наук Саломея Григорьевна Аршеян наметила обратный путь через Арзни. Она предложила сделать небольшой круг, выехать в сторону гор Ара, заехать на прославленный курорт и потом спуститься к Еревану. Мы все согласились.

Косые лучи солнца, падавшие на скалы, на утесы, на покрасневшую землю, придавали ландшафту декоративный оттенок.

Я попросил остановить машины, выйти и задержаться на короткое время здесь, в горах.

Таких красок мне не приходилось видеть нигде.

Почти такое же зрелище я видел в Луксоре, в Египте, в районе Мертвого города и Города царей.

То, что простиралось перед нами сейчас, можно было взять «в рамки», и это был бы настоящий Сарьян!

Мы долго стояли молча, очарованные красками Армении.

Мы завидовали людям, постоянно живущим в Армении, имеющим возможность каждый день видеть этот естественный вернисаж Сарьяна — армянскую природу. Местные жители привыкли к этим картинам без рамок, к широким полотнам, когда сады в цвету, когда цветут персиковые деревья, когда с вершин утеса виден Цахкадзор, когда угрюмый утес, неизбежный участник всех армянских пейзажей, немного раскрылся, стал более доступен, когда по небу бродят полные света облака...

Мы с восторгом смотрели на меняющиеся краски, на их множество, обилие, разнообразие.

Мы с благодарностью вспоминали волшебника Мартироса Сарьяна, открывшего нам это обилие, давшего нам возможность видеть и ощущать богатство края, названного предками Арменией.

В тот осенний день 1962 года мы как бы заново открыли для себя и самого художника и источник его вдохновения. Перед нами открылась страна сочных, своеобразных, многоцветных красок, имя которой — Армения.

4

Рабиндранат Тагор

Я не знаю покоя. Я жажду того, что далеко.
Моя душа томится желанием коснуться края
смутной дали.

(Рабиндранат Тагор, «Садовник»)

Сентябрь 1930 года. К нам, в Советский Союз, едет Рабиндранат Тагор.

Он пробудет в нашей стране две недели.

Его приглашали к нам два года назад, на столетие со дня рождения Л. Н. Толстого. Но поэт болен. Находится под наблюдением врачей. Вынужден больше отдыхать, меньше работать.

Трудно поверить: мы увидим живого Рабиндраната Тагора! Этого индийского поэта, мудреца-философа и общественного деятеля, в Европе «открыли» с большим опозданием. Тогда Р. Тагору было пятьдесят лет. У себя, в родной Индии, он уже стал легендарным.

Почувствовав свое опоздание, Европа решила наверстать упущенное: последовало молниеносное признание, вручение Нобелевской премии. Тогда же Р. Тагор был признан и в России.

С творчеством Рабиндраната Тагора я познакомился еще школьником, прочитав залпом его книгу «Садовник».

В те годы мне казалось, что пятьдесят лет жизни — необыкновенно длинный срок пребывания на земле. Та-

гор — старик; портреты его тоже говорили — глубокий старик. Но какая у него юная поэзия!

Меня интересовали тогда и Индия и Тагор. В равной мере. Об Индии я знал значительно больше, чем о Тагоре.

Мне представлялось, что Тагор шел из далекой Индии, от древних мудрецов, из сказочной дали. Поэт-мечтатель. Такими были, по всей вероятности, Данте и Гомер, Фирдоуси и Кучак.

Судя по фотографиям, Рабиндранат Тагор очень походил на пророков и апостолов, какими представлял их себе Микеланджело и многие другие живописцы.

Понятно, я и не мечтал о встрече с Тагором. Но чудеса происходят и на нашей земле: Тагор приехал в Москву, и я увижу его, этого живого поэта-мудреца.

Далее произошло примерно следующее: телефонное объяснение между работниками Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС):

Мы (Всесоюзная научная ассоциация востоковедения). Нам очень важна встреча с Рабиндранатом Тагором. Мы хотели бы согласовать с вами место и время нашего разговора с ним. Просим сообщить ваши соображения.

ВОКС. Программа встреч с Тагором перегружена. План согласован с поэтом. Дадим вам возможность участвовать на одной из двух встреч с творческой интеллигенцией столицы или на приеме в ВОКСе.

Мы. Нам нужна встреча с Тагором для делового, профессионального разговора, а не для того, чтоб посмотреть на него.

ВОКС. Прибавить к сказанному ничего не можем.

Мы. Разрешите нам обратиться непосредственно к Тагору. Он знает нашу организацию. Только не мешайте нам установить контакт с ним.

ВОКС. Не можем разрешить. Мы отвечаем за все речи.

Мы. Отвечайте, пожалуйста. В том числе и за нашу встречу. Но дайте с ним повидаться.

ВОКС. Многие организации хотели бы встретиться с Тагором. Установлен общий для всех порядок...

Потом нам позвонили из ВОКСа и сказали: «Составьте вопросник для разговора с Тагором. Ваш вопросник будет заблаговременно передан поэту. Вы же пришлете нам список ваших научных работников — участников встречи, но не более десяти человек».

По пути в гостиницу «Гранд-Отель» мы говорили о необыкновенной работоспособности, удивительном трудолюбии Рабиндраната Тагора. В 1930 году ему было около семидесяти лет. После этого он прожил еще одиннадцать.

Тагор написал пятьдесят сборников стихов. Двенадцать романов и повестей. Более ста рассказов. Десяток пьес. Много книг по вопросам литературы, языка, философии и религии.

В дореволюционной России дважды выходили собрания сочинений Рабиндраната Тагора. Первый раз в восьми томах, второй — в шести.

За годы Советской власти в нашей стране интерес к творчеству Тагора сильно возрос. Первое же сообщение в нашей печати о том, что в Москву едет Рабиндранат Тагор, вызвало нетерпеливое ожидание.

Почему-то я не помню ни одной фотографии молодого Тагора. Всегда и всюду видел я один и тот же снимок: старомодная прическа, длинные, падающие на плечи седые волосы, борода клином, высокий лоб, многочисленные, резкие морщины на нем. Черты лица правильные, симметричные.

Сильное впечатление производили его выразительные глаза.

В приемной, где мы ожидаем Рабиндраната Тагора, полумрак, дневного света мало, а электрический почему-то включен не полностью.

Два секретаря Тагора, юные индийцы, похожие друг на друга, словно близнецы, непрерывно уходили и возвращались, деловито, бесшумно, быстро.

Наконец распахнулась дверь. Показался высокий, стройный человек. На нем была одежда из черной тяжелой материи, похожая на халат. Рабиндранат Тагор!

Поднявшись со своих мест, мы дружно приветствовали его. Вместе с Тагором вошли его секретари и, как это потом стало нам известно, его врач.

Сделав рукою знак, чтобы мы сели, Тагор сам не сел до тех пор, пока все мы не заняли свои места. Потом сел и он, за ним его врач. Секретари остались стоять. Так они и стояли до конца встречи.

Один из нас произнес краткую приветственную речь. Тагор слушал молча, не поднимая головы.

В ответном слове Тагор сказал:

— Я с удовольствием согласился встретиться с вами, ибо среди вас есть люди, изучающие мою страну, культуру моего народа. Если вы изучаете историю и культуру моей страны, значит, вы любите Индию. Значит, вы мои друзья. А я, сами видите, приехал к вам, ибо люблю Россию, значит, и вас, деятелей культуры вашей страны.

Так произошло наше знакомство с Рабиндранатом Тагором.

— Хочу вам, господа советские востоковеды,— начал Тагор,— открыть секрет. Скоро он перестанет быть секретом. Но вы узнаете его раньше всех. Давно уже задумал я написать книгу о России. Решил описать то, что увижу на месте. Название книги — «Письма о России». Я уже отправил отсюда первые главы этой книги.

По его речи не трудно было догадаться, что ему нездоровится,— говорил он с трудом.

— Меня усердно уговаривали,— продолжал Тагор,— не ехать к вам, в Советскую Россию. Разные люди настойчиво удерживали меня. Победили разум, желание, вера в правду, и вот я перед вами...

Среди подготовленных нами заранее вопросов был, между прочим, и такой:

— Вы пишете на бенгальском языке и сами же переводите на английский. Есть ли различие между бенгальскими текстами и вашими английскими переводами?

— Если я перевожу свои произведения,— ответил Тагор,— значит, полностью за них отвечаю как автор. Пишу я на бенгальском и английском одинаково свободно. Что же касается переводов моих произведений на другие языки, то я рекомендовал бы делать их с бенгальского, родного моего языка. Но бенгальский язык сегодня доступен только немногим. Когда Индия будет самостоятельным государством, дела будут развиваться по-другому...

Нам было предварительно сказано: не затягивать разговор, не переутомлять старого, больного человека.

Но все обернулось иначе. Когда Тагор ответил на наши заранее подготовленные вопросы, секретарь спросил нас:

— Хотят ли господа задать еще вопросы?

Разве можно было сказать, что «господа» не хотят задать вопросов Тагору?..

Почти все наши вопросы касались его творчества. Мы спросили, над чем он сейчас работает, известны ли ему переводы его произведений на русский язык и каково его мнение о них. Он охотно отвечал.

Один из нас обратился к Тагору:

— Нам, присутствующим здесь, никогда не приходилось слышать ваши произведения на бенгальском языке. Если вы не устали, мы очень просили бы вас прочесть нам отрывок из вашего произведения на родном языке.

Все поддержали эту просьбу.

Тагор немного помолчал, как бы размышляя, потом начал читать стихи.

Ничего подобного ни до, ни после этого чтения я в своей жизни не слышал.

Тагор читал удивительно легко, будто с плеч его сняли груз лет. Перед нами стоял не библейский пророк, а юноша. Читал он из «Садовника». Стихи лились, как песня.

Тагор кончил читать и сел, опустил голову.

Мы не двигались с места. Казалось, мы поняли все, что он прочитал нам на непонятном языке.

Время шло. Сидел Тагор. Сидели мы. Все молчали.

Потом мы по очереди подходили к мудрому старцу и обеими руками долго пожимали его правую руку в знак нашей горячей благодарности.

Хотелось сохранить в памяти его голос, его манеру чтения, всю совершенно непостижимую гамму выразительных средств.

Впоследствии я не раз слышал индийскую музыку. Видел индийских актеров. Знакомился с их искусством.

Но то, что я услышал в сентябре 1930 года в московской гостинице, я больше не слышал уже никогда.

Ш. Гхош написал труд «Рабиндранат Тагор и индийская музыка». Оказывается, за шестьдесят лет Тагор написал более двух тысяч песен. Он учился музыке профессионально: у педагогов, у устатов, дома, где музыка была в почете, у классиков индийской музыкальной культуры. Учился не только бенгальской музыке, но и музыке других народов Индии.

Ш. Гхош пишет: «Каждый, кому довелось хотя бы в какой-то мере общаться с Рабиндранатом Тагором, знает, как постоянно, глубоко и интенсивно жило в нем музыкальное вдохновение».

В «Письмах о России» Рабиндраната Тагора есть такое место:

«Я приехал в Россию, чтобы познакомиться с их системой просвещения. Все, что я увидел, меня поразило. За восемь лет просвещение изменило духовный облик народа. Немые обрели речь, тупые — живую душу, униженные — человеческое достоинство. Со дна общества, из

самых темных его глубин, поднялись те, кого все презирали. Теперь они получили равные права».

Тагор писал это письмо из Берлина 2 октября 1930 года, находясь на пути в Америку. Он ехал за океан.

«Душа радуется,— писал он,— когда видишь, как воды просвещения хлынули в пересохшее русло. Везде бьют ключом инициатива и творчество. Свет новых надежд озаряет их путь. Повсюду кипит полнокровная жизнь».

Во время нашей встречи с Тагором мы не задавали ему традиционных вопросов: как вам нравится наша страна? что примечательного вы увидели? с кем встретились?

Мы знали почти все, что касалось пребывания Тагора у нас: с кем он встречался; что его больше всего интересовало; какие беседы он вел.

Мы знали об откровенной беседе Тагора с Ф. Н. Петровым относительно просвещения и революции. Федор Николаевич, тогда руководитель ВОКСа, вел с гостем полемику по коренным мировоззренческим вопросам, и его прямота понравилась Тагору.

Перед отъездом из СССР Тагор встретился с московской творческой интеллигенцией.

Тагора спросили, на каком языке его литературные произведения читают в Индии.

— Мои произведения на моей родине главным образом поют и рассказывают друг другу на бенгальском языке. Грамотных мало, потому и читателей мало. Прежде я думал,— продолжал он,— что всеобщая грамотность народа может наступить через много лет мирного труда. Я допускал, что после избавления от гнета при самых благоприятных условиях можно научить народ грамоте не менее чем за десять—двадцать лет, чтобы люди могли поставить свою подпись и считать хотя бы до десяти... Здесь, у вас, я понял: моя фантазия отстала от реальности. Действительность оказалась впереди мечты!

Аветис Назарбек

Жаркий июльский день 1936 года. Я сижу в кабинете секретаря Правления Союза писателей СССР Гасема Лахути. Хозяина кабинета нет и, видимо, уже не будет.

Занимаюсь текущими делами.

Входит девушка — технический секретарь — и говорит: пришел незнакомый человек, хочет поговорить со мною.

— Пожилой, но стройный, подтянутый. Я его ни разу не видела у нас. Да и на приезжего из наших республик не похож. В руках у него палка, но она похожа на тросточку.

— Как его фамилия? Он не назвался?

— Фамилию сказал, но я загляделась на него и забыла. Вашу фамилию он назвал с ударением на последнем слого.

— Попросите, пожалуйста, его ко мне.

Уверенным шагом, высоко держа голову, в левой руке легкая палка, входит старый человек. Густая седая шевелюра и белая бородка. Густые брови и под ними горячие, жгучие глаза.

Поднимаюсь ему навстречу. Старик протягивает мне руку:

— Назарбек.

Видимо, хочет проверить: знают ли эту фамилию в Союзе писателей?

Пожимая его крепкую руку, спрашиваю:

— Поэт Леренц?

Эффект превосходит мои ожидания. Старик явно теряется. От его уверенного вида не остается и следа. Предлагаю ему стул, усаживаю и, стоя рядом с ним, говорю:

— Ваш первый сборник стихов вышел из печати в 1890 году, не так ли? В 1894 году ваши стихи уже были изданы на русском языке...

— Не думал, что меня могут помнить в Союзе писателей,— растерянно говорит старик.

Пока он приходит в себя, я вам его представляю.

В антологии «Поэзия Армении» Валерий Брюсов писал, что из новых поэтов, не включенных в антологию, особого внимания заслуживают... далее шло перечисление таких поэтов. Вторым упоминается Леренц. Это литературный псевдоним. Настоящая фамилия поэта Назарбек.

Стихи он писал на армянском языке, драматические произведения — на французском, рассказы — на английском.

Его литературный архив до сих пор находится у меня.

Произведения Назарбека часто печатались в дореволюционной армянской периодике. После Октября мне приходилось встречать его стихи и публицистические выступления в зарубежных демократических изданиях, но отдельными книгами они не выходили.

Это лишь одна сторона многообразной деятельности Аветиса Назарбека. Он был не только поэт и драматург, но прежде всего боец-революционер. Более полувека он активно работал в зарубежных странах, вел острую борьбу-

бу со своими идейными противниками, был дважды ранен.

Вернувшись в СССР в декабре 1933 года, он побывал в Центральном Комитете партии и в Коминтерне. Ему посоветовали остаться в СССР. Назарбек получил путевку в Дом ветеранов революции имени В. И. Ленина, где жили В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, М. П. Сажин и другие деятели русского и международного революционного движения: народовольцы, участники Парижской коммуны и т. д.

Дом ветеранов революции имени В. И. Ленина находился в уютном особняке на Шаболовке, где ныне помещается Министерство социального обеспечения.

...Нам не нужно было много времени, чтоб познакомиться.

По словам Назарбека, он меня знал и решился в удобное для него время заехать в Союз писателей, познакомиться.

— Я думал, что придется рассказывать вам, кто я, откуда такой взялся, что делаю...

Назарбек хотел посоветоваться насчет своих литературных дел.

По-русски он говорил великолепно.

— Если вы не возражаете, я хотел бы договориться о дальнейших встречах. Ваша помощь и ваши советы мне крайне нужны. Уверяю вас, мои посещения не будут назойливыми. Я умею ценить чужое время...

Я успокоил старика, а когда он ушел, невольно стал вспоминать эпизоды из прожитой им яркой, интересной жизни.

В 1892 году в Женеве Назарбек вместе с женой Маро перевели на армянский язык и выпустили «Манифест Коммунистической партии». Это был первый перевод произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на армянский язык.

Сохранились сведения, что Фридрих Энгельс знал об

этом переводе и даже согласился написать предисловие к нему. Однако документальных подтверждений этого нет...

Весной 1895 года не стало русского писателя и революционера С. М. Степняка-Кравчинского. Похороны его, состоявшиеся в Лондоне, превратились в политическую демонстрацию. Пришли представители различных политических организаций. С речами выступали Фридрих Энгельс и Аветис Назарбек...

В декабре того же 1895 года в Лондоне умер Фридрих Энгельс. На его похоронах присутствовал Аветис Назарбек. Выступал ли он там с речью — неизвестно.

(Аветис Вартанович никогда не рассказывал об этом и в своей биографии, копия которой хранится у меня. Он был исключительно скромнен, когда дело касалось его самого.)

Придя ко мне через некоторое время, Назарбек сказал:

— Я хочу просить вас познакомиться с моими пьесами на французском языке. Если найдете возможным, прошу вас показать кому-нибудь по вашему усмотрению. Мне хотелось бы знать мнение специалистов.

Он очень обрадовался, когда я обещал ему поговорить с работниками Иностранной комиссии Союза писателей. Тут же я договорился с Михаилом Яковлевичем Аплетиным, что пьесы Назарбека будут даны на отзыв авторитетному референту.

К сожалению, использовать эти пьесы нам не удалось. Написанные по крайней мере лет шестьдесят тому назад, они были построены по образцу мелодрам того времени...

В чрезвычайно осторожной форме мы сообщали Назарбеку, что отзыв авторитетного референта оказался не слишком положительным...

Позже выяснилось, что Назарбек мучительно работал

тогда над новой пьесой. Я узнал об этом после смерти Назарбека, ознакомившись с его архивом и побеседовав с народным артистом Армянской ССР Амо Харазяном.

Приехав в Армению, Аветис Вартанович встретился со своим старым другом, одним из организаторов армянского народного театра в дореволюционное время, режиссером Амо Харазяном. В первые годы Советской власти Харазян возглавлял труппу передвижного народного театра. Его любили, ценили его энтузиазм, оказывали ему всемерную поддержку.

Был заключен договор, по которому Назарбек обязался написать историческую пьесу. Ставить ее должен был Амо Харазян.

В архиве Назарбека сохранились наброски этой пьесы. Закончить ее автору так и не удалось.

— Живи он тогда в Армении, у меня под рукой, — с досадой говорил мне Амо Харазян после смерти Аветиса Вартановича, — я получил бы от него пьесу.

Аветис Назарбек прожил большую жизнь. Он умер семидесяти лет.

Среди других его вещей хранится у меня и авторучка, подаренная ему рабочими Бостона в 1923 году с трогательной надписью. Рабочие индустриального центра США благодарили Аветиса Назарбека за его революционную работу.

Борьба внутри партии гнчакистов, к которой много лет принадлежал Назарбек, неизбежно привела к поляризации ее противоположных течений. Два покушения на Аветиса Вартановича — явное свидетельство остроты борьбы правого крыла гнчакистской партии против своих идейных противников...

В 1933 году он пересек границу СССР, чтобы больше не возвращаться за границу. Но его очень тревожила судьба тех, кто еще находится в рядах гнчакистов. Замкнутая в своих национальных рамках, не связанная с передовыми революционными отрядами тех стран, где ее

члены действуют,— такая партия не более чем пережиток прошлого. Это понимал Назарбек и хотел, чтоб поняли все гнчакисты.

Ему было ясно, что наступило время для полного разрыва с гнчакистами. Он верил, что путь революционера, если он действительно революционер, патриот, борец за счастье народных масс, не может не привести его в ряды коммунистической партии. Он мечтал о том дне, когда армяне, разбросанные по воле трагической судьбы по всей планете, все вернуться домой, в Советскую Армению.

Он был слишком сдержан, чтоб сказать: «К сожалению, мне уже не придется увидеть это своими глазами»... Этих слов мы от него не слышали.

...Он умер в Москве незадолго до Отечественной войны.

По страницам этой книги, мой дорогой читатель, мы с вами шли вместе.

Вы шли сравнительно недолго — с той поры, как начали читать мои воспоминания, я же шел если не всю жизнь, то по крайней мере не одно десятилетие. Теперь нам пришла пора распрощаться.

Когда мы шли по страницам этой книги, с нами встречались люди, которых я очень любил и люблю до сих пор. Их уже нет на свете. Но любовь моя к ним не умерла. Михаил Светлов однажды сказал про одного из своих друзей:

— Я дружу с ним и после его смерти.

Теперь вы, мой дорогой читатель, прочитали книгу и закрыли ее. Значит, нам надо расстаться. А мне грустно. Почему?

Вспоминаю старинный народный сказ.

Юноша каменотес прошел большой трудовой путь: был подмастерьем, обучался, совершенствовался, и наконец его посвятили в мастера.

Молодой каменотес стал мастером по строительству

мостов и дал клятву: за свою жизнь построить двенадцать мостов.

Он спешил. Строил один мост за другим. С каждым днем его мастерство становилось все совершеннее. Но когда он строил предпоследний мост, то заметил, что постарел, очень постарел... Сдав этот мост, мастер боялся приступить к строительству нового. Ведь новый мост должен был стать двенадцатым, последним...

Ну, построит он этот двенадцатый, последний, мост. А что же будет дальше? Что ждет его впереди? Конец? Вернемся, однако, к нашей теме.

У меня спрашивают друзья: а где же другие, не менее замечательные люди, с которыми ты встречался в жизни? Почему бы тебе не рассказать и о них?

Да, таких людей было немало. Но смогу ли я рассказать хотя бы о немногих из них? Вот почему мне грустно расставаться и с книгой и с вами, мой добрый читатель...

Вас ждут собственные дела, встречи, радости... Придется сделать паузу.

Какова она будет? Не знаю. Но, по старому обычаю, посидим, помолчим несколько минут перед этой паузой, как перед дальней дорогой...

СОДЕРЖАНИЕ

1

ТИЛЬЗИТСКИЙ ДОГОВОР	7
НАРКОМ ЗА РАБОТОЙ	17
НА БЕСКРОВНОМ ФРОНТЕ	26
ДАВНО ЛИ ЭТО БЫЛО?	46
СТАРЕЙШАЯ	57

2

«ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»	65
В МИРЕ КНИГ	75
В ОСОБНЯКЕ НА ПРОСПЕКТЕ МИРА	90
С ЮНЫМ ЗАДОРОМ	95
РЯДОМ С НАМИ, ЖИВОЙ	106

3

ВСЕГДА В СТРОЮ	111
НАЕДИНЕ С ВАРПЕТОМ	129
ПЕВЕЦ ЮНОСТИ И ВЕСНЫ	151

4

НЕУГАСИМОЕ ПЛАМЯ ЕГО СЕРДЦА	169
ПОЭТА ЗНАЛ ФР. ЭНГЕЛЬС	176
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	182

Аршалуйс Михайлович Аршаруни

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

М., «Советский писатель», 1979, 184 стр. План выпуска 1979 г. № 70. Редактор *И. Н. Жданов*. Худож. редактор *Е. И. Балашева*. Техн. редактор *А. И. Мордовина*. Корректор *Р. Г. Рагимова*

ИБ № 1798

Сдано в набор 12.06.79. Подписано к печати 11.10.79. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,05. Уч.-изд. л. 7,66. Тираж 50 000 экз. Заказ № 556. Цена 55 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109